

Александр Коломийцев

Яблони в цвету
Книга 1 Братья по разуму

16+

Александр Коломийцев

Яблони в цвету. Книга
1. Братья по разуму

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Коломийцев А. П.

Яблони в цвету. Книга 1. Братья по разуму / А. П. Коломийцев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Действие романа происходит в далёком будущем. Канули в небытие войны, кровопролитие, социальное неравенство. Жажда познания, дух непоседливости, предприимчивости зовут Человечество в Космос. Звездолёты со сверхсветовой скоростью мчатся во все концы Вселенной. Найти во Вселенной Разум - заветная мечта звездолётчиков. С одного из поисковых звездолётов приходит искажённое сообщение, из которого можно понять, обнаружив разумные существа, звездолёт попал в беду. Снаряжается поисково-спасательная экспедиция, членов которой ждут неожиданные приключения.

© Коломийцев А. П., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть 1. Земляне	5
Глава 1	5
1	5
2	8
Глава 2	11
1	11
2	12
3	13
4	15
Глава 3	20
1	20
2	24
Глава 4	27
1	27
2	28
3	30
Глава 5	32
1	32
2	34
Глава 6	38
1	38
2	39
3	42
4	47
Глава 7	49
1	49
2	53
Глава 8	56
1	56
2	57
Глава 9	66
1	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Часть 1. Земляне

Глава 1

1

Тугие витаминно-кислородные струи воды, бьющие со всех сторон, нежили и наполняли бодростью утомлённое на тренажёрах тело. Повинуясь мелодичным звукам расслабляющего «Отдыха», Клэр, от удовольствия мурлыча, словно котёнок, которому ласковые пальцы щеко-чут шейку, изгибалась в подобии пластического танца. Выполняя заданный режим, сработал автомат, томные тягучие звуки сменились грохотом космика, и на купальщицу обрушился водопад ледяной воды. Взвизгнув, она обхватила себя руками и присела на корточки, но тут же со смехом встала и запрокинула лицо навстречу будоражащему потоку. Нежные пальчики коснулись клавиш и в кабину на смену резким, обжигающим холодом, струям влаги ворвались вихри тёплого сухого воздуха, наполнив её запахом прогретого соснового бора.

Клэр повернулась к зеркальной стене и, давая телу обсохнуть, простояла несколько минут, разглядывая себя. Бёдра могли быть чуть полнее, а грудь капельку больше. Но он хотел именно это тело, какое оно есть, и она сама, от кончиков ногтей, до самых глубин души, с замиранием и восторгом ждала того мгновения, после которого жизнь её наполнится небывалым блаженством и счастьем. Она подумала о них двоих, желание тёплой волной прошло снизу вверх по её телу, заставив напрячься бёдра, отяжелеть соски и перехватив дыхание. Клэр прикрыла глаза и едва не застонала. Тряхнув подсохшими каштановыми волосами, она улыбнулась в зеркало и, нагнувшись, провела ладонями по всему упругому телу от округлых коленок до налитых грудей с торчащими тёмными виноградинками сосков. Напевая не очень серьёзную песенку о том, как на Неизвестной планете прекрасный Обезьянин похитил прекрасную девушку у её незадачливого жениха, и что из всего этого получилось, она вышла из душевой кабинки.

За спиной раздался лёгкий свист, дверная плита в соседней кабинке сдвинулась и из неё вышла золотоволосая девушка с голубыми глазами. В отличие от Клэр, одухотворявшей взоры законченной точённостью фигурки, роскошные формы её подруги вызывали сердцебиение и пресекали дыхание. Представителю противоположного пола надо было иметь крепкие нервы и железную выдержку, чтобы при виде её наготы удержаться и хоть на миг не окунуться в хмельные волны фантазии, рисующей картины утех. Умопомрачительные бедра, обхватывая тело, зажимают его тиски, грудь трепещет от ласки, а сочные полные губы, обжигая, готовы выпить в поцелуе.

Золотоволосая подняла руки к груди, слегка оттянутые книзу своей пышностью. Клэр посмотрела на неё, засмеялась и захлопала в ладоши.

– Виолка, ты совсем, как Афродита! Правда, правда, – смеясь, она подтолкнула подругу к залитой лучезарным солнцем стене, где на фоне голубого неба и бирюзовых волн, ступая по белоснежной пене под восхищёнными взглядами людей, сбежавшихся поглядеть на диво дивное, на брег морской выступала нагая богиня. – Клянусь богами, её с тебя изобразили!

Сквозь смех слышалось неподдельное восхищение и, чтобы не обнаруживать явно, перед подругой, как приятны похвалы её фигуре, Виола тоже засмеялась, запрокинув голову и показывая два ряда жемчужных зубов.

– Нет, это меня мама с папой по Афродите запрограммировали.

– Между прочим, – Клэр упёрла руки в боки и с торжественным видом подняла на подругу серьёзное личико, – ты и Венера Милосская – никакого сравнения! У неё даже талии нет, а уж грудь! – и она пренебрежительно махнула рукой Ладно, ладно, захвалишь, мне тоже руки оторвут, – взгляд Виолы скользнул по другой стене, на которой вокруг величавого бога морей резвились весёлые дельфины, и на её лицо набежала невольная тень.

– Виолка! – воскликнула Клэр, – сейчас же перестань! Это же изображение, здесь всё подстроено, а у тебя картина. В этом дрейфе у тебя всё получится. Вот помяни моё слово.

– Сейчас не дрейф и чует моё сердце, что скоро всем нам будет не до картин. – Из груди девушки непроизвольно вырвался сокрушённый вздох. – Не получается у меня, хоть плачь. В голове всё вижу ясно, даже брызги падают, а как дойду до холста...

– Всё равно не хмурься. Сегодня нельзя хмуриться, – Клэр широким жестом взмахнула руками и с мечтательным выражением на лице сделала несколько танцевальных “па”.

– Что с тобой сегодня, подруженька? То прямо пляшешь на месте, то, как пташечка распелась в душевой, – Виола с подозрением посмотрела на резвящуюся по непонятной причине подругу.

– Сек-крет! – ответила Клэр и закружилась в танце. – Не скажу! Не скажу, не скажу, не скажу!

– Даже мне? – спросила Виола посмеиваясь.

– А тебе, Виолка, тем более.

– Это почему же? – Виола подошла к зеркальной стене и, перекинув через голову волосы, начала их расчёсывать.

– Потому что ты сногшибательно прекрасна, дитя моё! – пропела Клэр. – От тебя-то секрет как раз.

– Во-он оно что! – засмеялась Виола. – Боишься, уведу?

Клэр подплыла к зеркалу и встала рядом с ней.

– Поражаюсь, как это тебя саму до сих пор Леклерк не приручил. Уж как он на тебя смотри-ит! Думаешь, не вижу? – и Клэр погрозила в зеркало пальчиком.

– О-о! Пье-ер-р! – Виола подняла кверху лицо и закатила глаза.

– А-ах-х! Пьер! – сладострастным шёпотом отозвалась Клэр и в томном изнеможении раскинула руки.

Подруги встретились в зеркале глазами и весело захохотали.

Клэр включила музыку и, замысловато изгибаясь, опять закружилась по холлу.

– Или ты их обоих заарканила? – хитро прищурившись, она обернулась к Виоле.

– Кого обоих? – отозвалась Виола непонимающим взглядом.

– Ещё спрашивает! Мартынова и Леклерка, конечно!

– Ах, ты! – Виола подстерегла проплывающую мимо Клэр и щипнула за напрягшуюся округлую ягодицу.

– Ах, та-ак! – Клэр изловчилась и шлёпнула Виолу по мягкой нижней роскоши.

Подруги в один голос завизжали и, награждая, друг дружку щипками и толчками, упали на тёплый диван. Уф! – Виола первая успокоилась и села, полуобняв неугомонную товарку. – Ну, признавайся! Коростылёв?

– Коростылёв, – прошептала Клэр и, прижав ко рту ладони, посмотрела на Виолу округлившимися от радостного изумления глазами.

– О, великие боги! – воскликнула Виола, не в силах сдержать улыбки, и покачала головой при виде непритворного восторга подруги. – Можно подумать, что тебе пятнадцать лет и это первый мальчик, который поцеловал тебя и поклялся в вечной любви.

– Мне уже не пятнадцать, а на двенадцать лет больше, – вздохнула Клэр, – и Коростылёв не первый мой мальчик. Только с Коростылёвым у меня на всю жизнь, – сказала она серьёзно.

– До гробовой доски? – засмеялась Виола. – А с теми, что любили тебя до него, у тебя не на всю жизнь было?

– К ним я тоже что-то чувствовала, и мне было с ними приятно, надеюсь, им со мной тоже, но всё это не то. С Коростылёвым у меня по-другому. – Клэр, запустив руку в волосы подруги, перебирала их пряди на своей ладони. – Я знаю, ты опытней меня и искуснее в утехах, но, клянусь, такого у тебя не было. Понимаешь, – и она опять посмотрела на Виолу округлившимися, подёрнутыми влагой глазами, – только это секрет, я хочу родить от него. Да. И не один раз. Представляешь, у нас будет такой ма-ахонький ребёночек, – она переплела перед собой руки, словно уже совершила своё доброе дело, и юный отпрыск Коростылёва впивался беззубым ртом в её грудь. – Сегодня за ужином мы объявим всем, что мы муж и жена и пусть только наш богоподобный командир, этот кибер ходячий, не позволит выпить всем за наше счастье шампанского. Я буду вся в голубом, – закончила она неожиданно.

– Почему не в белом? – спросила Виола, с которой неожиданно слетела вся её беззаботность.

– Мне так больше хочется, считают – голубой больше подходит блондинкам, а мне он всё равно нравится.

– А как же Марк?

– Марку я никаких поводов не давала, – ответила Клэр сердито, – он сам навоображал и все почему-то подумали, что это так и есть. А у меня ничего с ним даже и в мыслях не было. Я Коростылёва с первого дня заметила, ещё там, на Луне. Знаешь, – зашептала она, – Коростылёва по-настоящему не Олегом, а Олом зовут. Он еще, когда в колледже учился, докопался, что его пра-пра-пра были русские. А у русских давно, давно, две тысячи лет назад был такой император, нет, не император, князь. Вот, на русских всё нападали, нападали, а этот князь, его Олегом звали, отбивался от всех врагов. И Коростылёв в его честь своё имя переделал. Вот. Сына мы Алёшей назовем. Это когда маленький. А когда взрослый – Алексей. Правда, такое доброе, домашнее имя – А-лё-ша!

– Конечно хорошее имя, – улыбнулась Виола. – Раз Коростылёв сказал.

– А ты откуда знаешь? Ах, ты! – и Клэр набросилась на свою насмешливую подругу. Виола, защищаясь, подняла руки: «Тихо, тихо, тихо». Клэр засмеялась: – Да, это Коростылёв придумал.

– А почему сын? Вы его что, по программе творить будете?

– О! Никаких программ. Кто будет, тот и будет. Просто, если мальчик, называет Олег, если девочка – я. А я ещё не придумала. Мне всё равно, лишь бы ребёночек был. И вообще, я его и кормить, и воспитывать сама буду. Никаких городков, пять лет исполнится, тогда уж конечно.

– Ну, а твои пра-пра-пра кто были? – Виола лукаво посмотрела на Клэр, но та на этот раз не попалась.

– Ты знаешь, мне это абсолютно безразлично, – она засмеялась. – Всё равно когда-то все по веткам прыгали.

Виола встала с дивана и потянулась всем телом. Грудь её приподнялась, и у Посейдона на стене заблестели глаза.

– Я как подумаю, всегда радуюсь, что родилась женщиной, – говорила она. – У мужчин всегда пунктик какой-нибудь, вроде этих пра-пра. Мужчины не могут просто жить и наслаждаться жизнью, они вечно какие-нибудь проблемы выдумывают, – протянув к Посейдону руки, воскликнула: – Великие боги, скажите мне, пожалуйста, если мужчина даёт мне наслаждение, какое мне дело до его пра-пра-пра?

– Ты уж прямо всё к одним утехам сводишь, – с иронией заметила Клэр.

– Милая моя подруженька, да на этом мир испокон веков держится. Почему раньше столько войн было? Не знаешь? Вот слушай. Раньше, ну совсем давно, женщина жила как

животное, даже если на неё всякие украшения вешали: золото, драгоценности и так далее, всё равно она была полуживотным. Потом, конечно, всё менялось, люди становились цивилизованней, женщина по своей свободе приблизилась к мужчине, но всё равно это была не настоящая свобода, потому что женщина жила в вечном страхе, комплексах и тому подобное. А теперь скажи – могло ли такое полузапуганное существо дать мужчине настоящие утешения? Нет, конечно. Так, удовлетворение естества. А у мужчин из-за этого развивались комплексы, периодически портилась кровь, и закипали мозги. Вот тогда они начинали друг друга резать, стрелять, сжигать. Я об этом целый трактат в университете написала.

– Ну и как, обнаружили? – спросила Клэр, зажимая рот рукой.

– Не-а. Гражданин уважаемый профессор сказал, что у меня самой мозги закипают, – Виола, запрокинув голову, захохотала, – от вида мужчин. – Она прыгнула на диван и села рядом с Клэр, скрестив ноги. Отсмеявшись, лукаво прищурила левый глаз. – Но пока что, мозги у них в основном закипают. От моего вида.

– У обоих? – кольнула Клэр и плутовски подмигнула.

Виола не приняла шутки.

– Ф-фу, какая ты злая! – лицо её приняло сердито-обиженное выражение, и она отвернулась.

2

С некоторых пор упоминание имени Мартынова рядом со своим начало злить Виолу. Давно, месяца два назад, она заметила на себе зовущий взгляд Леклерка. Природа наделила Пьера благородной мужественностью, дополнявшейся обворожительным шармом. Наедине с собой, Виола не могла без волнения думать о первом пилоте. Её влекло к нему и это влечение нашёптывало: если она откликнется на призыв, эти часы станут надолго незабываемы для обоих. Она истает в ласках, и сама подарит наслаждение, которое он не испытывал ни с одной женщиной.

Они хотели этого оба, и это произошло. Виола приходила к нему в каюту, объясняя Клэр, с которой делила жилище, что, позанимается на дисплее над картиной в тиши, днём её донимали зрители. Клэр скорее всего обо всём догадывалась, но делала вид, что верит в ночные занятия подружки живописью. Днём они на эту тему не разговаривали. Леклерк занимал каюту вдвоём с Битовым, но док, пользуясь служебным положением, перебрался в пустующий медицинский отсек. Виола невзначай раскрыла тайну. Кроме любви дока к свежему воздуху, существовала ещё тридцатипятилетняя программистка Мадлен Караян. Но ей до этого не было никакого дела, может у неприступной Мадлен по ночам голова болит. Только могла бы вести себя и поприятней, когда по пути в лифт сталкивалась с Виолой в ночном коридоре.

Её предчувствия оправдались – в каюте Леклерка она проводила восхитительные ночи.

Когда они вставали с ложа, он, смеясь, показывал следы ногтей, она тоже смеялась и покрывала ранки мазью. Повернувшись к ней спиной, он говорил, что с такими отметинами не рискует теперь ходить в душевую спортзала, каждый раз приходится подыматься в каюту, но он не против ежедневно проливать кровь таким образом. Ежедневно не получалось, наспех они не встречались.

И тут рядом с ней появился этот несносный Мартынов. Зубоскал и острослов, он немо смотрел на неё тоскующим взглядом. Эти мартыновские взгляды внесли дискомфорт в её душу. Она вдруг с отчаянием поняла, что пока рядом Мартынов, ни с кем, ни с Леклерком, ни с кем иным, не сможет спокойно насладиться жизнью. Если бы ещё он хоть что-нибудь говорил, нет – только молча смотрел на неё, а когда она отвечала сердитым колючим взглядом, молча вздыхал и отворачивался. На следующий день всё начиналось сначала.

– Вчера ещё этот привязался – червяк засушенный, добродетель ходячая – Питер Хайнелайнен. Это ж надо, какой слог! «То что, само собой разумеется, где-нибудь на средиземноморском пляже, не совсем уместно в тесном мирке поискового звездолёта с неизвестной длительностью полёта и несбалансированным соотношением полов. Тем более что ваше поведение не совсем безразлично ни Мартынову, ни Леклерку». Если бы это не к ней относилось, она бы от такой речи хохотала до упаду. Это ж надо такое выдать! Да они что, созревающие юнцы, и у них теперь начнутся комплексы и гормональные сдвиги?

Всё из-за того, что она в почти обнажённом виде вместе с Леклерком, Титовым и Мартыновым принимала ультрафиолет. Неужели она виновата, что они вслед за ней приволоклись? Она в солярий первая пришла, а когда они появились, вообще-то хотела прикрыться, но потом решила, что если после их прихода начнёт одеваться, ребята могут обидеться. Подумают, что она им не доверяет и вообще, за каких-то маньяков принимает.

И какое этому Хайнелайнену до всего дело?

Виола, как почти все на звездолёте, за исключением Командира, его заместителя по экспедиции Армена Фуше и врача Энтони Битова, не знала, что специалист по контакту Питер Хайнелайнен является ещё и корабельным психологом. И именно благодаря ему – червяку засушенному – в кают-компанин частенько звучал беззаботный смех.

– Ну, чего ты? Обиделась, что ли? – Клэр тронула подругу за круглое колено. – Я же шутя.

– А, ерунда, не переживай, – Виола тряхнула головой, разметав волосы. – Это я так.

Подруги помолчали, Виола, повернувшись к Клэр, сказала, с улыбкой глядя на девушку:

– Знаешь, я в первые дни тебя невзлюбила, тогда ещё, перед первым прыжком. Вот думаю – мыбра засушенная, и с такой в одной каюте весь полёт маяться. Хуже нет, когда на корабле кто-то шуток не понимает, только скрипит и тоску на всех наводит. – Виола втянула внутрь щёки, свела к переносице глаза и произнесла противным голосом, кому-то подражая: – Ме-ме-ме!

Клэр посмотрела на неё, и подруги весело захохотали.

– А ты много уже налетала? – спросила Клэр с лёгкой завистью.

– Всего в космосе больше двух лет, – с гордостью ответила Виола. – На рейсовиках в систему Утренней звезды летала. Изучала на Авроре вземные формы жизни, – не сдержавшись, прыснула в кулачок. – Такие ма-аленькие формы, инфузории называются. А вот на поисковике впервые.

– А я только на Венеру летала. Ещё когда Молодёжку проходила, но это не считается. Я поэтому и была такой серьёзной, всё не верилось, что взяли. Когда первый прыжок совершили, перестала придуриваться. А пока с Луны не взлетели, вообще тряслась, вот, думаю, Командир ещё раз списки проверит и скажет – зачем такую неопытную брать, ни разу на звездолёте не летала, возьмёт и вычеркнет. Знаешь, как я его боялась, – Клэр передёрнула плечами, показывая, насколько сильными были её страхи. – А ещё первого прыжка боялась. Вот, думаю, как впаду в кому, и на этом весь полёт и закончится. Ведь бывают же случаи.

– Как же, помню, помню, – ехидно захихикала Виола, перебивая подругу. – Отбой дали, а она всё в кресле лежит, глазами хлопает – «а когда же прыжок будет?» Ну, умора! Я тебе – «вот из кресла выпрыгнешь, тут тебе сразу и прыжок совершится», а ты глазёнками хлоп-хлоп, «как же прыгнуть? Фиксироваться же надо?» Ой, не могу!

Девушки бы ещё долго, позабыв обо всём на свете, словно не проводили вместе добрую часть дня, а встретились после многомесячной разлуки, поверяли друг другу накопившиеся секреты, но над их головой раздался шорох, они переглянулись и посмотрели вверх, скользнув глазами по омывающимся эллинским богам. Посейдон, насмешливо-вкрадчивым голосом Марка Джагоева, ехидно спросил:

– Дамы, вы на нет измыли свои прекрасные тела, или что-то осталось?

Дамы пискнули и Виола, нажав на кнопку двусторонней связи, крикнула, подняв к морскому богу лицо:

– Секунду, мальчики, мы уже одеваемся!

– Вот ничего себе! – всплеснула руками Клэр. – Поболтали мы с тобой! Теперь меня Хайнелайнен заждётся.

Девушки соскользнули с дивана и торопливо натянули на себя шорты и короткие блузки-распашонки. Виола тоном бывалой звездолётчицы недовольно проворчала:

– Всё-таки на рейсовиках с удобствами намного лучше. Там даже бассейны есть. А тут или в очередь, или тащись по звездолёту вся в поту мыться в жилой отсек.

В каюте они сбросили с себя легкомысленные одежды и наскоро облачились в комбинезоны. После завтрака на прихорашивание уже не оставалось времени. Виола завернула волосы в клубок и прошлась по лицу пульверизатором. На губы и ресницы затратила несколько движений. Клэр, у своего зеркала критически оглядывала лицо с разных сторон, нанося последние штрихи.

– Твой Хайнелайнен не обратит на все труды ни малейшего внимания, идём уже, – поторапливала Виола. – Довертишься, будет грызть тебя полдня.

– Зря ты его так невзлюбила, – возражала Клэр, поджимая и разжимая губы. – Он вообще-то добродушный дядечка, своеобразный конечно.

Лёгкой, скользящей походкой подруги пробежали мимо весёлых мартышек, подмигивающих со стены, раскрытых дверей дендрария и влетели в кабину лифта.

– Надо было сразу в кают-компанию идти, – проговорила Виола, нажимая на кнопку. – Мечемся, как угорелые вверх-вниз.

– Наши лица были лишены боевой раскраски после душа, – ответила Клэр, продолжая разглядывать себя в зеркало.

– Это всё ты, болтуша, со своим Коростылёвым.

Кабина остановилась, створки дверей разъехались в разные стороны и девушки гордой поступью вышли в коридор.

Глава 2

1

Клэр надеялась переговорить с Командиром в привычной обстановке, у неё до сих пор по спине пробежал холодок, когда она встречалась с ним, но на завтрак он не пришёл. Утром кают-компания пустовала, и они заняли отдельный столик. Виола, едва увидев поднявшегося навстречу Коростылёва, сразу же упорхнула, оставив их вдвоём. Олег, как обычно отшучивался, идти к Командиру он, и не собирался.

– Это наше личное дело, – говорил он, – ребята и без Командира переместятся, потеснятся и выделят нам каюту. У Битова весь лекарский пункт пустует.

– Нет, – упрямо настаивала Клэр, – я хочу, чтобы было торжественно.

Олег отложил вилку и, протянув через стол руку, коснулся её раздумывавшейся щеки.

– От волнения ты становишься ещё прекрасней.

За их столик подсел важный Фёдор Форд, и хозяйка поставила перед ним прибор. Черпая ложкой полужидкую размазную, представительный Фёдор наставительно заметил уминавшему с завидным аппетитом сочный бифштекс и насмешливо поглядывавшему на него Коростылёву:

– Утром пища должна быть лёгкой, не отягощать желудок. Бери пример с Клэр.

Коростылёв засмеялся.

– Вот поэтому я такой большой, а она маленькая.

– Я тоже не худосочный, – отпарировал Форд.

– Ты просто от важности надутый, – ответил с ехидной усмешкой Коростылёв и похлопал Форда по бицепсу: – Мякина!

Рот Форда в это время заполняла лёгкая утренняя пища, и он не смог дать достойный ответ. Коростылёв прикончил кофе и, прощаясь с Клэр взглядом, проговорил:

– Я загляну к вам до обеда.

Клэр мелкими глотками допивала горьковатый шоколад, рядом остановился Питер Хайнелайнен. Склонив с высоты своего, без малого двухметрового роста, голову с уже успевшей разлохматиться седеющей шевелюрой и клочковатыми бровями, он церемонно приветствовал молодую сотрудницу:

– Доброе утро, коллега! Надеюсь, я не помешал? – дождавшись успокоительного ответа, продолжил: – Вчера вечером у меня окончательно вырисовался новый шифр. Никаких аналогов не существует. Строй речи абсолютно отличен от доселе известных языков. Я не выдержал и проверил по компьютеру. Мне просто не терпится посмотреть, как вы с ним справитесь.

Клэр подняла на него умоляющие глаза.

– Я задержусь на пятнадцать минут. Мне нужно срочно поговорить с Командиром. А вы что, всю ночь возились с шифром?

– О, ерунда. Не стоит беспокоиться, ночью мне лучше работается. К вашему приходу я составлю текст. Посмотрим кто кого на этот раз. Так я вас жду, – он повернулся и пошёл широкими шагами, нескладно согнувшись на ходу.

Клэр сделала последний глоток и отставила, пустую чашку. К ней подошла хозяйка за грязной посудой. Сегодня она была курносенькая с трогательными веснушками на лице.

– Ещё что-нибудь?

– Нет, спасибо. На обед я бы поела тушёной телятины и какие-нибудь сочные фрукты. Ананас, к примеру.

– Запомнила, – проворковала хозяйка. – Ты сегодня прекрасно выглядишь, Клэр. У тебя божественный цвет лица.

Клэр улыбнулась.

– Благодарю тебя.

Говорить комплименты людям было заложено в программе поведения хозяек, об этом знали даже дети, но всё равно, выраженная любезность доставляла удовольствие.

– А вот ты ничего такого мне не сказал, – Клэр подмигнула Форду, открывшего от неожиданного обвинения рот, и поднялась из-за стола.

С тихим шуршанием лифт вознёс её на самую верхотуру.

2

Отношение Клэр к Командиру претерпело две стадии. Не так давно, ещё какой-нибудь год назад, когда о нынешнем полёте никто не помышлял, Командир для Клэр обретался в заоблачных высях, где живут президенты, руководители поселений, министры федеральных ведомств. Все эти деятели представлялись полумифическими фигурами, которых она видела только на экране. Они занимались очень важными делами, и Клэр даже сомневалась, могут ли они есть как нормальные люди, веселиться, любить женщин или мужчин, если важная шишка была женщиной. Относилась к ним Клэр с абстрактным уважением, они существовали вне пределов её жизни. Она даже в мыслях не имела, что когда-нибудь будет сидеть с кем-нибудь из важных персон за одним столом.

Когда начался ажиотаж вокруг полёта, Клэр пережила состояние лёгкого ужаса. Она направила заявление об участии и – о, великие боги! – её пригласили на комиссию. В этом состоянии лёгкого ужаса она пребывала весь период испытаний. Пик ужаса наступил в тот день, когда соискательнице выдали задание, и предложили выполнить его под шлемом. С самого утра в тот день шла сплошная нервогрёпка. Ей назвали номер комнаты, где предстояло выполнить очередное задание, и при этом поторопили, потому что она не одна и, если опоздает, никто с ней возиться не собирается и испытание посчитается невыполненным. Клэр долго блуждала по коридорам, спускалась на лифте, возвращалась назад и, когда нашла нужную дверь, в глазах стояли слёзы. Тут её наругали и сказали, что она всё перепутала. Она вернулась назад, её опять отругали и пообещали за феноменальную бестолковость отправить домой. Потом ей вручили задание, и повели под шлем. Тут она вообще вошла в ступор. Успокоил её оператор. Перед тем как усадить девушку в кресло и надеть шлем, он легонько сжал ей руку выше локтя, и она первый раз за весь день услышала благожелательный голос:

– Я вот о чём хотел тебя предупредить. Если из какого-нибудь дальнего закоулка твоих извилин вдруг выскочит эдакая мыслишка, ну, скажем интимного характера, и её прочтает шлем, можешь быть уверена, с кристалла она будет стёрта. О ней узнаю только я. На мой счёт можешь быть совершенно спокойна, я очень строго выполняю инструкцию. Моя работа мне нравится. В этом смысле можешь относиться ко мне как к врачу. Договорились? А то у некоторых прямо мозги замерзают от переживаний.

Клэр бы совсем успокоилась, если бы знала, что в её профессиональной подготовке никто из членов комиссии не сомневается. До того как заявление попало в комиссию, оно прошло предварительное сито. Вот уж тут все данные о ней, включая и профессиональные навыки, и медицинские характеристики, изучались досконально. А сейчас проверялось, как в условиях интенсивного психологического давления она сможет применить свои таланты.

А потом подошла очередь проверки на психологическую совместимость, и она впервые встретила с Командиром. Уж очень строг он был во время первого знакомства, она прямо немела перед ним. Из той команды на «Зевс Громовержец», кроме неё, попали Джой Керри и Марк Джагоев. Ей все ребята нравились, она очень удивилась, когда их отсеяли. Подошёл срок, окончательно утрясли состав экспедиции и всех поселили на звездолёте. Вот тогда Клэр и утвердилась в своём мнении о Командире. Во все долгие две недели, когда они совершали

пробный полёт, обживались и изучали устройство звездолёта, он гонял подчиненных, чуть ли не круглые сутки напролёт. За всё это время его лицо ни разу не посетила улыбка, никто не слышал от него ни одной шутки. Только учёба и учёба. И Клэр прозвала его кибером ходячим, про себя, конечно. К этому ходячему киберу она сейчас и направлялась.

Слегка качнувшись, лифт остановился, и Клэр вышла в небольшой холл. В святая святых звездолета преобладали спокойные, голубовато-серебристые тона. Здесь не резвились мартышки, не поражали взор диковинные цветы, не будили эротические видения древнегреческие боги и богини.

Клэр нашла Командира изображающим неприступное каменное изваяние посреди обширного зала главной рубки у компьютерного пульта. За пультами управления звездолётом сидели Дон Витте, Али Штокман и усиленно нажимали на многочисленные кнопки и поворачивали переключатели. К ней никто даже не обернулся. Разноцветные огоньки на пультах ободрающе подмигивали девушке, в отличие от людей, они были рады её приходу. Звёздный свод на лобовом экране медленно смещался влево. Вообще-то без вызова входить сюда запрещалось, и решительность Клэр несколько увяла. Только глаза сберегли её в первоначальном виде.

Командир бесстрастно выслушал просьбу и поинтересовался, помнит ли она, какой полёт совершает их звездолёт и какой момент наступает? Клэр ответила утвердительно и, добавив – «тем более», решительно сжала губы.

– Ладно, иди, – ответил Командир, – за час до ужина зайдёшь ко мне в каюту.

Ужин начинался в семь часов вечера по корабельному времени.

Звездолёт совершил разворот, и Командир ушёл, вызвав в свою каюту, служившую одновременно рабочим кабинетом, Фуше и Хайнлайнена.

3

Войдя в каюту, он сел в кресло со стаканом тоника в руке. «Надо же – тем более!» Первым пришёл несколько чопорный Фуше. Глянув в зеркало, пригладил ниточку усов, залпом выпил полстакана тоника и занял кресло в углу каюты между столом и стеной. Командир давно заметил за ним эту привычку – обособляться на позиции стороннего наблюдателя, с лёгкой ироничной улыбкой слушать спорщиков, а потом выдавать своё резюме, после которого жаркая дискуссия с глубокомысленными доводами и выводами порой представлялась беседой недоумков.

Со своим заместителем он уже бывал в поиске. Правда, тогда тот участвовал в нём рядовым исследователем. В общем-то, Командир симпатизировал руководителю исследовательской группы. Ему импонировал острый ум Фуше, способность быстро анализировать обстановку и принимать неординарные решения. Всё это приправлялось тонким иронизированием над собой и окружающими. Узнав, что комиссия именно Фуше назначила его заместителем в этом, далеко не ординарном, поиске, Командир почувствовал в душе удовлетворение, хотя был уверен, что сработается с любым.

– С запросами девица. Кто им мешает встречаться просто так и не возводить свои отношения до событий мирового масштаба, – сказал Фуше, выслушав Командира.

Последний был с ним полностью согласен.

В это время пискнул вызов и Командир, зная церемонность второго посетителя, поспешил нажать на кнопку и открыть дверь.

Слегка сгорбившись при входе, в каюту вошёл длинный, жердеобразный Питер Хайнлайнен. За все последние тридцать с лишним лет своей жизни связанных с космосом, Командир даже не мог представить, что лёгкий костюм может висеть на человеке мешком. Костюмы были прочными, эластичными и подгонялись по фигуре с учётом всех возможных движений. В любой ситуации и обстановке человек в звёздном комбинезоне выглядел красиво и элегантно.

Хайнелайнену удалось добиться невозможного – комбинезон висел на нём, как куча изношенного тряпья каким-то образом миновавшего аннигилятор.

Командир кивнул вошедшему, и указал на свободное кресло. Вот к кому он испытывал затаённую антипатию, которую старательно подавлял в себе, не позволяя ей никоим образом проявиться, так это к Хайнелайнену. Длинная, сутуловатая фигура Хайнелайнена, словно сошла с карикатуры на сухаря-профессора, общающегося с информиками, старинными книгами и чурающегося живых людей. Весь вид корабельного психолога, многословный, путанный стиль речи, скорей отвращал людей, чем располагал к доверительным беседам. К тому же у него была невольная с его стороны, но, тем не менее, очень неприятная для собеседника манера – брызгаться слюной от волнения.

Но Командир был Командиром, а не экспансивной девицей вроде Виолы Гарсиа. И одной из его командирских привилегий была привилегия уживаться с любым членом экспедиции. Когда дублирующие составы проходили психологическое тестирование, проверку на совместимость, он оставался как бы за скобками. Если бы какой-нибудь мало знающий его кадровик из Управления Дальних Звёздных полётов или в просторечии Звёздного управления, сказал, что такой-то имярек, прекрасный специалист, не пойдёт в поиск, потому что они с командиром далеки от идеала психологической совместимости, тот решил бы что этот службист не в своём уме. Критерием совместимости с подчинёнными для него была компетентность последнего и отношение к делу. Это у Джона Иванова были эмоции, Джона Иванова можно было обидеть или пожалеть. Молодой Джон Иванов мог в последний раз – до самой гробовой доски, видеть тебя больше не могу и не хочу – рассориться с голубоволосой Жаклин. Сломя голову умчаться на Лунный полигон, чтобы через три дня от пронзительной тоски по её голосу, телу, сиянию глаз, губам, волосам, всему тому, что зовётся любимой женщиной, вернуться на Землю на первом попавшемся грузовике. Тут же в космопорте пересесть, втиснуться, вклиниться во что-нибудь быстроходное до Калькутты. Здесь оседлать авиалетку, найти Жаклин на раскопках или среди каменных исполинов и, послав к чертям всех её богов и боженят, вместе с ней ухнуть в бездну любви.

Ничего такого Командир сделать не мог, у него не было голубоволосой Жаклин, у него были долг и обязанности. Втайне, в самом начале полёта, он усмехался про себя, как такому чуду вроде Хайнелайнена могли поручить обязанности психолога. Но уже во время первого дрейфа он по достоинству оценил его способности. С чуткостью барометра Хайнелайнен улавливал малейшие изменения в психологическом климате коллектива и Командир не помнил случая, чтобы его советы не принесли пользы. У него имелся только один недостаток – он был начисто лишён способности к непринуждённому общению и требовался кто-то рядом, кто проводил бы его идеи в жизнь.

– Понимаете в чём дело, Питер, – Командир посмотрел на остро торчащие на уровне носа коленки Хайнелайнена и, подойдя к нему, отрегулировал кресло по росту. – У нас намечается свадьба, но обстановка не располагает. Вот мы и хотели с Арменом посоветоваться с вами. – Фуше удивлённо посмотрел на Командира, но промолчал. – Мы приближаемся к цели и не можем расслабляться, но молодёжь этого не понимает. Ей захотелось устроить увеселительный вечер. – Командир развернулся в кресле к Фуше, и в его голосе прозвучало возмущение. – Главное, эта распрекрасная девица – Клэр Стентон, прекрасно осведомлена о том, что мы находимся где-то рядом с районом исчезновения «Дерзкого» и каждую минуту можем встретиться с чем-то, чего не знаем сами. Каждое мгновение может произойти такое, что нам станет ни до каких свадеб. Так нет, я должен объявить общий сбор экспедиции в кают-компании и позволить всем выпить шампанского. По-моему, просто экзальтированная дуручка, как же, внукам будет рассказывать – а у нас на звездолёте свадьба была.

Командир ещё не закончил, а Хайнелайнен уже вскочил, словно подброшенный катапультай, обежал вокруг кресла хозяина каюты и навис над ним вопросительным знаком. Он загово-

рил длинно и сбивчиво, то, склоняясь над креслом, и тогда Командир, достав платок, брезгливо вытирал лицо, то, нескладно распрямляясь во весь свой двухметровый рост. Фуше, полуприкрыв глаза, приглаживал щегольские усики и продолжал изображать стороннего наблюдателя.

– Джон, вы не правы. Во-первых, что касается Стентон и Коростылёва, – глотая слова, строчил скороговоркой Хайнелайнен, – для них это не очередное любовное приключение, а событие, вы понимаете? Событие, о котором должна знать вся Вселенная. Когда-то и вы делали предложение своей будущей жене, неужели вы забыли?

– Ничего я не забыл, – буркнул Командир, – только я делал это при других обстоятельствах.

– Все ваши обстоятельства для них полнейшая чепуха! Это, во-первых, а, во-вторых, как вы сами заметили, мы находимся на пороге событий, которые неизвестно, что нам принесут. Вы сами говорите, что возможна встреча с агрессивным разумом. Хотя я не понимаю, с какой стати разуму быть агрессивным. Ведь это ваше предположение? Не так ли? Что нас ждёт после встречи с ним? Неужели вы рискнёте лишиться людей, возможно, их последней радости? Поверьте мне, свадьба окажет на коллектив очень благоприятное воздействие, что чрезвычайно важно перед надвигающимися по всей вероятности тяжёлыми в нравственно-моральном плане для землян событиями, – в этом месте уста Фуше посетила очередная ехидная усмешка, – и, наоборот, отказ в её проведении окажет на коллектив самое удручающее воздействие, что ещё больше усугубит...

Командир слушал и не слушал не на шутку разошедшегося психолога. Он, наверное, сам себя взвинтил ожиданием и спорол горячку. Можно подумать, что вся экспедиция забудет обо всём на свете и ударится в недельный загул. Ну, выпьют вина, побесятся от избытка энергии. Вахта на месте, да и на Леклерка можно положиться. Вроде шуточки да прибауточки, и одни женщины на уме, а дело своё прекрасно знает, и пилоты у него всегда в полной боевой. Он сам экзальтированным чудачком выглядит, ишь, Фуше – сидит, ухмыляется. Ладно, пусть попрыгают вечером. От исследователей всё равно пока мало что зависит в любой ситуации.

Побоявшись, что Хайнелайнен так и не выпутается из своей несколько замысловатой фразы, он прервал его.

– Питер, вы меня убедили. Я объявляю общий сбор, все, кроме вахты, могут пить шампанское. Остальное их дело, – упёршись руками в подлокотники, Командир сделал попытку встать, но Хайнелайнен удержал его.

– Вы забыли о цветах, Джон. Невесте на свадьбе принято дарить цветы, иначе это будет не свадьба.

– О, великие боги! Да где же я ей цветы возьму? – в сердцах воскликнул Командир. – Разве что, комету за хвост поймаю? Если бы об этой своей идее она объявила пару месяцев назад, глядишь, энтузиасты что-нибудь придумали.

– Джон! – позёвывая, окликнул Командира Фуше, – поручи это дело Мартынову. Они с Леклерком что-нибудь сообразят.

4

К семи часам дурное настроение Командира рассеялось. Он побывал ещё раз в главной рубке, проверил автоматическую защиту, потолковал с дежурным пилотом и, убедившись, что пространство перед звездолётом надёжно просвечивается и не таит в себе опасности, спустился в кают-компанию.

Все уже были в сборе и ожидали его появления. Командир поднял в приветствии руку, и прошёл на своё место в левом углу. Ребята постарались. По стенам порхали амурчики, целившиеся в людей из луков, водили хороводы украшенные цветами улыбочивые селянки, забавные звери с умильными рожицами тащили подарки. Большинство уже знало или догадывалось в

чём дело и сидело с многозначительными лицами. Командир кивнул смотревшему на него в ожидании сигнала Леклерку. Пьер вышел на свободное место у входа и для начала откашлялся.

– Мне, как заместителю Командира по звездолёту, поручено сделать объявление, – Пьер обвёл глазами зал, требуя тишины, и суровым голосом провозгласил: – Двум нашим товарищам по экспедиции, также как и всем остальным, надоел нудный полёт. Отдавая себе полный отчёт в том, что унылое состояние духа не способствует выполнению поставленных перед экспедицией задач, – Пьер огладил левой рукой бородку, – они сознательно, находясь в полном здравии и трезвой памяти, – он многозначительно поднял вверх указательный палец, – приносят себя в жертву с единственной целью – устроить своим товарищам незапланированный праздник для поднятия боевого духа. Слово для доклада имеет представитель инженерной службы Сергей Мартынов.

Мартынов с тяжёлым фолиантом в руках занял место Леклерка.

– Для начала попрошу виновников торжества занять место рядом со мной, – он сделал лёгкий поклон в сторону стоящего на переднем плане, как бы отдельно от прочих, столика, за которым сидели Клэр со смущённо улыбающимся Коростылёвым и Виола. Клэр, одетая во что-то пышно-воздушное, голубоватым облаком, окутывающим фигуру, решительно поднялась и, подхватив под руку жениха, вышла вперёд, Мартынов сделал подхлывшей паре приглашающий жест и открыл фолиант. – Слушайте все! Мы, члены поисково-спасательной экспедиции звездолёта «Зевс Громовержец», Клэр Стентон и Олег Коростылёв, объявляем всему Земному миру и всей остальной Вселенной, что с пятнадцатого декабря две тысячи восемьсот тридцать восьмого года считаем себя женой и мужем! Шквал аплодисментов! – Мартынов обвёл смеющимися глазами устремлённые на него в ожидании лица, отметил улыбающийся взгляд Виолы, дружелюбно заглянувший ему в глаза и, блеснув в улыбке зубами, опустил фолиант вниз. – Это я не читаю. Это я вам говорю – шквал ап-ло-дис-мен-тов! – произнёс по слогам.

В зале раздался хохот, все вскочили со своих мест, дружно захлопали в ладоши и ринулись вперёд, но Мартынов поднял над головой скрещённые руки.

– Тихо, тихо. По порядку. Первый Арт Робинсон.

Чеканной походкой, от важности возложенной на него задачи, на импровизированный просцениум вышел смуглолицый крепыш Робинсон. В руках он держал герметично закрытую коробку, но, встав перед молодожёнами, никак не мог открыть крышку. За спиной раздалось нетерпеливое шиканье и смешки, крышка, наконец, подалась, и он извлёк из коробки роскошный букет алых и белых роз. Шиканье сменилось восхищенными возгласами, и улыбающийся Арт преподнёс букет Клэр.

– К сожалению, сестрёнка, у нас было очень мало времени, и розы скоро растают. На Земле мы подарим тебе настоящие, прими наши поздравления.

Растроганная Клэр прижала правой рукой розы к груди, а левой, приподнявшись, обняла Робинсона за шею и расцеловала в обе щёки.

– Теперь прошу! – Мартынов показал на молодожёнов обеими руками и отошёл в сторону.

Поднялся шум и гам. Всё перекрывал рокочущий бас Рэма Остапчука:

– Вот это дело! Молодец дивчина!

Олега и Клэр затормошили, им жали руки, хлопали по плечу, целовали. Основные изъятия восторга приходились на долю Клэр. Только малышка Додсон мимоходом скользнула губами по её щеке и, посмотрев на Коростылёва огромными глазами, сказала серьёзно:

– Я тебя поздравляю, – и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала в нос.

А Клэр в это время добродушный гигант Битов своими могучими руками подымал в воздух и говорил:

– Роды я принимаю, сестрёнка?

– Не-а, – отвечала, смеясь, Клэр, – только на Земле!

– Ах ты, проказница! – Битов выпутал из густой бородачи сочные ярко-красные губы и трижды расцеловал невесту.

Командир, довольно улыбаясь, наблюдал за происходящим. Вовремя он одумался. Когда шум немного поутих, он встал и подошёл к молодожёнам. Все расступились, уступая дорогу. Он пожал руку Коростылёву и склонился к Клэр, целуя её в лоб. Его встретил испуганный, но твёрдый взгляд.

– Всё в порядке, девочка, – он потрепал девушку по плечу. – Днём я был сердит и потому не прав.

Глаза Клэр мгновенно оттаяли, и она в ответ поцеловала Командира в губы.

А потом свет погас, кают-компания наполнилась разноцветными бликами светомузыки, пенилось вино и пары кружились в танце.

Изящная Джой Керри превзошла всех. Давно она так не танцевала. Для настоящего танца нужен настрой. Просто так можно заниматься гимнастическими упражнениями, а не танцем. Она уже сменила комбинезон на коротенькое лёгкое платьице, украшенное блёстками, ответно вспыхивающими разноцветными звёздочками в сполохах светомузыки. Ей освободили место, отойдя к сдвинутым столикам и не спуская глаз с то всё убыстряющимися, то томно плавными движениями классически сложенного тела. Дома, на вечерах, ценители после её выхода в восхищении прикрывали глаза и, выражая восторг, целовали кончики пальцев. Там она и познакомилась с Ним.

Джой в последний раз всплеснула над головой руками и, склонившись в поклоне, коснулась пола. Грациозными шажками подбежала к стене и опёрлась об неё спиной, подняв вверх лицо со счастливой улыбкой. Она купалась в восхищённых взорах, обращённых на неё, крики «бис!» и «браво!» наполняли душу восторгом. К ней подбежали Арт Робинсон, Майкл Титов и Фрэнк Сысоев. Она протянула навстречу обе руки, и Арт с Майклом приникли к ним в галантном поцелуе. Фрэнк поднёс бокал шампанского, смеясь, она отобрала руки и, благодарно кивнув, взяла бокал и пила маленькими глотками.

– Спасибо, Фрэнк, – она вернула недопитый бокал, – очень холодное.

Подошёл Леклерк с приятной улыбкой на устах.

– Ты бесподобна, Джой, я приглашаю тебя. Со мной ты ещё не танцевала.

– О-о! – Джой умоляющее прижала руки к груди. – Немножко позже, Пьер, я устала. Здесь всё-таки душновато, – она посмотрела в глубину зала в разноцветные вспышки.

Все опять сидели за столами и делали им приглашающие жесты. Титов с Робинсоном вернулись к застолью, попытавшись увлечь за собой Джой, но она покачала головой.

– Нет-нет, я отдышусь. У меня от шампанского голова закружилась. Я посижу полчаса в дендрарии.

– Я провожу тебя, – Леклерк с мягкой настойчивостью взял девушку под руку.

Матовые плафоны светились нежным салатным светом. Сочные папоротниковидные растения наполняли помещение кислородом, естественной свежестью и прохладой. Наклоняясь и распрямляя рукой свисавшие в проход разлапистые листья, Джой прошла вглубь дендрария к установленным полукругом креслам. Леклерк обнял её сзади, его ладони скользнули по плечам, груди девушки и развернули её к себе. Она послушно повернулась, здесь её встретил поцелуй, на который Джой, покоряясь, ответила. На миг её руки обвились вокруг шеи Леклерка, но уже в следующий она оттолкнула его, и высвободилась.

– Присядем, Пьер, – прерывисто сказала она.

Он сел напротив и положил руку на её колено.

Джой положила маленькую ладошку поверх его руки и посмотрела в глаза. Взгляд её выражал доверие и просьбу.

– Пьер, – говорила она, – прошу тебя, не надо, не трогай меня, Ты кружишь мне голову, но ты наваждение. Я люблю другого. У меня есть возлюбленный, он тоже пилот и сейчас в

полёте. Мы поклялись и, если я не останусь ему верна, мне потом будет очень, очень плохо. Не надо, – она гладила его руку и мягко смотрела в глаза. – Ты иди. Я посижу одна.

Леклерк, прикрыв глаза, кивнул и, взяв её руку в свою, наклонился и поцеловал. Выпрямившись, он потрепал её по щеке и удалился.

К представительницам самого прекрасного пола, как он шутливо называл женщин, Леклерк испытывал разные чувства: влюблённость и нежность, благодарность и желание защитить от неведомой опасности. Но Любовь, ради которой мужчины и женщины в долгих странствиях по бесконечной Вселенной, хранят друг другу верность, ни разу не коснулась его души. Виола отвернулась от него, не прошло двух недель и она уже безразлична ему. С возрастом он начал чувствовать, что отсутствие глубокой привязанности к женщине обедняет его, он не испытывал счастья, которое есть у других. Иногда он корил Природу за то, что создала его именно таким, но на орбите появлялась очередная представительница самого прекрасного пола, желавшая составить компанию в любовных утехх, и укоры куда-то исчезали.

Столики образовали широкий полукруг у стены с хороводами. На крыле, упиравшимся в кухню, составилось трио. На банджогитаре играл Фрэнк Сысоев, о звёздном тумане, скрывающем самые сокровенные тайны, и гордых Принцессах Вселенной, дарящих свою любовь благородным рыцарям Космоса, пели Юрген Дзевановский, Коротич и Коростылёв. Обычно признанные певцы – Дзевановский и Коротич, в свою компанию Коростылёва не принимали. При пении у него менялся голос: становился ниже, звучал с хрипотцой и, не имея профессиональной подготовки, Коростылёв пел неправильно. Сегодня ради торжества ему сделали снисхождение.

Клэр, подперев кулачком щёку, с обожанием смотрела на мужа. Какой он у неё славный! Сильный, добрый и такой, такой участливый. Она готова была поведать ему всю свою жизнь до мельчайших подробностей. Он всё поймёт. И поёт он хорошо. Просто его не понимают. Когда он просто так поёт, для себя, очень интересно получается, будто рассуждает вслух. Говорит, это деды научили его своим песням.

За полночь пошли разговоры. Первый месяц полёта самую главную и животрепещущую тему всех ночных посиделок составляли инопланетяне. Какие они? Может, и нет никаких инопланетян? Со временем эта тема приелась, а теперь, когда «Зевс Громовержец» вёл непосредственный поиск пропавшего звездолёта, к ней вновь вспыхнул интерес.

– Скорей всего инопланетяне похожи на пауков, – фантазировал Дзевановский. – Командир считает их агрессивными, значит и внешний вид у них соответствующий.

– Командир ошибается, – рассуждал Дон Витте. – Разум не может быть агрессивным, потому что он разум. Просто Командиру на ночь, глядя голубоволосая супруга всяких ужасов про своих богов нарасказывала, и ему кошмары приснились.

– Интересно, у них также как и у нас есть мужчины и женщины? – задавался вопросом Андерс.

Неторопливая вначале беседа перешла в спор, теннисным мячиком летавшая по застолью, молчало только правое крыло, где сгруппировалось старшее поколение. «Стариков» растормошила Виола.

– У вас ума, как у тех пауков, – фыркнул Рэм Остапчук, прозванный Фуше «здравомыслящим романтиком». – Чтобы по земле ходить требуется две конечности, а не десять. Или, может, их планета из паутины соткана?

Богданов и Свенсон переглянулись и, улыбнувшись, пожали плечами. Фуше с загадочным видом проговорил:

– У меня такая вот гипотеза. Инопланетяне похожи на нас, при условии, что они гуманоиды. Возможно, их женщины бреют головы, а мужчины носят юбки, не в этом соль. Эстетические критерии у нас, безусловно, разные. Но. Телосложением они похожи на нас, Рэм уже отметил это. Природа многообразна, но она и экономна, ничего лишнего или дублирующего

не создаёт. Но и не это главное. Вылепивая из покрытых шерстью приматов людей, природа заложила в их сознание неиссякаемое стремление к прогрессу. Причём это стремление не эфемерно, а вполне материально и имеет под собой физическую основу. И знаете какую? – Фуше обвёл прищуренным взглядом слушателей, и не понять было, говорит ли он серьёзно или иронизирует. – Стремление к прогрессу зиждется на любви. Миром, как это ни странно и не парадоксально, правит любовь. Да, да именно любовь. Это не поэтическая выдумка, а основа человеческой, я подчёркиваю – человеческой, жизни. Хотите доказательств? Пожалуйста. Зачем, по какой причине, первый обезьянин, именно обезьянин, а не обезьяна, спрыгнул с дерева на землю и пошёл на двух конечностях? Думаете – понял, что так удобнее? Ерунда! У него ещё мозгов не было. Заставь вас ходить на четвереньках, вы пойдёте? А для него ходить на двух ногах было тем же самым. Спрыгнул он на землю и, на потеху всему стаду, пошёл на двух конечностях, только затем чтобы покорить сердце какой-нибудь вожаемой красотки, не обращавшей до того на него никакого внимания. Постепенно это стало нормой, красотки даже перестали смотреть на женихов не умеющих ходить на двух ногах. А уже потом, наши доисторические предки извлекли из этого умения пользу, и началась цепная реакция прогресса. Если вдуматься, в том, что люди созданы разнополюми, заложен глубокий смысл. В принципе, ведь могло развиваться какое-нибудь однополюе существо. Органы внутренней секреции вырабатывают требуемые клетки, и в утробе происходит оплодотворение. Существо приспособилось бы к внешним условиям, эволюционировало, и-и никогда бы не стало человеком. Природа же создала разнополюе существа именно для позыва к прогрессу. Грубой силой можно добиться обладания несговорчивой самкой, нашим предкам этого стало мало. Вечное и не умирающее стремление выделиться, обратить на себя внимание понравившейся особи противоположного пола лежит в нашем нижнем подсознании. Это желание многократно трансформировалось, у человека появились другие стремления и потребности, но в основе основ лежит любовь. Наши предки, – Фуше усмехнулся, – уже не мохнатые, а настоящие люди, говорили, что отношение к женщине это показатель цивилизованности общества. Уровень и форма взаимоотношений мужчин и женщин могут поведать многое о том обществе, в котором они живут. Вот, исходя из тезиса о любви, как двигателе прогресса, я и говорю, что инопланетяне похожи на нас. Только пока они далеки от понимания смысла жизни и совершают глупости. Ну, как вам моя гипотеза?

– Великолепно! – воскликнула Виола и захлопала в ладоши. – Я говорю то же самое, только надо мной смеются.

– Ты говоришь немножко не в том смысле, дорогая, – колко уточнила Мадлен Караян, но Виола не удостоила её ответом.

Фуше наполнил бокал шампанским и, перед тем как покинуть общество и отправиться спать, ещё раз поздравил молодых.

– Это моя свадебная речь специально для вас. Детей вам, внуков, счастья на всю жизнь. Для него у вас всё есть, его исполнение зависит от вас самих.

Глава 3

1

День шестнадцатого декабря начался как обычно. В семь каюта наполнилась прохладным чистым воздухом, Командир пружинисто, без перехода от сна к бодрствованию, встал, прошёлся несколько раз по колкой дорожке, размял мышцы и принял холодный душ. Завтракал он в своей каюте, в кают-компанию ходил на обед и иногда на ужин. Он заглотив положенное число калорий в питательной массе замаскированной под аппетитно-ароматный бифштекс, запил его чашкой кофе и только собрался переступить порог каюты, как робот заверещал противным голосом. Так и есть, на подносе появилась чашка с шедевром корабельного дока, напитком «Пробуждение». Конечно, только после кофе и хлебать «Пробуждение», и как он забывает выпить его сразу, только проснувшись? Командир вздохнул и, заранее сморщившись, взял чашку в руки. Отведая впервые этот шедевр, Командир похлопал дока по мощному плечу.

– Молодец. Как только тебе удалось из витаминов такую гадость сотворить? Хотя бы подсластил, что ли.

Битов хохотнул довольный.

– Ничего. У нас и так жизнь достаточно сладкая. Не маленькие, переморщитесь.

Чаша с «Пробуждением» предввляла завтрак и неукоснительно подавалась хозяйкой кают-компании. Командир клятвенно заверил дока, что будет потреблять витамины самостоятельно, в своей каюте, даже заложит эту процедуру в память роботу и тому не о чем беспокоиться, а теперь поневоле приходилось держать слово. Прижав язык к нижнему нёбу, он влил в себя пробуждающий напиток, и передёрнул плечами, тут же схватив стакан с лимонным тоником.

Приняв витамины, Командир отправился в главную рубку. Его каюта находилась в конце коридора, и до лифта он проходил через весь обезьянник, которому не хватало только одного – звукового оформления. Ближайшие родственники царей природы прыгали в хитросплетении веток, спускались на парашютах, носились над верхушками деревьев на всех видах воздушного транспорта когда-либо изобретённого человеком и при этом строили уморительные рожицы. На углу коридора и предлифтового холла, по обыкновению подмигнул своей доброй знакомой. Мартышка одной верхней конечностью держалась за свесившуюся ветку, а второй сжимала полуочищенный банан, поднося его к потешно мудрой мордашке.

«Громовержец» входил в очередную солнечную систему, в глубинах которой по предположению исчез «Дерзкий». Они уже обшарили одну систему с помощью автоматических станций, наполнив её позывными, пронзая лучами и совершая облёты холодных и горячих, но абсолютно безжизненных планет. Пока поиски не принесли никаких результатов. Исчезнуть бесследно «Дерзкий» не мог, если звездолёт не распылили до молекул, так или иначе его бы обнаружили.

На завтрашний день Командир планировал приступить к обследованию обнаруженной системы и запустить две автоматические станции, а сегодня хотел провести штурманскую проверку программ полёта. К его удивлению, кресло первого пустовало. Командир, чтобы не вносить нервность, приходил в главную рубку после передачи вахты и принимал доклад у вновь заступившего пилота. Сейчас вахту должен был нести Леклерк, но он отсутствовал, зато в пилотском кресле сидел ночной дежурный – Перикл Боянов.

Боянов был самым молодым из пилотов, да пожалуй, и самым молодым на звездолёте. Сколько ему? От силы двадцать шесть. А за плечами? Год, полтора полётов на рейсовиках или внутрениий поиск. Всё-таки много собралось молодёжи. Знаний-то у них, конечно, достаточно.

Лиц, не достигших сорокалетнего возраста, Командир подсознательно считал неоперившейся молодёжью. Комиссия сочла возможным отправить Боянова в этот поиск и он, не имея претензий к молодому пилоту, не стал возражать. Собственно, для рядового пилота большой разницы нет, что там прыжки, что здесь. Это для первого и штурманов разница огромная из-за расчётов. А стажёру, недостаточно освоившему управление планетолётом или звездолётом в ручном режиме, пилотское кресло никто не доверит. Уж кто, кто, а Командир знал это достаточно хорошо. Экзаменаторы в Звёздном управлении въедливые и строгие до умопомрачения, на характеристики внимания обращают мало, больше полагаются на самих себя.

Боянов повернул к Командиру молодое лицо с нежным девичьим румянцем во всю щёку и чёрной порослью на верхней губе. Усики не придавали молодому пилоту мужественности и не добавляли лет, как он думал, старательно взращивая их, а, наоборот, в сочетании с матово-розовым румянцем, подчёркивали молодость и делали лицо ещё более юным, чем это было на самом деле.

Командир кивнул, здороваясь, выслушал рапорт и с неудовольствием – вот они последствия свадьбы, всё-таки он был не совсем не прав – спросил:

– Почему ты на вахте? А где Леклерк?

– Леклерк ночью дежурил, – виновато произнёс юноша, – он мне велел поразвлекаться вчера, а сам пошёл за меня на вахту. Но он придёт скоро. Пьер помнит про то, что вы наметили сделать. Он разомнётся на тренажёрах, примет душ, позавтракает и вернётся сюда. Он велел передать, чтобы вы не беспокоились, – Боянов посмотрел в глаза Командиру, почувствовал себя ещё больше виноватым и залился краской.

– Ишь ты, какое у тебя начальство заботливое, – насмешливо констатировал Командир и покачал головой. Он не донимал Леклерка излишней опекой, хотя и был в курсе всей его деятельности. От первого требовалось одно – безукоризненная работа лётной службы, и до сих пор никаких претензий к нему не возникало. – И долго вы вчера развлекались? – поинтересовался он.

– До трёх. Но вы не думайте, я нормально себя чувствую.

– Да я не думаю. Ладно, следи за экранами, – ответил Командир и подошёл к дежурному штурману.

Во время дрейфа в главной рубке дежурили по одному, либо пилот, либо штурман, да инженерная служба контролировала по графику накопителя, если не требовалось проводить ремонтные работы, но сейчас звездолёт совершал полёт и дежурили двое. Сегодня на вахте стоял Андерс, его коллеги работали в своей рубке. Андерс же, пока пилот справлялся с управлением один, помогал им и уже приступил к проверке программ. Командир, заложив руки за спину, из-за его плеча посмотрел на чехарду цифр и изгибающиеся кривые на зеленовато светящемся экране.

– Командир! – раздался громкий, какой-то неестественно трепещущий шёпот Боянова. – Нас ощупывают лучом.

Невольно переглянувшись застывшими взглядами, Командир и штурман одновременно подняли к пилоту головы. Командир медленно, не веря своим ушам, обошёл пульт компьютера, за которым работал Андерс, и на ногах, неожиданно ставших негнушимися и непослушными, двинулся к пилоту. Вот оно! Неужели! Восемь столетий человечество искало во Вселенной хотя бы признаки разума и это, наконец, свершилось. И кто первый обнаружил? Самый юный пилот из всего экипажа, впервые участвующий в дальнем поисковом полёте. Невероятно! Впору было засмеяться над шутками жизни.

– Ты не ошибся? – хрипло спросил Командир и посмотрел на экран характеристики поля. На экране прыгали цифры, рядом пульсировала сигнальная лампочка. – Выключи и включи.

Всякие сомнения исчезли. Впереди посылал свои сигналы разум, причём не зачаточный, а вполне оформившийся. Командир положил руку на плечо юноши и с удивлением заметил, что она дрожит.

– Откуда луч?

Пальцы пилота с виртуозностью пианиста забегали по клавиатуре, и на развёртке появилось изображение системы, прорезанное тонкой прямой линией.

– Искусственный объект тридцать градусов по курсу, – доложил Боянов, но Командир видел это уже и сам. – С объекта в сторону планеты икс три идут упорядоченные сигналы.

Андерс встал со своего места и тихо выскользнул из рубки. Лифт находился напротив входа, но от переизбытка чувств, прямо от двери рубки штурман сорвался на бег, миновал его и спустился на третий этаж по лестнице. Штурманы и инженеры уже покинули кают-компанию и разошлись по своим местам, в ней продолжали шуметь пилоты и исследователи. Сдвинув столики в сторону, они столпились в середине зала, и о чём-то спорили. Андерс постоял мгновение, в смятении чувств, не будучи в силах выразить восторг от случившегося, прошёл в зад-вперёд по свободному пространству перед входом и уже не сдерживаясь, крикнул пресекающимся на гласных голосом:

– Ну, вы, бездельники!

– Не ори, – ответил ему кто-то недовольно, кажется, это был Фёдор Форд.

Андерс нервно рассмеялся.

– Нет, ну вы гляньте на них! Тут такое творится, а они! Да очнитесь вы! – речь штурмана состояла из одних восклицаний, напряжённость голоса возымела действие и заставила присутствующих обратить на него свои взоры.

– Молодой человек, перестаньте действовать нам нервы и выражайтесь конкретно, – на этот раз это точно был Форд.

– Мы нашли их! – выдохнул Андерс.

– «Дерзкий»? – ему показалось, что все одновременно, одними устами произнесли это слово.

– Нет, не «Дерзкий». Понимаете, нас засекли и держат в луче. Вы представляете, что это значит?

За сообщённой вестью последовала немая сцена, и Андерсу показалось, что его рассматривают как свалившуюся невесть откуда диковину.

– А ты не врешь? Сегодня не первое апреля, бить будем, – медленно, отдельно и словно не своим голосом проговорил Титов, приближаясь к нему.

– Ну, вот ещё! – Андерс даже обиделся. – Сходите, сами посмотрите. – Он повернулся и побежал в рубку, которую, поддавшись эмоциям, покинул в нарушение всех правил.

Пилоты, не сговариваясь, сорвались с места и бросились за ним.

Клэр до боли стиснула руку Коростылёва.

– Я же знала! – воскликнула, блестя глазами. – Наша свадьба принесла удачу!

– Идёмте в рубку, – проговорил Форд.

Командир несколько минут молча смотрел на развёртку, давая улечься буре чувств, сотрясавшей всё внутри. Здесь была и безмерная радость от сбывшейся мечты, с которой уходили в поиск тысячи звездолётчиков и затаённое торжество от удачи, выпавшей звездолёту, которым командовал именно он, но за всем этим ликованием стоял мрачный вопрос. Что же с «Дерзким»?

– Посылай сигнал на планету. Объект скорее всего автоматическая станция. Она может и не ответить, – сказал негромко. – Поставь на автомат, пусть идёт непрерывно.

Он подошёл к пульту внутренней связи и набрал кабину Леклерка. На экстренный Пьер ответил сразу же, и появился на экране с недоумевающей физиономией. Одна сторона ассирийской бородки была подстрижена, а другая топорщилась непокорными чёрными спираль-

ками. Он смущённо смотрел на Командира, словно был, застигнут врасплох, и машинально щёлкал маленькими ножничками. Стрижка бороды для первого пилота являлась священным ритуалом, и отвлекать его в этот момент считалось святотатством. Но сейчас было не до шуток, и Командир даже не улыбнулся.

– Быстро в рубку, Пьер! – приказал он.

– Но... – хотел перебить Леклерк, но Командир не дал ему и рта раскрыть.

– Потом, Пьер, потом. Кто-то держит нас в луче. Бросай всё, иди сюда, – и не давая возможности Леклерку возразить, Командир отключил связь.

Через несколько минут Леклерк поднялся в рубку и протискивался сквозь строй нахлынувших сюда обитателей звездолёта. Командир, обернувшийся к Леклерку, удивлённо посмотрел на самостоятельное собрание предводительствуемой им экспедиции. Он только сейчас заметил, что в рубке необычайно тесно. Правда, в основном все толпились не дальше компьютера, к пультам управления подошли только пилоты и штурманы. Несколько мгновений он вглядывался в возбуждённые и радостные, и такие непохожие друг на друга лица, постепенно на его собственном лице появилась широкая безудержная улыбка, и он весело подмигнул всем сразу:

– Ну что, на этот раз кто-то поразумней динозавров! – ему хотелось обнять всех этих людей, дисциплинированных и своевольных, бесшабашно весёлых и хмурых, говорливых и не очень, всех таких разных и ставших такими близкими, всех их объединяла одна радость, и в этой радости он ощущал себя одним из них. Эта минута единения отложится в подсознательной памяти, и, порой напоминая о себе, будет делать его чуточку мягче.

– А что, Командир, по такому случаю неплохо бы и по чарке! – спросил, выступая вперёд Мартынов. – Ну же, не скупись!

– Я вот скажу доктору, чтобы он тебе лишнюю чарку «Пробуждения» прописал, – отшучивался Командир, собирая у уголков глаз лучики морщин.

– Нет уж, пусть он своё пойло сам хлебает, в неограниченных количествах, – заключил Мартынов под общий смех и передёрнул плечами.

Вслед за Леклерком к пультам протиснулся и Фуше.

– Насколько это серьёзно? – спросил, недоверчиво хмурясь и скользя взглядом по экранам.

– Очень серьёзно. Потому что на самом деле, – Командир полуобнял Фуше за плечи. Ты представляешь, что это значит? – сняв руку с плеча своего заместителя, стиснул тому ладонь. – Поздравляю! – Они понимающе посмотрели друг другу в глаза, и Командир проговорил с невысказанной надеждой: – По-настоящему обменяемся поздравлениями, когда выясним где «Дерзкий». По-видимому, разгадка близка.

Пока Командир, отгородившись от остальных, перешёптывался с Фуше, всеобщее ликование наполнило рубку. «Качать Командира!» – нашёл ему выход Мартынов. Не успел Командир сообразить, что к чему, как уже, подброшенный сильными руками Остапчука, Битова, взлетал вверх и падал на простёртые к нему руки и улыбающиеся лица. Клэр Стентон хлопала в ладоши, смеялась её подруга Виола Гарсиа и маленькая Додсон, и даже лицо холодно гордой Мадлен Караян посетила улыбка. Хайнелайнен потирал руки, и Командир не сразу сообразил, что его раскрытый до ушей рот тоже означает улыбку.

– Вокруг планеты икс три обнаружены искусственные объекты, – возвестил Боянов.

Командира отпустили. Так и оставшийся не достриженным Леклерк и Андерс заняли свои места. Звездолёт изменил курс и направился к подававшей признаки жизни планете. Непрерывно шёл сигнал, но ответ не приходил. Где-то на экранах напряжённо следили за полётом звездолёта, но на его запросы упорно не отвечали.

2

Командир почти не выходил из рубки. К утру, планета выглядела на экране как футбольный мяч. Искусственные объекты летали по всей системе. Их эллипсоидные орбиты окружали светило и саму планету. Запуск автоматических станций Командир отложил. Экипаж был загружен расчётами орбит и характеристик полёта искусственных спутников, которыми околопланетное пространство было буквально нашпиговано, и нанесением их на карту. Сигналы направляли уже не только на саму планету, но и на её большой спутник, на котором обнаружили мощные следящие установки. Но после того как землян засекли, инопланетяне не подавали признаков жизни, будто всё вымерло.

Командир нервничал. Не так он представлял себе Встречу. В своих надеждах он был не одинок. По человеческим меркам навстречу звездолёту уже давно должен был вылететь корабль. Когда составлялся сигнал – приветствие, вложенный в компьютерную память каждого звездолёта, никто не надеялся, что он будет сразу же расшифрован чужим разумом, но исследование любой планетной системы всегда начиналось именно с его посылки. То, что это упорядоченный сигнал и адресован не кому-то вообще, а жителям планеты икс три понятно даже динозавру, но планета не отвечала. Командир ждал.

То чего он опасался, произошло. Рука Али Штокмана ещё только взлетела вверх, ещё не коснулась, а только приблизилась к установленной отдельно большой красной кнопке, Командир понял, что всё, надежды остались надеждами, а сейчас начнётся то, что он предполагал ещё на Земле и в, то же время не верил в его реальность.

Ладонь пилота легла на большую выпуклую кнопку, вдавила её и корпус «Зевса Громовержца» содрогнулся от гнева. По всем отсекам, жилым, рабочим, коридорам, лифтам разнёсся вибрирующий металлический голос, способный разбудить и мёртвого:

– Бо-евая тревога! Бо-евая тре-во-га!

– Командир! С двух объектов на наружной орбите стартовали две ракеты с ядерными боеголовками, нацелены на нас. Поле включено, – даже смуглый оттенок кожи не смог скрыть бледность залившую лицо Штокмана.

– Рассчитай время и ещё раз проверь.

Приказ Командира уже выполнил компьютер, сразу же получивший данные о полёте ракет, как только их засекли следящие системы.

– Три часа пятьдесят семь минут, если мы не изменим курс и скорость. На ракетах нет ничего живого, только заряды. Ещё! – воскликнул Штокман. – Со стороны внешней орбиты в нашу сторону двигаются два космических корабля с ядерными зарядами на борту. Подлётное время один час пятнадцать минут и один час двадцать пять минут. Корабли нас потеряли, между собой ведут переговоры.

Командир переглянулся с подошедшим к нему Леклерком. Тот задумчиво наматывал на палец чёрные завитки бороды.

– Ну, первый, что будем делать?

– Ракеты уничтожить, если у них нет программы на самоликвидацию, чёрт его знает, кому они ещё могут встретиться. А корабли неплохо бы заставить проявить свои намерения.

Командир согласно кивнул.

– Али, убери поле, проверь автоматическую защиту и посылай сигналы на корабли.

Корабли молчали. Теперь, когда звездолёт свернул защитное поле, и ракеты, и корабли перестали рыскать и выходили на его расчетный курс. Переговоры между инопланетянами прекратились. В рубке повисло напряжённое молчание. Командир даже не обратил внимания, что в ней, как и вчера тесно. По сигналу тревоги звездолётчики собрались сюда, а не разошлись по своим местам согласно расписанию, как бывало во время учебных проверок готовности. Лек-

лерк занял своё место и перевёл управление на себя. Прошёл час, минута, ещё одна и другая. Кресел в рубке не хватало, и кто уселся прямо на пол, кто расхаживал взад-вперёд, но никто не проронил ни слова. Все ждали.

– Есть! – воскликнул Леклерк. – Они выпустили по нам ракеты с ядерными боеголовками. Поле включать?

– погоди, – ответил Командир и прошёл к боевому пульта. Автоматы поочередно навели лазер на ракеты, выпущенные с кораблей, и ему оставалось дважды нажать кнопку. На боковых экранах вспыхнули два солнца. Он дал задание компьютеру, и навстречу первым со звездолёта стартовали две противоракеты.

– Неужели они так наивны, что надеялись уничтожить нас таким образом? – произнёс пренебрежительно Леклерк. – Или это предупреждение?

– Включи поле. Предупреждением могли быть первые ракеты, – возразил Командир. – Корабли это уже не предупреждение. «Дерзкий» у них, это ясно, и с ним не всё благополучно. Я так думаю. Они боятся возмездия.

– Командир, они что, хотели нас уничтожить? – К боевому пульта подошла Клэр Стентон, глаза её смотрели на Командира изумлённо и непонимающе. В последние два дня после свадьбы её отношение к нему изменилось и потеплело. Она видела в нём не только бесстрастного и всемогущего командира, но и человека, имеющего такие же понятные чувства, как и все прочие люди и разговаривала с ним без внутреннего напряжения. – Но почему? Они нас даже не знают.

Излучаемое Клэр счастье заполнило весь маленький мирок землян, затерянный во вселенной. Она словно кожей ощущала, как все добры не только по отношению к ней или её возлюбленному, а вообще друг к другу. Но оказывается где-то там, за бортом, в грозном холодном мире, кто-то замахивается на её счастье, готовясь уничтожить его. Да эти неведомые зложелатели просто не знают об их щедрой земной доброте, не знают, что они готовы раздавать её не скупясь, полными пригоршнями, всем на свете, какими бы они ни были эти неведомые существа – паукообразными или похожими на лягушек. Надо как-то объяснить им это, и тогда всё наладится.

Командир развернулся в сторону зала. Изумлена была не только Клэр. Недоумение и вопрос «почему?» читался во всех взорах, обращённых на него.

– Вот так удача, – с унылым разочарованием выговорил Мартынов. – Полтысячелетия с лишком искать братьев по разуму, для того чтобы получить от них по носу.

Люди ждали от него ответа, которого у него не было. Командир обвёл всех взглядом, чутко всматриваясь в лица. Понимают ли они, что их ждёт? Они, для которых чудовищна сама мысль о возможности лишения жизни себе подобных, они, у которых библейская заповедь «Не убий!» отложилась уже, наверное, в генной памяти. Ракеты с такой лёгкостью уничтоженные им, всего лишь зловещее предзнаменование надвигающихся грозных событий. Штокман, сам того не ведая, нажатием кнопки разделил жизни всех здесь присутствующих на две очень не похожие друг на друга части. Очень может быть, что для некоторых эти части окажутся не только не похожими, но и очень несоразмерными.

– Они нас потеряли и ищут. Поле экранирует, – сообщил Леклерк. – Я его свернул, чтобы оглядеться. Появились ещё три корабля. Их не будем трогать?

– Об этом не может быть и речи, – встрепнулся Хайнелайнен. – Мы здесь для контакта, а не для войны. Возможно, они нас приняли за кого-то другого.

– Хороший контакт, – проворчал Остапчук. Он сидел на полу, привалившись спиной к стене и сложив руки на коленях. – Они нас ракетами, а мы из кокона нос высунуть боимся.

– Ты не прав, Рэм, – вступилась за Хайнелайнена Стентон. – Какой может быть контакт, если мы начнём воевать? Они увидят, что мы настроены мирно и тоже не будут.

Командир внутренне усмехнулся наивности девушки.

– Так, ребята, доспорите потом. Сейчас слушайте меня, – уперев левую руку в бедро, он наклонился вперёд к слушателям и говорил не тоном приказа, а беседуя с единомышленниками. – Во-первых, митингов в рубке больше не устраивать, все новости будут сообщаться за ужином. Второе – что мы будем делать. Меняем курс на девяносто градусов и уходим в сторону внешней орбиты. Запускаем автоматические станции для исследования планеты икс три, пространства вокруг неё, включая искусственные спутники, после этого идём к планете икс пять, и ложимся в дрейф на орбиту вокруг неё. Пока автоматы производят разведку, изучаем планету по обычной программе. Армен, можешь со своими исследователями рассчитывать на одну станцию для доставки роботов на планету и полётов вокруг неё. Богданов, выделишь своих людей исследователям для подготовки, – обратился он к руководителю инженерной службы. – Связисты, Моррисон и Свенсон, готовьте сообщение Земле. А насчёт их кораблей, в одном Питер прав. Сбиваем только ракеты без экипажей, нацеленных непосредственно на нас. А вот за кого они нас приняли, я думаю, что за того, кто мы есть на самом деле.

– А почему на икс пять полетят только роботы? – возразил Коростылёв. – Я бы сам слетал.

– Нет, – отрезал Командир. – Полетят только роботы. К этому вопросу больше не возвращаемся. Хайнелайнен и Стентон, ваше задание. Пораскиньте мозгами над перехваченными разговорами, скоро в них недостатка не будет. Всё, на этом заканчиваем дебаты, нужно работать. Все свободны, Хайнелайнен и Фуше задержитесь. – Командир проводил взглядом звездолётчиков с хмурыми лицами покидавших рубку и обратился к Хайнелайнену: – Питер, через три часа зайдите, пожалуйста, в мою каюту, поговорим о вашей работе, а пока поразмышляйте над происшедшим, – он кивнул головой, давая понять, что разговор окончен, и, встав с кресла, и подойдя к Фуше, положил ему руку на плечо. – Ну, что думаешь, Армен?

– Трудно сказать, – Фуше посмотрел на потолок и склонил голову к Командиру. – Ты ведь этого и ожидал?

– Ожидать-то ожидал, но как-то не думал, что они так круто возьмутся, – у Командира вырвался произвольный вздох. – У меня только одно объяснение, они уничтожили экипаж «Дерзкого», и боятся мести с нашей стороны. – Он заложил руки за спину и, глядя под ноги, прохаживался по рубке, Фуше следовал с ним рядом.

– По-моему дело не только в «Дерзком», есть ещё какая-то причина и довольно веская для них, чтобы вот так, даже не попытавшись вступить в переговоры, сразу взяться за оружие. Ты хотел мне что-то поручить?

– Да, вот именно, хотел поручить, – Командир задумчиво посмотрел на тонкое, интеллигентное лицо Фуше. – Понимаешь, мы столкнулись совершенно с иным миром, где насилие в порядке вещей. Для многих это может оказаться непреодолимым психологическим барьером, – Командир на минуту замолчал.

– Для этого ты и вызвал Хайнелайнена? – спросил Фуше.

– Да, для этого. У тебя, если появятся мысли на этот счёт, тоже подходи. Но от тебя я хочу вот что. Тебе, как зоологу, на икс пять делать нечего. Она, скорее всего просто-напросто мёрзлая глыба. Займись с ребятами боевой подготовкой. Парализаторы, бластеры, лазерные пушки, ну, и так далее. Подключи Битова, пусть напомним про стимуляторы, все свои пластыри. Позанимайтесь со скафандрами, вездеходами, катерами, ну, и всякое такое прочее. Все, конечно, начнут ворчать, всё они знают и умеют. Главная твоя цель – внушай мысль, что мы в чужом нам мире, против нас будут применять насилие и нам придётся отвечать на него насилием же, нравится нам это или нет, неважно. Понял мою мысль?

Фуше задумчиво кивнул, и Командир распрощался с ним до вечера.

Глава 4

1

Прошло уже больше года с тех пор, как со звездолёта «Дерзкий» пришло последнее сообщение, то которое так и не удалось расшифровать. До этого «Дерзкий» полтора года находился в свободном поиске, и по программе полёта ему предстояло провести предварительное обследование двух планетных систем. Как явствовало из предпоследнего сообщения, экипаж звездолёта находился в добром здравии, намеревался выполнить программу полностью и пробыть в космосе ещё полгода. Но пришло искажённое сообщение, истёк месяц, установленный для регулярной связи, а ничего нового со звездолёта не поступало. Запрос с Земли, посланный на последний маяк, остался без ответа. В какой-то из двух систем «Дерзкий» потерялся. Связь со звездолётами, находящимися в поиске в дальнем Космосе, процесс довольно сложный. Пока сообщение достигнет Земли, оно идёт от маяка к маяку, где записывается на компьютерную память и информационные компакт-кванты подпитываются энергией. Сообщение могло исказиться в пути, мог выйти из строя один из маяков. Такие неполадки время от времени происходили и ничего необычного в этом не было. Но, не получая известий с Земли, звездолётчики должны были понять, что информационная цепочка нарушена, и запустить специальную ракету связи.

Но «Дерзкий» молчал. В Звёздном управлении забеспокоились. Звездолёт вёл поиск в таких глубинах Космоса, что его полёт выходил за рамки обыкновенного, и информация о нём регулярно по каналу новостей сообщалась всем землянам. Когда закончился второй месяц молчания и истёк срок ответа на запросы, на Коллегии Управления было решено направить в район предполагаемого исчезновения спасательную экспедицию. То, что экспедиция была направлена в таком виде и на таком звездолёте, явилось заслугой Командира.

В Земном мире, особенно среди весьма обширного круга людей, имеющих отношение к звездоплаванью, Командир был персоной достаточно известной и уважаемой. В тридцать пять он побил рекорд молодости, отправившись в поиск в качестве командира экспедиции. В своих затаённых мечтах он надеялся взять второй рекорд и стать самым старым командиром.

В сорок лет звездолётчики избрали его депутатом Съезда Федерации от Лунных поселений. О времени своего депутатства он даже боялся вспоминать. Из четырёх съездов он побывал на трёх, а за один получил головной убой от Председателя Верховного Совета. Кроме того, к его ужасу, оказалось, что помимо съездов, он должен участвовать в комиссиях и комитетах, встречаться с избравшими его массами, о чём он эти массы, кстати сказать, не просил. Настоящий восторг от своей новой деятельности он испытал, когда пришлось решать вопрос о персиках. В Лунный Звёздный городок, где у него тоже была холостяцкая квартира, начали постоянно завозить какие-то безвкусные оранжерейные плоды, вместо сочных, и питательных солнцем венерианских. Местные органы самоуправления не проявили в этом вопросе чуткости к жителям городка, и дело дошло до федерального депутата. Никогда раньше Командир не думал, что вопрос о том какие персики потреблять в пищу может принять вселенские масштабы. Фрукты оставляли его равнодушным, он даже не ощущал разницы.

Бывая в те времена дома, ему казалось, что он не отходит от экрана связи, его вытаскивали даже из постели. Над Федерацией всегда сияли солнца и не все её граждане могли сообразоваться с мыслью, что кое-где стоит ночь. К началу следующих выборов он приложил максимум усилий, и ушёл в полёт.

В Земном Конструкторском бюро звездоплавания Командир числился научным консультантом, в Звёздном управлении – членом Коллегии и Звёздным инспектором первого ранга.

Если бы в годы туманной юности Джону Иванову какой-нибудь ясновидец напророчил такую судьбу, Джону стало бы лестно, хотя и сильно бы он сомневался, что к сорока-сорока пяти годам достигнет таких высот. Но то, что наполнило бы душу Джона Иванова самоликованием, сильно тяготило Командира. Он готовился в поиск, а его не пускали – подошло время проинспектировать очередную звёздную флотилию, а людей в инспекции, как всегда, не хватало. Созывался Съезд депутатов Федерации, и его заранее предупреждали, в Управлении намечалось решение глобальных вопросов, и присутствие Джона Иванова было прямо таки необходимо. Только с Конструкторским бюро он уживался более-менее мирно. Работы, связанные с конструкторскими разработками, он брал «на дом» и уходил в полёт, насытив ими память индивидуального компьютера. Его замечания обычно попадали в бюро через Центр дальней космической связи. Единственными обязанностями, которые он с удовольствием исполнял дома, являлось участие в испытаниях новых звёздных систем. Космос был его родной стихией, в гостях он бывал на Земле. Будь его воля, он бы утащил в Космос и голубоволосую Жаклин, но это, к великому сожалению, выходило за пределы возможностей. Как он чувствовал, Жаклин питала к космосу глубокую неприязнь. Полёты, Космос и Жаклин, если бы всё это соединилось в одно целое, он бы не просил от жизни большего, но счастье никогда не бывает полным.

С некоторых пор, кое у кого из высокопоставленных руководителей Управления появилось огромное желание окончательно убрать Джона Иванова с полётов и превратить в наземного ответственного работника. Дело однажды дошло до скандала, когда его в очередной раз не отпускали с Земли. У Командира появилось тогда чувство, что если он поддастся в этот раз, то всё, полёты для него закончатся. Он разбушевался и заявил, что является полноправным гражданином Земной Федерации и вправе самостоятельно решать свою судьбу, и если ему будут мешать жить так, как он того хочет, придётся обратиться в Комитет по надзору за правами. Связываться с вьедливыми комитетчиками никому не хотелось, и его оставили в покое, хотя гражданских прав никто не ущемлял. Если бы Командиру предложили на выбор – стать министром звездоплавания или до конца жизни летать на поисковых звездолётах рядовым пилотом, он, не задумываясь, выбрал бы второе.

Последние крохи времени на Земле забирали журналисты, предлагая то выступить в информационно-познавательной программе, то в программе новостей прокомментировать последние сообщения из Космоса.

2

На заседании Коллегии решение о посылке спасательной экспедиции было принято незамедлительно и единогласно. Споры разгорелись при решении вопроса о подготовке экспедиции и выборе звездолёта. Сразу же возникло два варианта, и полемика развернулась вокруг них. Первым, самым быстрым, а значит и самым верным, напрашивалось решение об отправке на поиски исчезнувшего звездолёта ближайшего в той стороне патруля Спасательной службы. Второй вариант предполагал снаряжение звездолёта из дома и не нарушал систему патрулирования, но в этом случае сроки отправки спасательной экспедиции затягивались.

Выступление Командира прозвучало громом среди ясного неба. Он отверг оба варианта. Ни много, ни мало, он заявил, что «Дерзкий» захвачен агрессивными существами. Его молчание он объясняет именно этим. Звездолёт исчез не во время прыжка, он вёл плановый поиск, какие бы технические неполадки не произошли на борту, экипаж нашёл бы возможность сообщить об этом. Звездолёты этого класса достаточно оснащены технически, на них установлены новейшие системы безопасности и связи. Он не верит, что всё это в одночасье вышло из строя и «Дерзкий» остался глух и нем. Звездолёт оказался во власти враждебной цивилизации, именно из этого и надо исходить. Отправлять патрульный звездолёт не имеет смысла. Патрули предназначены для спасательных работ, а не для ведения боевых действий. Их экипажи состоят

всего из шестнадцати человек, на борту имеется лишь два планетолёта и четыре автоматических корабля, а из оружия может применяться только одна лазерная пушка. Если против звездолёта предпримут какие-либо военные действия, всё его оснащение, предназначенное для ремонтных работ, окажется бесполезным, он не сможет защитить даже себя. Если они сейчас не предусмотрят этого, то пошлют людей на верную гибель. Нужно посылать только звездолёт, способный противостоять направленным против него боевым ударам целой планеты. Таких звездолетов у Земли нет, поэтому надо немедленно обратиться в правительство, потому что сами они такой вопрос не решат, время не ждёт, придётся остановить строительство уже заложенных звездолётов и все силы бросить на создание новейшего, сверхмощного звездолёта.

Реакция зала была неоднозначной. Часть присутствующих на совещании, меньшая часть, готова была прислушаться к словам Командира, но большинство отвергло его предложение, и настаивало на немедленной отправке в поиск обычного звездолёта. Командира даже пытались высмеять. Как же, целые столетия земляне ищут во Вселенной разум, повстречали пока только динозавров, а тут сразу мощнейшая цивилизация, способная захватить земной звездолёт. Да и что за выродки создали эту цивилизацию, если вместо того чтобы вступить в контакт с братьями по разуму и обмениваться знанием, начинают с ним воевать. Время торопило, а решение повисло в воздухе. Согласиться с большинством и немедленно отправлять обычный звездолёт, Командир считал бессмысленным. Обмениваться знанием можно по-разному.

Так случалось уже не раз. Он пользовался огромным авторитетом и среди рядовых звездолётчиков, и среди руководства. Но почему-то его предложения зачастую встречали в штыки, чтобы утвердить какую-то свою идею, ему приходилось вначале преодолевать сопротивление. Причину этого он не понимал. Его товарищи мало походили на закоснелых ортодоксов – догматики в звездоплавании не уживались. Мысли же о том, что это происходит из-за зависти к его успеху и недоброжелатели только и ищут предлог для посрамления удачливого соратника, он не допускал. Его окружали люди преданные своему делу не меньше его самого и ради дела готовые переносить трудности, лишаться сна, не то, что каких-то там персиков. Зависти, желанию подставить подножку просто не было места, Космос не та стихия, где такие вещи приносят плоды. Но Командир не был бы Командиром, если бы не смог настоять на своей правоте. В тот же день, вернее это уже была полночь, он примчался в Столицу Мира, поднял с постели Президента и Председателя Верховного Совета Федерации. На следующий день состоялась экстренная расширенная сессия Совета с привлечением специалистов обоих Звёздных управлений и Центра Космических исследований. Сессия прошла в одно заседание и длилась восемнадцать часов. Заседание транслировалось по одному из информационных каналов и по шутивому признанию одного специалиста пресс-центра, компьютер связи начал дымиться от перенагрузки, столько оказалось желающих донести своё мнение до сессии. Как подсчитали работники пресс-службы, семьдесят один процент землян поддержал Командира в необходимости посылки боевого сверхмощного звездолёта, хотя и не все разделяли полностью его уверенность в агрессивности внеземного разума, она подразумевалась лишь, как потенциальная угроза. Примерно в таком же соотношении разделились и голоса членов Совета, и лишь малая часть поддерживала полностью мнение Командира. Это уже было и неважно, решение сессии оказалось таким, которого он добивался.

Пока шла сессия, во Дворце народовластия собрались – одни по приглашению, другие по собственной инициативе – многочисленные корифеи звездоплавания и космических исследований. Тут же, до окончания заседания из них была сформирована комиссия по подготовке к полёту и назначен командир экспедиции. Комиссии предоставлялись самые широкие полномочия по привлечению любых мощностей, производств, специалистов к строительству звездолёта. Её решения являлись обязательными к исполнению всеми ведомствами и службами, которые она посчитает нужным задействовать. Председатель комиссии еженедельно докладывает

вал Президенту о ходе подготовки к полёту. По предложению самого Президента и командиром экспедиции, и председателем комиссии был назначен один и тот же человек – Джон Иванов.

Решение Совета земляне встретили всплеском энтузиазма. Двадцать один их собрат где-то в глубинах Космоса терпел бедствие, и Земля была готова на всё, чтобы вызволить их из беды.

Конструкторам был задан ребус. Звездолёт должен нести мощное оружие, иметь наисовременнейший компьютер, на нём должны быть повышены мощности накопителей и преобразователей энергии, увеличено число и планетолётов, и автоматических кораблей, и станций, и прочее, и прочее, и прочее. Да и посылая звездолёт в такой полет, грех было не воспользоваться случаем и не укомплектовать экспедицию расширенным числом исследователей, увеличив за их счёт состав экипажа. Для обеспечения скрытности и защиты от нападения, на будущем звездолёте решили установить генераторы поля, изгибающие электромагнитные волны вокруг объекта и в конусе на заданную поверхность. И при всём этом звездолёт должен сохранить способность летать и иметь достаточную маневренность. После расчётов и споров пошли на компромисс и решили не начинать строительство с нуля, а использовать уже построенный корпус звездолёта типа «Дерзкого», установив на нём не два, а четыре модуля и сократив количество жилых кают, помещений и систем, обеспечивающих максимальную благоустроенность жизни людей во время длительного полёта. Это доставляло дополнительные трудности при взлёте и посадке, а экипаж лишало привычной комфортности, но зато намного сокращало срок подготовки экспедиции.

3

Звездолёты строили в два этапа. Всё то, из чего состоит космический летательный аппарат, включая модули и двигатели, изготавливали на Земле и доставляли на грузовых планетолётах на Луну. Здесь делали корпуса и собирали звездолёты. Луна в двадцать девятом столетии представляла собой огромную стартовую площадку. Недопустимость вреда, наносимого атмосфере при взлёте и посадке, давно стало прописной истиной. Этот запрет касался не только Земли, но и любой другой планеты, имеющей атмосферу. Звездолёты обычно ложились на орбиту, или значительно реже их сажали на естественные спутники, а исследуемую планету посещали на малых кораблях. Нарушители этого правила имели все шансы лишиться диплома и звания пилота до конца жизни.

На Луне располагались два космопорта Управления Звёздных Сообщений для звездолётов, выполнявших регулярные рейсы на Новые планеты, в просторечии – рейсовиков. Один космопорт предназначался для галактических сообщений, второй для более дальних, и обслуживал всю Ойкумену. Один космопорт имело Звёздное Управление, на нём базировались поисковики и Спасательная служба. На Луне размещались также два испытательных полигона. На одном, принадлежащем Звёздному Управлению, испытывались в основном уже собранные звездолёты новых марок, а на другом, используемым Конструкторским бюро и Центром исследований, доводились разрабатываемые системы. Но работа этих трёх ведомств настолько переплеталась между собой, что функции обоих полигонов не имели отчётливо выраженных разграничений, да это никого и не заботило. Кроме того, на земном спутнике размещались заводские полигоны и космопорты планетолётов, совершавших рейсы внутри Солнечной системы и в ближнем Космосе за её пределами. Каждый космопорт занимал не одну сотню квадратных километров. Стартовые площадки, ангары, заводские корпуса, жилые городки размещались в десятках километров друг от друга.

Генераторы поля требовали проведения испытаний, хотя и не являлись новинкой. Их первые модели появились давно, одно время их устанавливали на звездолёты. Но за отсут-

ствием нужды, генераторы не довели до совершенства и забыли о них. Теперь необходимость заставила их дорабатывать.

Подбор членов экспедиции проводился из добровольцев в несколько этапов на конкурсной основе. Состав экспедиции комиссия решила подобрать смешанный, из молодых, находящихся в начале своего пути в Космосе, и уже повидавших виды звездолётчиков. Хотя все предупреждались о тяжести полёта – таких трудностей ещё никому не приходилось испытывать, да и от привычного комфорта придётся отказаться и, кроме своих прямых обязанностей, потребуется выполнять и другие, причём не всегда приятные, а самое главное – поиск связан с риском для жизни, как никакой другой, недостатка в добровольцах не было, и даже наоборот, комиссия не успевала рассматривать заявления о желании участвовать в спасательном полёте. Подбор кадров Командир, рассудив, что везде не поспеть, полностью доверил комиссии. Сам лишь ознакомился со списками кандидатов, одолевших профессиональные и медицинские испытания, которым предстояло пройти психологическое тестирование и проверку на полётную совместимость, да изредка пробежал глазами списки подавших заявления, отмечая знакомые имена. Так он с удовлетворением обнаружил имя своего старшего сына Василия.

Командир метался между Землёй и Луной, связь его не удовлетворяла. С генератором поля возникли трудности. Поле вокруг объекта разворачивалось, как требовалось, а конус местами получался рыхлым. Волны, хотя и искажённые, проходили сквозь него. Но наступил день, когда довольный Командир пожал физикам руки. Для опыта конус навели на корабль. На экране корабль не обнаружили, зато местность за ним просматривалась полностью, без тёмных пятен.

Посещая Землю, Командир на пару часиков заглядывал домой в Ленинград, куда прилетала Жаклин, если могла освободиться. Дети уже разлетелись и шли своей дорогой, хотя Марина и могла бы выбрать время повидаться с отцом.

Глаза Жаклин грустнели с каждым днем, и сама она выглядела невесёлой и непривычно тихой. Командиру всё хотелось развеселить жену, но у него не хватало сил и времени для этого.

И теперь они повторили маршрут «Дерзкого», срезая его там, где звездолёт отклонялся на исследования. Обнаружили все маяки, но в их компьютерной памяти значились только сообщения уже полученные Землёй.

Глава 5

1

Звездолёт лёг в дрейф, но скучать никому не приходилось. Нудное однообразие навсегда покинуло “Громовержец”. Пилоты, штурманы, связисты водили по околопланетному пространству икс третьей автоматические корабли и станции. Это превратилось в невероятную по своим масштабам детскую игру. Инопланетяне при каждом удобном случае пытались уничтожить автоматы, оружием которых были только скорость и маневр. Как ни старались земляне уберечь свои летательные аппараты, не обошлось без потерь. Корабли инопланетян рейдировали по всей системе, несколько раз появлялись и вблизи планеты икс пять, но звездолёт прятался в кокон и, заключив исследовательскую станцию в конус, оставался для них невидимым.

Исследователи занимались обычной работой по составлению программ и расшифровкой данных, полученных с автоматической станции, изучавшей планету икс пять. Так было в первые дни, а потом их всё чаще и чаще привлекали к обработке разведанных об икс третьей, и их основная работа отходила на второй план. Инженерам тоже нашлась работа. На Земле военные действия рассматривались как потенциальная угроза. На малую технику, чтобы не снижать её маневренности и грузоподъёмности все подготовленные системы вооружений не устанавливали, ограничивались только лазерами. Теперь, когда неизбежность столкновения стала очевидной, инженерная служба превращала катеры и вездеходы в летающие и ползающие крепости.

Работа работой, но её время истекало и тут оказалось, что привольная жизнь на «Громовержец» кончилась. Канули в прошлое деньки, когда можно было дать заказ хозяйке и устроить в чьей-нибудь каюте дружеские посиделки. А на посиделках, поудобней расположившись в креслах и на ложах, потихоньку потягивая всевозможные тоники и коктейли, в которых неизвестно чего больше – сока или сухого вина, проводить конкурсы всевозможной небывальщины и побасёнок, сравнивать на каком море солнце светит ярче, а девушки приветливей. Или же засидеться за полночь в кают-компании, решая мировые проблемы, делать прогнозы о путях развития человечества и сокрушаться, что слишком хорошо тоже нехорошо и в нынешней человеческой жизни чего-то не хватает, и не мешало бы её слегка поперчить.

Споры в кают-компании разгорались горячие. Заводилой обычно выступал Майкл Титов, заслуживший от Битова прозвище «неунывающего спорщика». Имелась у Титова в душе какая-то струнка, начинавшая вибрировать по малейшему поводу и вызывавшая у него нестерпимый зуд противоречия. Никогда не горячился Остапчук, вообще смотревший на жизнь с флегматичной хитрецей и прищуром, да Леклерк, который, посмеиваясь, будто невзначай подзуживал спорщиков. Фуше, если случалось и ему засиживаться вместе со всеми в кают-компанию, обязательно под занавес укладывал какую-нибудь сторону на обе лопатки несколькими едкими замечаниями. Очень редко в споре участвовал Командир, он вообще вёл достаточно уединённую жизнь и по вечерам работал в своей каюте на компьютере над заданиями Конструкторского бюро.

За исключением инопланетян, основными темами в этом полёте были дельфины, Проекция и космик. Истой поборницей дружбы человека и дельфина выступала Виола Гарсия, Титов, естественно, становился оппонентом. Открывшаяся у потомков тех дельфинов, которые впервые вступили в настоящий контакт с человеком, тяга к искусству, пусть примитивное, но всё же достаточно ярко выраженное понимание музыки и живописи, Виола считала несомненными возможностями ещё больше приблизить дельфинов к человеческому уровню. Природой в них заложено много задатков, человек помог им раскрыться. Возможно человек и дельфин, это

как неандертальцы и кроманьонцы, только человек не позволит угаснуть потенциально разумным существам, а наоборот, сделает их по-настоящему разумными. Титов, конечно, считал, что человек, преступая законы природы, ведёт себя неэтично. Поскольку дельфины созданы природой именно так, значит такими они и должны оставаться. А человек ради собственной забавы калечит их души, тут Виола ехидно спрашивала, а могут ли у неразумных существ иметься души и спор от вполне конкретных дельфинов уходил в туман метафизики.

Сторонником реальности Проекций прошлого выступал наладчик компьютерных систем Джоз Феллини. На помощь иронизирующему Титову неожиданно приходила Мадлен Караян, со снисходительной усмешкой, бесстрастным голосом объяснявшая, что с помощью компьютеров можно изобразить не только тысячелетнее прошлое, но и тысячелетнее будущее, да что там тысячелетнее, чем дальше от нас во времени, тем лучше, всё равно никто ничего не сможет проверить. Экспансивный Феллини горячился, доказывал, что независимые эксперты проверяли программы компьютеров, в них отсутствовали воспроизводимые события. Горячих энтузиастов Проекций он не находил, большинство недоверчиво покачивало головами. Резюме подводил Битов, заслуживая недовольный взгляд Мадлен, он утешал спорщиков тем, что Проекции пока ещё тёмный лес, их изобретатели нашли ключ, но пока ещё не отыскали замок, который тот отмыкает.

Космик никого не оставлял равнодушным, за исключением может быть Остапчука. Дело было даже не в том, что Джой Керри нравились высокие тона, когда всё тело само танцует и невозможно остановиться, пока не дойдёшь до изнеможения, зато потом чувствуешь себя как заново родившейся, у Дона Витте от таких конвульсий потом самопроизвольно неделю стучат зубы, а Клэр Стентон нравится спокойная музыка. Одним нравится высокий космик, другим низкий, третьим – более привычный для человеческого уха средний, у каждого свои вкусы. Общество пыталось разрешить проблему – окончательно ли музыка зашла в тупик и ничего гениального здесь больше состояться не может и остаётся только надеяться на компьютерных виртуозов. Тут возникал новый вопрос. Что такое вообще компьютерная музыка? Искусство или алгебра, разъятая на части?

Всё это вдруг исчезло. По вечерам звездолётчикам стало не до полночных дискуссий, впору бы до ложа дотрагиваться. Фуше, тонкий, интеллигентный Фуше оказался на редкость жёстким начальником. Он без кубика помнил наизусть время вахт и распорядок работы каждого человека, будь то пилот, штурман, инженер или исследователь. Два часа в день каждый участник экспедиции, независимо старый или молодой, должен был проводить в специально оборудованном ангаре на инженерном этаже. Да и сам распорядок дня ужесточился. Ворчали даже старики – ни в одном поиске так скрупулёзно не соблюдалась дисциплина. Космос есть космос, и когда находишься в рубке, инженерном этаже, или возле накопителей энергии и двигателей, никакая расхлябанность недопустима, это вполне естественно, и никто с этим не спорит, но свободное время твоё. А Фуше сократил это время до минимума. Подошёл срок – иди в ангар, спортзал, на обед или ужин и никакого самовольства.

Не отставал от Фуше и Битов, на чьём попечении находился спортзал. Раньше в спортзале можно было спокойно, в любое время порезвиться с мячом, на тренажёрах перекинуться словечком-другим. Док взялся за свои обязанности и гонял всех до седьмого пота, тут уж стало не до болтовни и развлечений.

Стараниями Хайнелайнена в кают-компании ежедневно показывали исторические фильмы с кровопролитием и прочими ужасами, звучал полузабытый гимн Земли – «Гимн ликующего человечества». Гимн был написан ещё в пору объединения людей, в конце двадцать второго столетия, и в некотором роде представлял собой музыкальный вариант всеобщей истории Земли. Музыка первой части была полна трагизма, постепенно в неё вплетались мажорные ноты, и тема страданий и смерти сменялась темой всеобщего ликования.

Лет полтора года назад гимн сменили, и им стала заключительная часть симфонии Андрея Николсона «Голубая планета», написанная в просветлённых тонах, и впитавшая в себя всю радость земной жизни. Хайнелайнен же решил, что в музыкальное оформление досуга полезно периодически включать гимн предков.

В ангаре у Фуше объявился неожиданный помощник. Вечером, обсуждая с Командиром прошедший день и немного расслабившись, он говорил, посмеиваясь:

– Знаешь, наш Ромео оказался не только знатоком девичьих сердец. В принципе, бластер в руках умеют держать многие, но это прямо виртуоз.

Бластер служил ручным инструментом исследователям новых планет и первопроходцам. С его помощью прокладывали путь, расчищали площадки среди скальных нагромождений и лесных дебрях. Пользоваться им как оружием до сих пор предполагалось только теоретически. Меняя мощность, лучом можно было прожигать камни и плавить высокопрочную сталь или только-только воспламенять дерево. Регулируемый фокус позволял превратить луч в струну и бить в одну точку или рассеять конусом и охватить несколько метров.

Возможность использования бластера, как оружие против живых существ, вызвала на Земле много споров. С необходимостью иметь для защиты собственной жизни безотказное и мощное оружие соглашались все, но предлагаемый способ у многих вызывал отвращение своей бесчеловечностью. Поэтому бластеры, предназначенные для войны, дополнили парализующим лучом. Парализующая составляющая комбинированного луча мгновенно отключала сознание, а энергетическая убивала бесчувственное тело.

Коростылёв оказался мастером стрельбы по неподвижным и движущимся целям, из любой позиции и на бегу, причём делал это с одинаковым успехом в скафандре и без него. Его таланты не ограничивались стрельбой, и он предложил Фуше провести тренировочные полёты на скутерах. Тут он немного лукавил, ему надоели закрытые помещения, и захотелось порезвиться на воле. Командир, поколебавшись, дал разрешение на тренировки, оговорив, чтобы дальность полётов не превышала трёхсот метров от звездолёта.

Не меньшее удивление Коростылёв вызвал и у Битова умением накладывать на самые разные участки тела кровоостанавливающие, заживляющие и иммобилизующие пластыри.

– Ты кровь заговаривать не умеешь? – спрашивал док. – Где это ты всему научился?

– Космос есть космос, – отвечал многозначительно Коростылёв. – Надо будет, и кровь заговорю.

– Ты вот что, – говорил шутливо Битов, – ты имей в виду, когда тебя пнут за нерадивость из твоей космогеологии, приходи ко мне, возьму помощником лекаря.

– Это почему же меня должны пнуть? – спрашивал, смеясь, Коростылёв.

– Ну, мало ли что, – разводил руками Битов. – В жизни всякое бывает. Космос есть космос.

2

Виола погрузилась. Её даже перестала развлекать немного наивная восторженность Клэр своим возлюбленным. Ещё полмесяца назад Виоле приходила в голову в мысль, что если бы как-то эдак, безвредно для себя, кто-нибудь из них двоих исчез со звездолёта, безразлично – Мартынов или Леклерк, она была бы только рада. А теперь они оба не обращали на неё внимания, и жизнь казалась ей пресной и неинтересной.

Вначале к ней охладил Леклерк. Обескураженный отказом в их ночных встречах, в первые дни после разрыва он пытался вернуть расположение возлюбленной, но она только качала в ответ головой. Одно время он начал уделять знаки внимания Джой Керри, но его заигрывания с хорошенькой программисткой оставили Виолу равнодушной. А потом появились эти противные инопланетяне, всё закружилось и Пьер, как и Командир, покидал рубку только для

сна и еды. При встречах он кивал и улыбался ей, но такая же дежурная улыбка адресовалась и другим женщинам. Отчуждение Леклерка она восприняла без всяких эмоций.

С Мартыновым дело обстояло иначе. Она сама оттолкнула его. Оттолкнула сгоряча, злясь совсем не на него. И теперь сердилась на саму себя за это.

Произошло это так. Она облюбовала в обычно пустой теперь кают-компаниии уголок, сюда она удалялась, не желая никого отвлекать от дела, так она объясняла, а на самом деле стремясь остаться наедине с холстом, и взялась-таки опять за краски. Фуше вначале поморщился, но, приняв к сведению весомость её доводов, махнул рукой. Возникновение жизни на икс пятой даже через миллион лет представлялось событием маловероятным, и в Виолиной активности планета на данный момент не нуждалась. Отработав положенное время со штурманами и связистами, она после обеда два-три часа уделяла занятиям живописью.

На дисплее Виола перебрала множество вариантов, вызывая своей фантазией возгласы восхищения. Возле неё вечно толпилась, не скрывая эмоций, кучка любопытных, наблюдавших за рождением картины. На их исследовательский этаж спускались даже пилоты с единственной целью – поглазеть на меняющуюся каждый день девушку и резвящихся дельфинов. Али Штокман, теребя чёрный ус, как-то глубокомысленно изрёк, что сюжет не завершён и на картине явно чего-то не хватает, а именно – мужественного пилота, стоящего рядом с девушкой. Виола, смеясь, обещала изобразить на следующей картине вокруг девушки не резвящихся дельфинов, а особой мужского пола, игриво скачущих по волнам, всех как один с мужественными лицами, шикарными усами облачённых в полный комплект звездолётческих доспехов.

Что касается дисплея, всё выходило прекрасно. На холсте получалось много хуже, вернее ничего не получалось. Виола уже пробовала браться за краски в предыдущих дрейфах, но после безуспешных попыток вернулась к дисплею, а теперь взялась за краски опять. Как лёгкая влюблённость постепенно и исподволь переходит в глубокое чувство, простое созерцание морской живописи, подстёгнутое любовью к морю, превратилось для неё в страстное желание творить самой. Но как часто бывает, то, в чём хочешь добиться совершенства и признания, как раз и не получается.

Возможно, её ошибка заключалась в том, что, не достигнув мастерства в небольших картинах, она взялась за довольно крупное и сложное полотно под названием «Пляска дельфинов». Как у поэтов мерилом признания служила реакция слушателей на Дворцовой площади во время Пушкинских дней, так и морские живописцы судили, о том состоялась картина или это всего лишь ремесленная поделка по поведению дельфинов у своих полотен. Возле картины, вызвавшей интерес, дельфины подолгу стояли, чуть шевеля хвостом, делали «свечку», прыгали, а самое главное – тёрлись носами. Такую картину покрывали прозрачным защитным слоем и устанавливали в Морском музее изобразительных искусств. Картины, мимо которых дельфины, чуть задержавшись, равнодушно проплывали, огорчённые художники забирали на доработку или переделку. И чтобы не говорили о картине критики, главными судьями выступали дельфины. Конечно, не все они разбирались в таких тонкостях, как живопись. Часть их, не пожелавшая вступить в тесное сотрудничество с человеком, так и осталась дикой. Зато большая половина за четыре столетия общения с людьми развила свои природные задатки до такой степени, что люди порой корили создательницу за отсутствие у дельфинов рук и способности к человеческой речи.

Восторг у морских обитателей вызвали полотна, где их физиономиям неуловимыми штрихами придавались человеческие эмоции. Шедевром у них считался «Смеющийся дельфин». Лики виолиных дельфинов выражали восхищение девушкой. Хвостатый красавец, делавший «свечку» на переднем плане, готов был преподнести ей поцелуй, если бы умел.

Сюжет картины был бесхитростен и в то же время сложен в исполнении. В центре полотна на мчащихся морских салазках стояла вполоборота к зрителям обнажённая девушка с развевающимися волосами и раскинутыми в стороны руками, готовыми обнять весь радостный мир,

расстилающийся окрест неё. Вокруг девушки выпрыгивали из воды, парили в воздухе, носились по волнам, вздымая каскады брызг, дельфины.

Виола, наверное, с самого раннего детства влюбилась в море и его жизнерадостных обитателей, вжилась в их обычаи и повадки, знала каждый изгиб тела и напряжение мускулов. На картине у неё получались настоящие дельфины, а не маринованные селёдки. Но всё вместе это выглядело, как выставка прекрасно выполненных манекенов, а не живая пляска. А ей так хотелось, чтобы на следующей выставке возле картины дельфины, наконец, потёрлись носами. Но у неё опять не выходило, это было прекрасно выполненное застывшее изображение, а не живое полотно и поэтому она злилась.

Подошёл Мартынов и смотрел на холст из-за её плеча. Этого она вообще не выносила, тем более, когда не получается. Он постоял и начал рассуждать. Она стояла, не отвечая ему, прикусив нижнюю губу, а он, не замечая её раздражения, говорил. Он говорил, что у неё море, как зеркало, а оно живое, на нём играют волны и светотени, а солнечные блики прыгают по неосвещённым частям тел, солнечные лучи теряются во вздыбленной дельфинами воде, а у неё всё одинаково освещено и брызги превратились в стеклянные шарики. Если опустить солнце ниже и сделать день утром, светотени станут резче и у картины прибавится экспрессии.

– Вот увидишь, эффект станет намного сильнее и дельфины придут в движение, – закончил он.

И тогда она, полуобернувшись и глядя на него из-за плеча, едко сказала:

– Я думала, ты только в железяках разбираешься, а ты оказывается непризнанный гений в живописи.

Мартынов обиделся, развернулся на каблуках и ушёл. Через минуту Виола назвала себя душой, и была готова броситься вслед за Мартыновым, но в кают-компании, кроме неё, находилась только застывшая у входа хозяйка.

Может, он был даже и прав, а может не прав, не в этом дело. Ему хотелось поговорить с ней, подвернулась её любимая тема, а она повела себя, как капризная девчонка и нахамила. От досады на саму себя, Виола швырнула кисть в ящик и бухнулась в кресло, готовая разреветься. К краскам с этого дня она больше не прикасалась.

В нечастые теперь встречи, Виола, как молоденькая девочка, волнуясь и краснея, изо всех сил старалась попасть Мартынову на глаза. Если в кают-компании, когда она туда приходила, его ещё не было, старалась тянуть время, не обращая внимания на подгонявшую её Клэр, и ела помедленней, только чтобы он застал её здесь. А если приходил раньше он, она занимала столик поближе к нему, но Мартынов отворачивался или отводил взгляд в сторону. На мужчин, ради поднятия духа, пытавшихся завести с ней лёгкий флирт, шипела как рассерженная гусыня.

Как-то, когда подошло время очередной тренировки, Виола облачилась в сидевший на ней как перчатка, и плотно облегающий тело серебристый комбинезон звездолётчиков с оранжевой полосой исследователей, лентой спелого апельсина подвязала волосы, чтобы они сплошным потоком ниспадали по спине, и отправилась на инженерный этаж.

Вообще-то, эти тренировки с бластерами, лазерами, парализаторами она считала дурацкой затеей, но подчинялась дисциплине. Как ни странно, она довольно неплохо попадала во все цели, изобретённые неуёмной фантазией Коростылёва. Но на спуске её палец почему-то деревенел и вместо импульсов у неё получался сплошной луч. Коростылёв ехидничал и говорил, что, кроме бластера, ей придётся таскать с собой ведёрко с энергией. Неужели они все всерьёз думают, что она будет в самом деле посылать в кого импульсы и лучи. Если эти инопланетяне такие зловредные, против их козней у них имеется достаточное количество всяких разных средств защиты, и пусть хитроумные руководители думают, как эти средства лучше использовать, а не идут по самому лёгкому пути.

Выйдя из лифта, Виола, закрыв глаза, несколько раз глубоко вздохнула и пошла в ангар, в котором работали инженеры. В помещении густо пахло раскалённым и плавящимся металлом. Запах был специфическим, не очень приятным для непривычных, и, окунувшись в него, Виола произвольно сморщила носик.

Она поглазела на копошившихся там и сям людей и роботов, нашла взглядом Мартынова и подошла к вездеходу, на котором он работал. Он сидел к ней спиной на корточках перед люком, и что-то говорил находящимся внутри. Виола встала носками серебристых туфельек с легкомысленными бантиками на массивную гравиподушку и, приподнявшись на цыпочках, окликнула его. Сердце на мгновение остановилось и гулко застучало в предчувствии того, как его взгляд прочтёт в её глазах о том огромном и новом, что появилось в ней. Прядка волос освободилась из-под ленты и лезла в левый глаз, мешая видеть Мартынова. Держась руками за борт вездехода, она резко дунула на неё, представив какой у неё сейчас должно быть смешной вид, но, не обращая на это внимания, продолжала с надеждой ловить взгляд Мартынова.

Мартынов сумрачно поглядел на неё, полуобернувшись через плечо, и, стараясь не встретиться взглядом, смотрел на катер, на котором одетые в синие рабочие костюмы, Арт Робинсон и Рэм Остапчук вкупе с роботами-манипуляторами монтировали ракетные подвески. Он ничего не говорил, как она ожидала, и Виола, почувствовав, как у неё внезапно задрожал подбородок, упавшим голосом попросила показать, как работают эти штуки, которыми они напичкали вездеход, и о которых она секунду назад даже не помышляла. Мартынов, по-прежнему глядя мимо неё, скорбно возвестил, что с такими вопросами нужно обращаться к Коростылёву, он в таких вещах не специалист, а только и умеет, что стучать железяка об железяку.

Теперь в свою очередь обиделась Виола. Неужели он ничего не почувствовал и не понял? Да он просто-напросто запрограммированный истукан. Поведение её изменилось на обратное. В присутствии Мартынова она любезничала со всеми напрапалую, а его гордо не замечала. Клэр, пошутившей над её частыми превращениями, нагрубилла, но ближайшая подруга не обиделась, а, всплеснув руками и, захлопав в ладоши, сказала нараспев:

– Да никак ты влюблена, прекрасное дитя моё!

У Виолы брызнули слёзы. Она уткнулась в плечо подруге, и шмыгая носом, и, всхлипывая, пожаловалась, как обиженный ребёнок:

– Он меня не замечает.

Клэр гладила её по голове и говорила смеясь:

– Да как же не замечает? Он только по тебе и сохнет. Ты погляди на него – одни кожа да кости остались.

Виола отстранилась и спросила доверчиво, вытирая глаза согнутыми пальцами:

– А ты не врешь?

– Да как же вру, дурочка? Об этом весь звездолёт знает, только вы оба никак разобраться между собой не можете.

Виола ещё пошмыгала и сказала:

– Ну, тогда ладно.

Она попыталась заговорить с Мартыновым как обычно, словно и не происходило между ними ничего особенного, но на него как ступор нашёл, отвечал, будто через силу, глядя под ноги, каким-то отчуждённым и бесцветным голосом. И тогда Виола всерьёз загрустила.

Глава 6

1

Прошёл месяц с тех пор, как звездолёт “Зевс Громовержец” был атакован ракетами с ядерными боеголовками, и лёг в дрейф возле планеты икс пять. Всё это время звездолётчики развлекались с инопланетянами игрой в пятнашки и жмурки. Агрессивные братья по разуму не только сбивали автоматические корабли землян, но и всячески мешали связи с ними. Некоторые данные из-за постоянных искажений и помех были получены только по возвращению кораблей на звездолёт из памяти компьютеров. Днём вернулся последний корабль, и картина о состоянии Планеты стала достаточно ясной, чтобы подводить итоги разведки. «Дерзкий» обнаружили на Большом спутнике, но никаких сведений об участии экипажа разузнать не удалось. Хайнелайнен и Стентон, не выходя из своего отсека, день и ночь бились над расшифровкой перехваченных переговоров, но все их потуги пока оказывались безрезультатны. Когда нашёлся пропавший звездолёт, Командир со своими заместителями Фуше и Леклерком, сочли вероятным знакомство инопланетян с языком землян и через один из автоматических кораблей послали не обычный сигнал-приветствие, а предложение о переговорах, но ответом по-прежнему служило молчание. Направлять для установления Контакта в условиях неприкрытой и непонятной агрессивности Планеты планетолёт с людьми, они посчитали делом бессмысленным и чересчур рискованным, поэтому решили скрытно выкрасть двух-трёх инопланетян на Большом спутнике. До сих пор в контакт с воинственными жителями Планеты вступали автоматы, теперь наступила очередь людей. Причём контакт предстоял насильственный, и кто может сказать, чем эта затея кончится? Не поплатится ли кто-то в результате собственной жизнью. Но иного выхода не было, возвращаться назад, не выполнив задания и не узнав досконально об участии пропавшего экипажа, они не могли.

Назавтра Командир назначил общее собрание экспедиции. Леклерк доложит обстановку, а он поставит вопрос – что делать дальше? У них два пути. Сделать так, как наметила их руководящая тройка, и после допроса пленных, когда хоть что-нибудь выяснится об экспедиции «Дерзкого» и причине враждебности Планеты, принять окончательное решение. Либо послать сообщение на Землю и запросить помощи. Но даже, если дома построены звездолёты типа их «Громовержца» и учитывая, что маршрут к Планете проложен, помощь придёт не раньше восьми-девяти месяцев. А если потом выяснится, что хоть кто-то из экспедиции «Дерзкого» ещё жив, а они, затянув время, позволят им погибнуть? Маловероятно, надежда на спасение ещё есть.

Собрание собранием, но решать ему – командиру. Сообщение со всеми добытыми сведениями о Планете они, конечно, завтра отправят. Связисты уже зашифровали и скомпоновали его, осталось добавить их с Фуше и Леклерком мнение. Если в установленный срок от них не придёт следующее сообщение, посылать к Планете как минимум три боевых звездолёта. Только вот решать вопрос о способе Контакта в этом случае будут без них.

Командир не сомневался, что все примут его предложение и выберут первый путь, но он хотел, чтобы люди пошли на это сознательно, представляя, на что и ради чего идут. Это должен быть свободный выбор, а не дисциплинированное подчинение приказу.

По корабельному времени уже пробило двенадцать, но Командир всё ещё не ложился, а расхаживал по каюте. Ему предстояло решить вопрос, кого посылать.

Ещё когда Штокман нажимал на большую красную кнопку, его мозг на какую-то долю мгновения отыскал в памяти воспоминание о том душевном состоянии, в котором Командир пребывал двадцать лет назад, принося Клятву у Памятника.

Тридцатидвухлетним пилотом его зачислили в резерв командиров кораблей. С несколькими сотнями таких же полных энергии и надежд молодых звездолётчиков, он, стоя с ними плечом к плечу на массивных гранитных плитах, давал Клятву в утренних лучах восходящего солнца в первый день Весенних Праздников. От торжественности ли минуты или от непривычки красоваться перед огромной аудиторией – их показывали по основным каналам – пусть даже его лицо мелькнёт на экране, и не отложится ни в чьей памяти, у него в самую ответственную минуту вдруг задрожал голо, и защемило сердце. Уже потом, по прошествии нескольких лет, он спрашивал у своих коллег об их ощущениях в те минуты. Одни в ответ недоумённо пожимали плечами, что тут особенного, обыкновенный ритуал – дань Прошлому. Другие смущённо улыбались и отводили взгляд в сторону. Миллионы его сограждан, принесших Клятву, мирно оканчивали свои дни, припоминая в старости торжественные минуты у Памятника, как одно из событий молодости. Его, наверное, тогда кольнуло предчувствие, что судьба не обойдёт своими милостями и в один прекрасный день преподнесёт подарок и ему на плечи ляжет немалая ответственность, из-за которой и приносилась Клятва. Многих этот день миновал, для него же он наступил во всей своей неотвратимости. Момент, о котором человечество мечтало, и к которому готовилось несколько столетий, приблизился вплотную, и совсем не так как ожидали. Контакт с риском для жизни, причём не своей собственной, а жизни товарищей. Именно это обстоятельство и не давало покоя Командиру, заставляя мерить шагами каюту.

2

Командир подошёл к столу, перебрал на воспроизводителе клавиши, в динамике послышался низкий гул, и каюта наполнилась мощными басами органа. Четверть часа он лежал на ложе с закрытыми глазами. Могучие звуки возвышенной музыки растворили в себе его дух, и, растворившись, как губка водой, он наполнился энергией, приобретая вместе с ней уверенность и силы.

Дослушав фугу, Командир притушил в каюте свет и, соединившись с главным компьютером, вызвал свой личный блок памяти. Такие блоки имелись у каждого звездолётчика. Они являлись незримыми ниточками, связывающими их с родным домом, и в тяжёлые минуты долгих странствий вносили в закручинившиеся души умиротворение и гасили тоску разлуки. Перед полётом в них программировались образы родных и близких, доступ к ним имели только их владельцы. После полёта память стиралась.

Через несколько секунд перед ним на экране стояла его голубоволосая Жаклин. Минуту он, молча, вглядывался в родные черты и смотрел в глаза, потом включил звук, Жаклин сразу ожила, и раздался её несколько низковатый голос. Полуприкрыв глаза ресницами, она читала Пушкина. Ему нравилась своеобразная, присущая только ей, манера чтения, отличная от профессиональной. Раньше он не принимал её и считал, что Жаклин берётся за дело, к которому абсолютно не способна. Постепенно её восприятие поэзии передалось и ему. Голос Жаклин звучал то ровно, то, вибрируя от волнения, местами переходил на прерывистый шёпот, раздавался не громче шелеста листвы и совсем стихал. Создавалось впечатление открывания пушкинской поэзии, и изумление чтеца передавалось слушателям. Читала она по-русски, но ему не требовалось делать усилие, чтобы понять. Кроме современного эсперанто, он свободно думал на трёх европейских языках. Потом она сказала:

– Я люблю тебя, Джон Иванов. Чтобы с тобой не случилось, я всё равно буду тебя ждать, – на мгновение её губы скорбно сжались и влажно блеснули глаза, она сглотнула и повторила: – Я жду тебя, помни об этом и возвращайся живой.

Экран погас и Командир вздохнул. Сколько счастливых и горьких минут пережил он с этой женщиной. Вначале были только счастливые, потом всё чаще и чаще появлялись горькие. Иные бывали до того горькими, что Командир, сжав зубы, с безысходной тоской в сердце,

думал – не лучше ли им расставаться и не мучить друг друга. Но когда наступал предел, за которым значилось только одно – расставание, им словно кто-то шептал на ухо заветное слово и они бросались в объятия, поражённые, как могли дойти до того, что едва не потеряли друг друга.

С возрастом их отношения выровнялись. Оба, наконец, убедились, что любовь их взаимна, а ссоры, едва не приводящие к разрыву, показали с несомненной очевидностью невозможность жить друг без друга. С пониманием этого пришло понимание бессмысленности бесконечных выяснений отношений. Любовь их, дополнившись доверительной дружбой, стала более безопасной и уже не наносила взаимные раны.

Свой семейный дом они устроили в Ленинграде, на Васильевском Острове, отсюда и имя первенца – Василий. Ленинград выбрала Жаклин, Командиру в принципе было всё равно, для него главным являлся не дом, а Жаклин, которая будет жить в этом доме, хотя всё же он предпочёл бы современный, а не старинный город. Жизнь в старинных городах имела свои неудобства. Особенности, отличающие старинный город от современного, неудобствами считал он, Жаклин они наоборот, нравились. Верхушки лип, видные из окна, радовали её взор, а пронесившиеся взад-вперёд авиалетки нагоняли тоску. Ему это казалось мелочами, не заслуживающими внимания.

Жаклин посвятила себя изучению древнеиндийской религии и русской поэзии девятнадцатого столетия. Боги были её работой, а поэзия составляла тот мир, в котором она жила. Невозможно проникнуться духом пушкинской поэзии, если не видеть и не ходить по тем же набережным и мостам, которые представляли перед взором Александра Сергеевича, и по которым ступала его нога, и не дышать тем же воздухом, который наполнял грудь поэта. Так считала Жаклин, и Командир был согласен дышать хотя бы и свежим морозным воздухом, если бы она выбрала Антарктиду. Втайне он, правда, думал, что с тех пор как жил на свете Александр Сергеевич, и набережные, и мосты, да и сам воздух претерпели некоторые изменения.

Почти тридцать лет назад, Жаклин, устраивая семейное гнёздышко, задала хлопот ребятам из Василеостровского управления жилищного строительства. Командир только посмеивался, когда она рассказывала о своих подвигах, но сам в дело созидания домашнего очага не вникал. Все его помыслы концентрировались тогда на Звёздном полигоне, где испытывался звездолёт новой марки, на котором ему предстояло отправиться в первый дальний поиск. Квартира в современном жилом массиве Жаклин никоим образом не устраивала, она хотела жить только в старинной части города. Всё же им пришлось года полтора обретаться в современном городе-спутнике около Ломоносова, пока освободилось то, что более-менее устраивало Жаклин.

В квартире, которую им предоставили на северной стороне Большого проспекта, молодой женщине понравилась только её двух плановость. Квартира располагалась на пятом и шестом этажах с окнами на проспект. Про её устройство она выразилась коротко: “Казарма!” С настойчивостью, во все времена, присущую всем женщинам мира, она взялась за её переделку. Столовую, в которой едят все нормальные люди, она вообще ликвидировала, зато гостиная стала двухсветной с галереей и витражами на верхнем этаже. Галерею украсили уменьшенные копии статуй Летнего сада, а под лестницей устроили камин и бар с напитками. Ванная, кухня, помещение для роботов со всеми их причиндалами, всё это расположилось на нижнем этаже. Здесь же, за гостиной, была устроена их общая спальня и рабочий кабинет Командира. Из всей квартиры он приложил руку только к устройству собственного кабинета. Здесь, избавляя его от потери времени на посещение компьютерных центров, имелся выход на Всеземную компьютерную систему и отсюда он мог через Лунный ретранслятор, при желании, связаться даже с ближним Космосом. Свою комнату, детские спальни, игровые Жаклин расположила на верхнем этаже. Если кабинет Командира поражал современным оборудованием, комната Жаклин была чем-то средним между будуаром, рабочей комнатой и библиотекой. Из всех технических

средств, для своей комнаты она выбрала только универсальный программник, даже не захотела установить экран связи. Поэтому хозяйка в их доме постоянно находилась не на кухне или комнате для роботов, а дежурила в гостиной. Зато во всю стену будуара билось рассерженное море, и в развевающемся плаще стоял задумчивый Пушкин.

Когда Жаклин с милой улыбкой объяснила свои желания представителю районного жилищного комитета, вместе с ней осматривавшего квартиру, тот схватился за голову. Инженер из отдела реконструкции строительного управления, вызванный для разрешения спора, долго ворчал, что это не современное здание, в котором можно делать все, что душе угодно, а старинный дом, который хотя, и перестроен из новейших строительных материалов, всё же планировка несущих конструкций осталась прежней. Жаклин убедила его, с простодушной непосредственностью сказав: “Но вы же инженеры!” и одарила восхищённой улыбкой. Инженер понял, что просто так ему не отделаться, вздохнул и, сделав пару кругов по обоим этажам, сказал: “Ладно, что-нибудь придумаем».

В ту пору внутри Жаклин обитал комочек новой жизни, которому в скором будущем предстояло появиться на свет в виде юного землянина по имени Василий, и фигура её достаточно красноречиво говорила о предстоящем событии. Сочетание круглившегося под свободным платьем-робой животика и лучащихся счастьем глаз не могли оставить равнодушным сердце доброго семьянина. Потом, когда по экрану связи улыбочивая девушка из управления известила Жаклин об окончании работ и предложила осмотреть квартиру, она так и сказала, что это их подарок, иначе ни за что бы не согласились на переделку. Цветущая от радости Жаклин поднесла к передающей камере своё счастье и Василий, вызвав у девушки слёзы умиления, поблагодарил её жизнерадостным рёвом.

В былые времена, при возвращении Командира из поиска, они собирались всей семьёй. Если Жаклин общалась в это время с богами, она прилетала из Калькутты в Ленинград, забирала из детских и молодёжных городков детей, и неделю, другую они жили все вместе. По вечерам гостиную заполняли друзья Жаклин, и Командир погружался в мир искусства. Сам он обычно разыгрывал роль добродушного мужа, большей частью молчал и обносил гостей напитками. Ещё ему нравилось обыкновение Жаклин каждый вечер надевать новые туалеты и смотреть, как она танцует со своими друзьями. У него самого во время танцев появлялась совершенно неожиданная скованность, и поэтому он танцевал только с Жаклин, и только когда они оставались наедине. Устраивали они вечера и для двоих. Это бывало после особенно трудного и нервного поиска. Жаклин очень тонко чувствовала душевное состояние и не надоедала мужу друзьями, когда тому требовалось общение только с близким человеком. Может именно из-за способности тонко чувствовать друг друга, их ссоры бывали столь болезненны, что они не могли простить нанесённые обиды?

Иногда, сидя после ухода гостей перед зеркалом и расчёсывая волосы, Жаклин, с некоторой досадой, выговаривала ему:

– Джон, ну когда ты перестанешь придуриваться? Не такой уж ты серый технарь, как сам себя пытаешься выставить. Сколько ты сегодня произнёс слов?

Командир посмеивался и разводил руками.

– Ты зря меня ругаешь. Как раз сегодня я вёл очень оживлённую беседу. Только молча.

Текло время, дети выросли, у них появилась работа и собственные заботы, и общение всё чаще становилось экраным. Даже Марина, учившаяся в колледже на другом конце города в Кавголово, прилетала всего лишь на часок, другой, чтобы чмокнуть отца в щёку, пошутиться в уголке с матерью, произнести разочарованно: «А Ореста опять нет?» и умчаться назад в городок к друзьям. Жаклин грустила, а Командир шутил на тему, не приобрести ли им ещё одного маленького звездолётчика?

Жизнь шла, дети отдалялись, а у них оставалась их работа и они сами, и тем тоне, и нежней становились чувства, страстней встречи. И вдруг, как гром среди ясного неба, послед-

няя ссора с яростным сверканием глаз и обидными словами. Командир так до сих пор и не уразумел, кто же всё-таки в этот раз из них был прав, а кто не прав? Сколько бы он не размышлял над причинами ссоры, получалось – оба правы. Он так до сих пор и не решил, правильно ли он поступил, не было ли в его поступке, если считать по большому счёту, чего-то подленького по отношению к другим.

Ссора произошла из-за детей. Из-за старшего, двадцативосьмилетнего Василия.

3

Жаклин попросила рассказать о готовящейся экспедиции. Произошло это в ту пору, когда на Звёздном полигоне только-только собрали генератор поля, и первые попытки навести конус окончились неудачно. На Земле собралась конференция физиков, в которой участвовали все светила науки. Командир прилетел, чтобы присутствовать на ней, а заодно глянуть своими глазами как идёт сборка добавочных модулей с накопителями энергии. Перед возвращением на Луну, Командир надеялся заскочить домой, и провести с Жаклин хотя бы полсутки.

В дом на Большом проспекте Васильевского Острова Командир подоспел к позднему обеду. Жаклин ждала его. Пока он принимал ванну, удалял с лица успевшую вылезти за день жёсткую щетину, она накрыла в гостиной стол. Но, поглощённый заботами, Командир не смог в полной мере насладиться ни изысканными салатами, ни сочным мясом, ни густым терпким вином. Сборка модулей укладывалась в сроки. Конференция же физиков разочаровала Командира. Учёные мужи полезли в теоретические дебри, и на свой конкретный вопрос – когда можно начать монтаж генераторов на звездолёте, вразумительного ответа он так и не получил. Звездолет не открытая стройплощадка, на которой на ровном месте можно собирать, когда что вздумается. Задержка с генератором ломала весь рассчитанный едва не по часам генеральный график монтажа. И теперь за обедом, машинально поглощая блюда, приготовленные стараниями жены, он перебирал возможные варианты изменения очередности установки блоков и агрегатов.

Вопрос Жаклин застал врасплох и не сразу дошёл до него. А когда понял, то пожал неопределённо плечами, что тут, мол, рассказывать, экспедиция как экспедиция, но Жаклин настаивала.

– Вокруг все только и говорят о ней, а я, жена её начальника, ничего толком не знаю.

Командир нехотя повиновался и честно рассказал обо всех опасениях и принимаемых мерах по защите корабля.

– Скажи, Джон, – и Командир не уловил ни лёгкой дрожи в голосе жены, ни обозначившихся складок у уголков рта, – Василий, он... Он тоже полетит?

– Сейчас ещё трудно сказать что-либо определённое, но он подал заявление и имеет реальные шансы полететь пилотом звездолёта, – Командир допил остатки вина из тяжёлого тёмно-синего фужера, и поднялся из-за стола. – Если это произойдёт, я буду рад за него, – добавил удовлетворённо. – Участие в такой экспедиции откроет перед ним очень хорошие перспективы профессионального роста.

– Джон, я умоляю, – Жаклин вскочила из-за стола, как-то неловко зацепившись за кресло и, увлекая его за собой, так что оно едва не опрокинулось. Тут только до Командира дошло, что жена сама не своя, еда перед ней осталась чуть тронутой, вино едва пригубленным, и она едва владеет собой. Обескураженный, он торопливо сделал шаг навстречу и поднял руки, чтобы обнять её. Жаклин повторила зазвеневшим голосом: – Джон, я умоляю, сделай так, чтобы он не летел. Ты можешь это сделать, я знаю, ты там самый главный. – Командир открыл рот, собираясь возразить, но Жаклин коснулась его губ ладонью. – погоди, Джон, дай я скажу. Я не говорила тебе никогда. Когда-то, когда мы только поженились, я гордилась собой – как же, жена пилота звездолёта. У нас всё не так как у обычных людей. Прилёты, отлёты, космопорт, все

улыбаются, цветы, шампанское, всякие экзотические штучки... Ах, какой же я была молодой безмозглой душой! Когда ты ушёл в свой первый дальний полёт, я думала у меня душа разорвётся от горя. И это повторялось каждый раз. Каждый раз! Но я не могла ни требовать, ни просить, чтобы ты не улетаешь. Это твоя работа, твоя жизнь. Я не могла вынуждать тебя отказаться от неё из-за себя, – Жаклин всхлипнула и Командир, ошеломлённый чувствами жены, о которых он даже не подозревал, привлёк её к себе и успокаивающе погладил по голубоватым волосам, мягкой волной опускавшимся на обнажённые плечи и спину. Склонившись к ней, спросил негромко:

– Почему же ты раньше никогда мне не говорила об этом? – растроганный, он почувствовал, что у него у самого сейчас из глаз брызнут слёзы, и часто-часто заморгал, чтобы согнать их. Ах, если бы только он мог догадаться об этом раньше! Но как он мог догадаться, ведь женщины всегда плачут. Провожают – плачут, встречают – плачут. А она плакала только когда встречала, прощаясь, смотрела сухими злыми глазами и покусывала губы. Он думал, что в ней говорит обида на него. Он, видишь ли, уделяет ей мало внимания, да она просто не в состоянии понять и только и знает, что третирует его своими непомерными претензиями. Он тоже начинал злиться, и у них получалось не прощание, а чёрт-те что. Если бы он только знал...

– Я не могла, – ответила Жаклин, опять всхлипнув и прильнув к нему всем телом. – Понимаешь, Джон, то было раньше. А теперь, теперь, Джон, я не вынесу, если в этот полёт уйдёте вы оба. Я не знаю, что с собой сделаю. Я сойду с ума, войду в аннигилятор... О, Джон! Я умоляю, сделай так, чтобы хоть он остался дома. Джон, я умоляю, пожалей меня, – Жаклин не выдержала и, уткнувшись мужу в плечо, навзрыд расплакалась.

– Жако, Жако, – торопливо говорил Командир негромким голосом, продолжая поглаживать мягкие волосы жены, – успокойся, прошу тебя. Я сгустил краски, и всё представил в мрачном свете. Всё не так страшно. На самом деле полёт на этом звездолёте в десять раз безопасней, чем на других. Пойми, Жако, я не вправе сделать то, что ты просишь. Я понимаю тебя, но пойми и ты меня. И потом, он же не будет сидеть дома, у него свои полёты, так какая разница на каком звездолёте он будет летать, а на этом полёт будет в десять раз безопасней, чем на любом другом.

– Пусть он будет безопасней не в десять, а в миллион раз. Не бери Василия. Пойми меня, – Жаклин ещё тесней прижалась к мужу и говорила прерывающимся шёпотом.

– Жаклин, ты зря так разволновалась. Василий взрослый мужчина, и, в конце концов, полноправный гражданин. Я в этом случае выступаю не как отец, а как должностное лицо и не имею права в чём-то ущемлять его.

Тело Жаклин напряглось.

– Значит, нет? – спросила она.

– Нет, – как можно мягче ответил он.

Жаклин резко отстранилась, вытерла глаза быстрыми движениями костяшек пальцев, голос её звенел от негодования.

– Ты прав. Ты не отец, и не муж, – она откинула голову назад и смотрела на него злыми глазами, в которых не было ни слезинки. – Ты бессердечный и злой человек, Джон Иванов. Ты даже не человек. Ты, ты знаешь, кто? – губы её подёргивались от ядовитой иронии. – Ты придаток звездолёта. Вот ты кто. В тебе нет ничего человеческого. Я очень жалею, что вышла когда-то за тебя замуж. Я больше не хочу с тобой жить, – она отступила на два шага от мужа, руки её произвольно сжались в кулачки, голос возвысился до неприятных визгливых нот. – Ты мне про-ти-вен! Я больше не могу ложиться в одну постель с роботом. Я больше не хочу с тобой жить! Уходи на свой звездолёт, полигон, куда хочешь. С роботами тебе общаться приятней, чем с людьми. Уходи, Джон Иванов, я не хочу тебя больше видеть, – на последних словах голос Жаклин упал, она повернулась, и бросилась к лестнице.

Через минуту над головой Командира раздалось шуршание её платья, торопливые шаги, вжикнула дверь, и всё стихло. Он стоял один в гостиной рядом с пиршественным столом. От трогательных чувств к жене не осталось и следа. Ему хотелось разбежаться и удариться головой о стену.

Сжав зубы, он также торопливо выскочил из дома. «Сколько можно! С него хватит. Уходи, так уходи!»

Чем неудобна жизнь в этих старинных городах, в которых сохраняется первозданный облик, так это досадное промедление с транспортом. Вместо того чтобы войти в лифт, взлететь на крышу и там сесть на авиалетку, приходилось по полчаса добираться до их стоянок. Командир скорым шагом пересёк широкий пешеходный тротуар, аллею лип, в два прыжка перемахнул через пешеходные дорожки и, спружинив ногами, сохраняя равновесие, приземлился на скоростной. Не входя в кабину, опёрся об неё обеими руками и так простоял, пока гибкий металлопластик не донёс его до места.

На стоянке к нему направился дежурный механик-водитель, судя по возрасту, из отлетавшихся пилотов. Командир махнул ему рукой, мол, помощь не требуется. Механик узнал его и широко улыбнулся.

– Как дела, сэр? Скоро в полёт? Такие развалины вроде меня не пригодятся? Я бы ещё утёр нос кой-кому, – механик скучал и был не против поболтать со знаменитостью.

– Извини, дружище, тороплюсь, – Командир выдавил на лице улыбку и забрался в авиалетку. В раздражении, ослеплённый обидой – никто не мог довести его до такого состояния, кроме самого близкого человека – он потыкал пальцем в кнопки, набирая программу полёта до аэропорта, но авиалетка не сдвинулась с места, а в салоне раздался дружелюбный женский голос:

– Пожалуйста, нажмите большую зелёную кнопку номер один и прослушайте инструкцию по набору программы полёта или позовите дежурного механика-водителя, он с радостью доставит вас в нужное вам место.

Командир в ярости едва не хватил кулаком по панели. Чёрт, да разве можно доходить до такого. Видел бы его сейчас кто-нибудь. Он подозрительно выглянул в окошко на механика, с любопытством наблюдавшего за ним, и сделал неопределённо прощальный жест рукой. Старик, обрадованный вниманием, в ответ улыбнулся и тоже помахал. Он перевёл управление на ручное, дождался, когда сядут зашедшие на посадку две авиалетки и, получив сигнал, разрешающий взлёт, мягко оторвался от земли. Он долетел до Гавани, заложил крутой вираж и, накрываясь, посмотрел вниз. Заходящее солнце золотило воду залива, у причалов теснились фрегаты, каравеллы, кто-то, задрвав кверху голову, приветственно махал ему флагом с верхушки мачты. Вздывая буруны, к пирсу двигался какой-то тяжёлый корабль под надутыми разноцветными парусами. Он не мог определить какой именно, он разбирался только в космических кораблях. За всю жизнь его нога лишь дважды ступала на борт парусника, когда они с Жаклин как-то ясным летним днём совершали прогулку в Петергоф. Жаклин. Он полетел над Большим проспектом, решив в последний раз взглянуть на крышу своего дома. Больше он здесь не появится. На этот раз его решение твёрдо и бесповоротно. Внизу расстилался огромный город, а в голову лезли мысли, которые он никогда раньше не думал. Когда, интересно, у неё появится новый возлюбленный, он же для неё робот, а ей нужен живой человек. Мысли о том, что Жаклин во время разлуки может утешаться с кем-то другим, никогда не приходила ему в голову. Давным-давно, о, великие боги! как же давно это было, сжимая маленькой ладошкой его запястье, она шептала ему:

– Если у меня появится кто-то кроме тебя, я сразу же скажу тебе об этом, и ты сделай то же самое.

– У меня никого не появится, кроме тебя, – отвечал он также шёпотом.

– У меня тоже, но всё равно, Это наш уговор на всю жизнь.

Отсчёт своей супружеской жизни он вёл именно с тех умиротворённых ночных минут, а не от торжественного объявления об их решении стать женой и мужем. Верность Жаклин была для него так же бесспорна, как и то, что у него две ноги, а не три, лёгким нужен кислород, а не азот или угарный газ. Он ей верил, и этот вопрос был для него решён однажды и навсегда. Но теперь мысль о её новом возлюбленном, мешаясь с целой чередой нахлынувших обид, настырно лезла в голову. Свой дом он, конечно, пропустил. Впереди, вспыхивая золотом в последних солнечных лучах, в небо упёрся шпиль Петропавловского собора, по покрытому рябью широкому речному разливу к ночному пристанищу торопились парусные маломерки. Командир с всхлипом вздохнул и взял курс на аэропорт.

Ранним утром – Луна жила по земным суткам, а не своим – сняв в шлюзе скафандр и, приглаживая взъерошенные шлемом волосы, Командир входил в свою холостяцкую квартиру на Звёздном полигоне. В отличие от общего дома, его личное жилище было ультрасовременным и походило на кабину звездолёта. Никаких финтифлюшек и старинной мебели, только затрудняющей жизнь. Всё украшение квартиры составляло цветное металлизированное изображение семьи, сделанное в пору окончания Василием колледжа и занимавшее полстены в спальне. Под потолком в гостиной висел рельефный земной глобус, вокруг которого без устали летали искусно выполненные со всеми деталями первый искусственный спутник Земли и космический корабль Гагарина. Все остальные предметы в квартире предназначались для сугубо практических целей. Заботы о пище, одежде, наведению порядка были возложены на отслужившего свой срок в космосе и прошедшего восстановительный ремонт, звёздного робота Микки, одетого в старинный матросский наряд с тельняшкой, сияющей бляхой и клёшами.

«Казарма» – назвала его квартиру Жаклин, как-то соскучившись по нему и примчавшись неожиданно-негаданно на Луну. Сейчас её объёмное изображение встретило Командира в гостиной на экране связи.

Он на минуту остановился у двери и на цыпочках, словно боялся спугнуть её, подошёл к экрану. Не дыша, он смотрел на усталое лицо жены, виноватое и обиженное одновременно. На Жаклин всё ещё было надето длинное вечернее платье, больше всех нравящееся ему. Вчера, перед его приходом, она специально надела именно это платье. Она сидела в кресле, потупясь, и перебирая пальцы, как маленькая девочка. «Чёрт, да она, наверное, ещё не ложилась!» – с раскаяньем подумал Командир. Сам-то он, добираясь до Луны на обычном пассажирском транспорте, полюбезничав с хорошенькими как на подбор стюардессами, прилично вздремнул то в ракетоплане, а потом в планетолёте, и чувствовал теперь себя достаточно бодро. Какая-то мыслишка копошилась в голове и укоряла за вспыхнувшую злость на жену.

Командир поспешно включил двустороннюю связь и сел в высокое жёсткое кресло против экрана. Жаклин подняла на него глаза, и лицо её оживилось.

– Джон, – сказала она торопливо, – я вчера наговорила тебе. Всякого. Ты забудь. Ладно?

– Ладно. Всё хорошо, старушка, – Командир почувствовал, как с души свалилась гнетущая тяжесть. Ему сразу стало легко, и на лице сама собой появилась улыбка. Жаклин улыбнулась в ответ.

– Мы снова вместе?

– Мы всегда вместе.

– Ты сделаешь то, что я просила? В первый и последний раз, – взгляд её стал жалобным, в глазах появились слёзы и губы мелко и беззащитно задрожали.

– Я сделаю, Жако. Обещаю, – твёрдо произнёс Командир, и сам удивился своему ответу. По-бабьи, ладонями, Жаклин вытерла глаза и, встряхнув головой, распушила волосы.

– Мы же вместе, Джон? – полувопросительно сказала она, взглядом и виноватым голосом испрашивая у него прощения за вчерашнюю вспышку.

– Конечно, Жако, мы всегда вместе, – он весело подмигнул ей. – Кстати, как там наша Морская Дева? Что-то давненько она мне не являлась, а вчера я не успел спросить.

– О! У нашей Девы всё прекрасно. Сегодня среди ночи явилась и чтобы разбудить меня, начала петь свои идиотские песенки. Представляешь? У неё прекрасное настроение, у них сколотилась прекрасная группа, все её замыслы прекрасно складываются. Представляешь?

– Представляю, если среди ночи явилась. А почему она сама не прилетела?

– У них прощанье с колледжем, на носу экзамены. Последние деньки юности. Ничего такого больше не повторится, – Жаклин не выдержала и рассмеялась. – Начинается скучная взрослая жизнь.

Командир фыркнул, покачал головой.

– Ясно. Что-то слишком долго они наметили прощаться. Молодёжка и университет по её мнению уже скучная взрослая жизнь, – и Командир с добродушной улыбкой опять покачал головой.

– Но перед твоим отлётом она обязательно прилетит к тебе на денёк. Когда это лучше сделать? Я сообщу её, она просила.

Командир присвистнул.

– Даже не знаю. Через месяц мы собирались начать испытания, а теперь приходится перекраивать график, всё летит кувырком. Наверяд ли уложимся и в полтора месяца. Я, пожалуй, даже сюда не буду прилетать. На звездолёте уже есть оборудованные каюты. Во всяком случае, через месяц я сообщу.

Жаклин встала и потянулась всем телом, закинув руки за голову.

– Спать охота-а-а, – проговорила она.

Командир с удовольствием оглядел фигуру жены. Облегающее платье волнующе обрисовывало линию стройной ноги, из-под расклевённого подола выглядывал носок туфельки. Несмотря на прожитые с Жаклин без малого тридцать лет, это сочетание – обтянутых мягкой тканью бёдер и маленьких ступней, обутих в изящные лёгкие туфельки, по-прежнему будоражили кровь Командира.

– Но перед твоим отлётом мы побудем вместе? – она стояла, опираясь одной рукой о спинку кресла, и смотрела на него, наклонив голову и приоткрыв в скользкой улыбке губы.

Командир усмехнулся.

– А ты хочешь?

– А ты что, нет? – глаза её говорили о том, что она прекрасно поняла взгляд мужа, которым он только что смотрел на неё. – Или ты к себе в экипаж уже юную помощницу зачислил?

Командир рассмеялся весело.

– И даже не в единственном экземпляре. По одной на каждый день недели, все как одна собраны из одних выпуклостей, и у всех ноги прямо из плеч растут. Где ты будешь, дома?

– Нет, я возвращаюсь в Калькутту.

– Хорошо, я сообщу тебе, когда освобожусь, и мы устроим прощальный вечер, только ты и я.

– Ты привезёшь мне цветы, и мы будем танцевать при свечах, и на руке у меня будет букет роз.

– Договорились. Ты наденешь опять это же сиреневое платье, кулон из электроника с Шивой, а в волосы вплетёшь жемчуг. – Туалеты жены были слабостью Командира.

– Да, я надену это же самое платье, которое ты вчера даже не заметил.

– Как же не заметил. Ты им очень выразительно прошуршала мимо моей головы, – ответил Командир и рассмеялся.

Жаклин посмеялась над собой вместе с мужем и попросила:

– Только, ради всех богов, не надевай свою униформу, видеть её не могу.

Они помолчали, разговаривая взглядами, и Командир сказал со вздохом:

– Ну, пока?

– Пока, – Жаклин подняла руку и протянула её ладонью вперёд. Командир поднял свою и положил ладонь на экран, туда, где была рука Жаклин.

4

Получив отрицательный ответ на своё заявление, Василий не замедлил примчаться к отцу на полигон.

Набор добровольцев начался, когда он ещё сидел в рубке звездолёта. Вернувшись из полёта, пробыл сутки с матерью, как обычно встретившей сына в космопорту. Отца он видел мельком. О чём говорить? Вернулся, жив, здоров, как-нибудь выберут вечерок, поболтают о том, о сём, а сейчас отцу действительно было некогда. Мать другое дело. У неё опять рассыпался букет, в два ручья текли слезы, и она никак не могла оторваться от него. Ему еле удалось тайком послать из Космопорта заявление. Дома они сели за стол, уставленный разнообразными яствами, которыми можно было накормить половину экипажа звездолёта. Мать ерошила ему волосы, расспрашивала о здоровье и всё никак не могла наглядеться на своего первенца, вернувшегося из неведомой бездны. Про здоровье он отвечал, что хоть завтра в полёт, а если бы это было не так, он бы находился сейчас в госпитале, а не дома. Насчёт этого строго, разве она не знает. «Знаю, знаю», – отвечала мать и вздыхала. Они поговорили об успехах Ореста, похлопывая мать по руке, он пророчил брату славу на всю Ойкумену. Покачал головой, посмеиваясь над взбалмошностью Марины, опять сменившей жизненные планы. Дав матери полюбоваться на себя, на следующий день улетел на послеполётный отдых, на остров Крит. Дни проходили в ожидании ответа. Как положено, его во второй раз осмотрели врачи и, не найдя нарушений, посоветовали побольше бывать на солнце. Собственно, для этого он сюда и прилетел. Днём он загорал, занимался подводной охотой на больших серебристых рыб. Вечером с друзьями устраивали пирушки, на которых было вдоволь всего: музыки, вкусной еды, настоящей, а не закамуфлированной калорийной биомассы, тонких вин, жизнерадостных, изящных девушек. В его возрасте отец уже имел двух сыновей, а он всё ещё не насмеливался жениться. Отец пару раз уже выговаривал ему насчёт непутёвой жизни на Земле, но он отмахивался: «Я ещё не нашёл свою Недотрогу». Ответ всё не приходил.

А данные о нём уже собрал компьютер, просеял через отборочное сито и принтер выдал распечатку, которая, дожидаясь своей очереди, лежала среди сотни других. Всё-таки он опоздал, добровольцев уже набрали в достаточном количестве, думал он, получив отказ, и решил попытаться с помощью отца добиться пересмотра своего заявления.

В диспетчерской полигона он схитрил, сказав, что прилетел попрощаться с отцом перед отлётом. Дежурная связистка, окинув рослую фигуру молодого человека оценивающим взглядом, попыталась завести разговор, но сейчас ему было не до девушек. Дождавшись утвердительного ответа, что ему откроют дверь, он поспешил на транспортную площадку и, оседлав скутер, добрался до залитой ярким светом серебристой махины звездолёта.

Отца он нашёл на инженерном этаже. Командир находился в самом эпицентре монтажных работ, и обстановка не позволяла вести серьёзную беседу. Он велел сыну ждать его с ужином, а пока предоставил возможность самостоятельно удовлетворять собственную любознательность.

По случаю встречи с сыном, Командир позволил себе расслабиться и достал из стенного шкафчика бутылку коньяка. Он не стал ходить вокруг да около и, раскупоривая бутылку, объяснил сыну, что отрицательную резолюцию наложил он сам, и почему он это сделал. Василий оттолкнул тарелку с бифштексом и рубанул кулаком воздух.

– Эх, вечно она со своими комплексами!

Командир перегнулся через стол и похлопал сына по плечу.

– Не держи на мать зла, Василий. Её тоже надо понять. Это не последний полёт, ещё налетаешься.

– Да я не держу. Обидно просто, – сын помолчал, насупясь. – Ты и вправду считаешь меня малоопытным?

Командир вздохнул и, скрестив на груди руки, посмотрел в глаза Василию. Он мог бы поводить сына за нос, предоставив тому, возможность проходить отбор – авось не пройдёт! – а если бы он его успешно проходил, найти причину по ходу дела. Но он решил по-другому и рубанул сразу, с плеча, чтобы сын не питал пустых надежд.

– Открою тебе секрет. Я просматривал все послеполётные отчёты твоих командиров и считаю тебя достаточно опытным и профессионально подготовленным. Первым бы ты ещё не потянул, но с обязанностями рядового справился бы.

– Спасибо за откровенность, – Василий криво усмехнулся, зная хорошо своего отца, он не пытался вести бесполезные уговоры. Командир видел, что сын хочет о чём-то попросить, но не решается, боясь получить отказ, и подбодрил его взглядом. Побарабанив пальцами по столу, Василий спросил с надеждой: – Ну, а в пробный полёт возьмёшь?

Командир развёл руками.

– Почему и нет. Но как твоё начальство? Это же не день, не два.

– О, этот вопрос я решу. Ближайшие полгода у меня нет полётов. Ты только дай знать. Было искренне жаль сына, но и чувства Жаклин заслуживали снисхождения.

Почувствовав сытость, Командир откинулся на спинку кресла и спросил, прищурившись:

– Всё также шалопайничаешь?

– Угу, – ответил сын с набитым ртом. – Всё никак не Тяжёлый разговор закончился, и Командир плеснул в широкие золотистые, под цвет напитка, рюмки. Ему найду.

– Может, не там ищешь? Между прочим, ждёт одна, а не двадцать одна. А при нашей с тобой профессии это немаловажно, – Командир в очередной раз наполнил рюмки, отсалютовал своей и сделал из неё маленький глоток. – Дело, конечно, твоё, просто говорю тебе, как мужчина мужчине. А дальний полёт легче переносят те, которых ждут, это я уже говорю по опыту. Меня волнует только это, твоё самочувствие в Космосе.

Отец, в отличие от матери, разносолов и деликатесов не держал, пища была простой, но сытной. Василий вытер рот салфеткой и взял свою рюмку.

– Давай не будем. Ты созрел для семейной жизни в двадцать два, а мой срок подойдёт, наверное, в тридцать два. На здоровье и работу мой образ жизни не влияет. И вообще, можно подумать, что на Земле я пускаюсь в беспросветный загул, – он отпил из рюмки, и пригладил длинные волосы. – Расскажи лучше про генераторы.

Они проговорили ещё часа два. Утром Командир вернулся на строящийся звездолёт, а сын продолжил отдых.

Глава 7

1

Старший сын Командира, Василий, бороздил окраины Ойкумены пилотом на патруле Спасательной службы. Средний, Орест, второй год обретался научным сотрудником в Юго-Восточном заповеднике и со временем обещал стать светилом в геномном программировании или ещё бог весть в какой науке, занимающейся возвращением к жизни саблезубых кошек.

Кому они нужны, эти саблезубые? Однажды, еще, будучи студентом, Орест привёз с собой домой эдакую полосатую страхолюдину, доходившую ему до пояса, это при его росте сто восемьдесят девять сантиметров. Застенчиво улыбаясь, он объяснил отцу, вернувшемуся из поиска, что это не взрослый тигр, а всего лишь детёныш. Затылком ощущая на себе ехидненькие взгляды дочери, глава семьи непроизвольно старался держаться в сторонке от игривого тигрёнка. Улучив минуту, этот детёныш неожиданно спрыгнул с балюстрады и, встав на задние лапы, передние положил Командиру на плечи и, раскрыв клыкастую пасть, выразил готовность вылизать лицо. Командир, с опаской отворачиваясь в сторону, посоветовал сыну посадить своего котёночка на цепь. Домочадцы словно сговорились целый день ждать этого момента, дружно расхохотались. Марина от смеха упала в кресло, дрыгала ногами и хлопала в ладоши, Жаклин отворачивалась, а сам укротитель диких зверей уговаривал тигра не обижать дядю. Василий в тот день приехать не смог и не видел позор своего кумира. Оказывается, это был всего-навсего синтез-кибер, запрограммированный на одно мурлыканье. Даже зубы у него на самый-самый всякий случай, сделаны из мягкого материала.

– Всяких железных роботов и в мыслях ни у кого нет бояться, – возмутился Орест, – кто знает, что в их железную башку может придти? А от этого люди в саблезубых. Саблезубые моя прихоть. Мы хотим воссоздать на Земле уголки с природой, существовавшей, когда человек ещё не совсем превратился в хомо сапиенса, а был человеком прямоходящим и вёл себя прилежно.

Командир удивлённо вскинул брови, оказывается, он совершенно не знал стремлений своего среднего сына. Для него тот всё ещё занимался детскими играми со зверушками, а на самом деле полон серьёзных идей.

– Как же вы собираетесь это сделать? – спросил недоверчиво.

Орест прищурил левый глаз, лицо его тут же сделалось плутовским и лукавым.

– А тут ничего хитрого нет. Берёшь ген, удаляешь из него то, что не нужно и наоборот, добавляешь то, что нужно.

– С тем, что не нужно понятно. Хотя я не очень себе представляю, как это можно сделать. А где вы берёте то, что нужно?

– Хороший вопрос. Ты попал прямо в суть. Тут тоже ничего сложного нет. Моделируем ген, и для его получения программируем и выращиваем целую цепочку мутантов. Постепенно надеемся получить искомое. Но, – Орест на минуту оставил в покое своего четвероного друга, с сожалением развёл руками, – даже если я проживу раза в полтора больше отведённого мне природой ста пятидесятилетнего срока, всё равно я навряд ли увижу настоящую кошечку, – и он потрепал робота по пушистому загривку.

Командир прошёлся по гостиной и остановился у полочек, рассматривая новые миниатюры, появившиеся в его отсутствие, на слова сына он ответил неопределённым хмыканьем.

– Н-да, нескончаемое занятие. Так вы, таким образом, можете спрограммировать и какого-нибудь сверхчеловека? С двумя головами, например, чтобы мозгов было побольше.

Орест, продолжая теревить загривок искусственного тигра, покачал головой:

– Не-ет. Людей мы не программируем. Идеи на этот счёт существуют, и кое-кто занимается теоретизированием, и даже время от времени об этом возникают споры, но общее мнение против. Программирование человека чревато. Человек – творение природы. Если мы начнём сами себя программировать, может начаться цепная реакция, каждый раз впереди будут возникать новые всё более заманчивые цели, и в один прекрасный момент мы можем потерять контроль над процессом, и сами не разные стороны на улице шарахаются. Атавизм! На дворе двадцать девятый век, а они ведут себя, как питекантропы.

– Зачем они вообще нужны, эти саблезубые? – спросил Командир у сына, посмеявшись вместе со всеми над своим испугом.

– А зачем ты в Космос летаешь? – ответил вопросом на вопрос сын. – Места землянам на сотни тысяч лет хватит. – Командир поглядел на прищурившегося сына и кивнул – «я тебя понял». Орест бросил на него настороженный взгляд, опасаясь насмешки, но отец смотрел серьёзно и он продолжал: – Дело не в заметим, как превратимся в каких-нибудь выродков. – Орест начал горячиться, Марина воспользовалась этим и увела за собой тигра. – Воздействию подвергнется подкорка, в некоторой степени верхнее подсознание, но нижнее остаётся в первоизданном виде. А как раз в нём и заключается человеческая сущность, или попросту говоря – душа. Произойдёт разрыв между сознанием и подсознанием, человек лишится души и превратится в кибера. Вот это-то и чревато, люди уже совершали ошибки, когда не пытались прогнозировать последствия использования всех без исключения научных открытий. Некоторые считают наоборот, программирование и есть естественный ход событий. Природа исчерпала себя и передаёт в руки человека эволюцию его собственного вида, а те, кто препятствуют этому, нарушают законы природы.

Командир перестал разглядывать миниатюры, а только вертел их в руках.

– Интересно вы живёте. Ты-то сам что думаешь?

– Да я бы не сказал, что мы скучаем, – усмехнулся Орест. – О-о! У нас такие головы есть, всё вверх тормашками поставить могут. Что я считаю? Я считаю, что тезис о запрограммированной эволюции как о естественном процессе, это чистейшей воды схоластика. Тут в ход идут слова, термины и всё такое прочее, а не смысл, который эти слова и термины обозначают.

Сын оканчивал университет, ему оставалось учиться всего год, а он уже не помнил, когда беседовал с ним по душам в последний раз. Ему хотелось побольше поговорить с Орестом, понять его душу, стремления, которых он оказывается, совсем не знал. Средний сын для него всё ещё оставался восторженным мальчуганом, исцарапанным собственными питомцами. Орест откликнулся на призыв отца и Жаклин, уловив их душевное расположение, друг к другу, достала оплетённую цветной соломкой бутылку вина из кавказских виноградников. Налив вино в высокие хрустальные бокалы, подала им. С фужерами в руках, они сели в «уголке для бесед» перед камином под лестницей. Мужчины расположились в креслах наискосок к столику, а Жаклин тихо стояла поодаль у витражно-цветочной стенки-экрана, отгораживающей «уголок» от всей гостиной, и ревниво наблюдала за ними. Марина, ещё не избавившаяся от детских шалостей, уселась верхом на страхолюдину, проехала по освободившемуся залу, наклонившись вперёд, что-то пошептала на ухо, и они, горделиво поглядывая по сторонам, взобрались по лестнице на галерею. Полюбовавшись на витражи и удостоверившись, что за ними никто не наблюдает, вспрыгнув на широкие перила, они сиганули вниз. У Командира чуть не вывалился из рук фужер, когда с пронзительным криком древних охотников или просто радостным визгом хулиганки, дочь верхом на тигре на его глазах прыгнула с балюстрады. Что-то в детских мозгах кибера не сработало, всеми четырьмя лапами он, издавая шипение, приземлился на стол, стол накренился, свалился набок, с него со звоном посыпался хрусталь, наездница катапультировалась со своего иноходца и врезалась головой в стену, добавив свою лепту в разгром. С настенных полочек посыпались божки, эмалевые миниатюры, украшавшие гостиную, а она сама уселась на пол, потирая на лбу шишку и раскинув ноги в коротких бар-

хатных штанах до колен. В уголке за камином произошёл лёгкий переполох. Жаклин, в первый момент, вскрикнув от испуга, выразительно смотрела на мужа, Орест, согнувшись пополам в кресле, дико хохотал, Командир не мог найти слов.

– Он не нарочно, – пролепетала Марина, сидя на полу подъехав к продолжавшему лежать тигру, и как ни в чём не бывало колотившему хвостом по посуде, доканчивая учинённый разор.

– Великие боги! Что за девчонка! Ты не ушиблась? – спросила Жаклин, подходя к дочери.

– Были бы мозги, было б сотрясение! – продолжал хохотать Орест.

– У кого ума меньше, у него или у тебя? – недовольно проворчал Командир и отставил фужер на столик. С Мариной, по всей видимости, ничего страшного не случилось, и шутиливо-сердитым тоном он сказал сыну: – Робот не доработан. Он не должен подчиняться командам несовершеннолетних амазонок.

– Несовершеннолетние амазонки могут свернуть себе шею и без его участия! – парировал Орест, – Но я передам твои слова синтез-кибернетикам, это их изделие, наш только заказ. Но ведь никто не предполагал, что он попадёт в руки моей сестры.

– Ты хочешь сказать, что этого тигрёнка студенты сделали? – недоверчиво спросил Командир.

– Конечно, – ответил Орест, он уже поочерёдно поднял с пола сестру, стол и, отстранив мать, вместе с хозяйкой собирал с пола осколки.

– Идём, – Жаклин взяла дочь за руку, – раны обрабатываем. Ты всё-таки думай, когда что-то делаешь.

Через несколько минут Марина спускалась вниз, её лоб украшал оранжевый пластырь, вырезанный в виде снежинки, а глаза плутовски посматривали по сторонам. Отец погрозил пальцем.

– Ну-у, я только внизу кататься буду, – капризно надув губки, сказала она и посмотрела на отца исподлобья, заранее зная, что ей простятся любые проказы.

– Ты в следующий раз предупреждай, такие кадры надо увековечивать! – У Ореста, приводившего в порядок стену, разорённую сестрой, продолжали поддрагивать плечи. – Может, повторим? Я камеру приготовлю, – он не выдержал и опять рассмеялся. – Головёнка-то как?

– Я вам повторю! – раздался грозный голос отца и Марина, запрокинув голову, захохотала вслед за братом.

Она подошла к лежавшему в углу тигру и принялась его гладить, приговаривая:

– Ах, ты, моя кисонька, тебя тут совсем заругали. Я тебя пожалею.

Орест вернулся к прерванному разговору, а Марина уже сидела на своём любимце. Сделав два чинных круга по гостиной, пригарцевала к Оресту, тигр устроился у ног повелителя, а сама Марина, примостившись на подлокотнике рядом с братом, принялась взбивать вверх его волосы, мощной гривой спадавшей тому на плечи. Орест только морщился и терпеливо сносил проказы сестры. Командир, продолжая разговаривать, отметил про себя, что Василий такого издевательства ни за что бы не стерпел. Смакуя, он сделал несколько глотков чуть кисловатого вина и, повертев фужер на столе, спросил:

– А не получится так, что возрождённые вами дикие жители Земли, расплодятся и вытеснят с неё человека? И вообще, как они будут уживаться? Не кончится ли эта затея тем, что все эти кошечки, как ты их называешь, начнут вас самих кушать?

Орест засмеялся.

– На Земле хватит места всем. А для того чтобы они нас не кушали, у нас есть ультразвуковые отпугиватели. Если он у человека, ни один зверь ближе десяти метров к нему не подойдёт. Уже испытанное и надёжное средство.

– Вот тебе идея, – Командир осушил фужер и помассировал правой рукой подбородок. – Хоть ты и уверяешь, что на Земле хватит места всем, это далеко не так. Своих питомцев вы ведь не в клетках намереваетесь держать?

– Нет, конечно. Иначе бы не стоило и огород городить.

– Пройдёт время и окажется, что вы мешаєте населению Земли. – Орест хотел возразить, но Командир поднял руку, останавливая его. – Уж поверь мне. Обязательно найдутся люди, которые заявят об этом. Не лучше ли заранее вам предусмотреть такой ход событий и подобрать себе какую-нибудь новую планету с климатом достаточно близким земному и там устраивать себе заповедники? Разобьёте планету на зоны в зависимости от климата, рельефа и так далее, это уже ваши проблемы. Люди будут прилетать на эту планету на экскурсии, и никто никому не будет мешать. Организуете центр обслуживания, который займётся экскурсантами, ну и так далее, – он откинулся на спинку кресла и, прищурясь, посмотрел на сына. – Как тебе моя идея?

– А что, резон в этом есть, – Орест неожиданно встал с кресла, Марина, изогнувшись, успела подхватить едва не опрокинутый им бокал и, взяв его в обе руки, поднесла к губам. Орест почесал всей пятернёй затылок, потоптался на пятачке, посмотрел на отца и снова плюхнулся в кресло, едва не повалив на этот раз Марину. – Но это же колоссальный труд, – он развёл руками, – по организации всего этого.

– Я и не говорю, что всё это просто. Для начала обмозгуйте, хотя бы в первом приближении и направьте проект в правительство. Они уже разберутся, что к чему. Ты всё толкуешь: мы, мы, мы. А кто мы?

– Ну-у, – протянул Орест неопределённо, – группа энтузиастов, в общем.

– Ясно! – засмеялся Командир.

– Нет, ты не думай, – загорячился Орест, – что всё это пустая болтовня студентов-фантазёров. В нашем, ну как тебе сказать, – он опять подумал, что его недостижимый отец начнёт вышучивать заветные мысли, которые он ему только что выложил, и заговорил торопливо и сбивчиво. – Мы ещё не определились. Но у нас есть единомышленники во многих университетах, исследовательских центрах, заповедниках. Только вот плохо, все действуют по своим программам. В Академии эту идею пока ещё всерьёз не воспринимают, – закончил он со вздохом. Он отобрал у сестры почти пустой бокал и, наполнив его доверху, залпом выпил половину.

– Академики, значит, против ваших идей?

– Да. Ребята с Юго-Восточного заповедника уже предлагали им организовать специальный центр на их базе, но получили отказ – генная инженерия уже исчерпала себя. Человек получил от неё всё что хотел. То что мы предлагаем не имеет практического значения, но потребует целую армию научных сил, материальных затрат и вообще, всё это вилами на воде писано, исходного материала недостаточно для начала работ. Но генная инженерия это совсем другое, когда-то людям требовалось выращивать высокопродуктивный скот: коров, свиней и прочих, но мы-то хотим не улучшать породы тигров или крокодилов. Мы хотим восстановить виды, которые не просто вымерли, а которые погубил человек. Конечно, практического значения они не имеют и если так рассуждать, все затраты будут выброшены на ветер. Но сейчас человек может всё, в том числе позволить себе подобные траты. Восстановление видов это движение вперёд в геномном программировании и моделировании. Но сейчас этим занимаются студенческие научные секции, а в исследовательских центрах они держатся на уровне побочных работ, – Орест горестно вздохнул.

Командир и не думал высмеивать его. Некоторые слова сына звучали наивно, но это был поиск знания, а такие вещи никогда не оставляли Командира равнодушным. Он воодушевился сам и принялся растолковывать сыну, как лучше запустить в ход его замысел.

– Заинтересуйте кого-нибудь из депутатов Федерации. Для освоения планеты потребуется организация целой службы, а я как понимаю, вы в этом не сильны. Ты прав, на это понадобятся колоссальные затраты энергии, материальных ресурсов и правительство может попытаться от вас отмахнуться, если академики вас не поддерживают, но если этим займётся Верховный Совет, дело примет совершенно иной оборот. Главное не робейте и добивайтесь

своего, если вы уверены в себе. На это уйдёт десяток лет, но и у вас пока что только синтез-кибернетические модели, – он кивнул на не спускавшего с него жёлтых глаз тигра, – если академики вас игнорируют, оставьте их в стороне. Обратитесь в Комитет Совета по науке. Только идите туда подготовленными, обрисуйте картину утраченного, покажите свои разработки, – он улыбнулся. – Приведите с собой это страшилище, только без Марины, конечно, а то она устроит вам встречу за круглым столом. Там есть ребята, которые вас поддержат. Я встречался с ними, знаю. Правительство выделит средства на ваш исследовательский центр и дело сдвинется. Вам в ближайшее время нужно только это. – Командир уже решил, ничего не говоря сыну, переговорить кое с кем из старых знакомых, чтобы молодёжь встретил, по крайней мере, дружественный приём.

Бутыль постепенно пустела и Жаклин поворчала, но отец с сыном в один голос убедили её в том, что пили из уже начатой. Она достала из охладителя новую и подала Оресту. Научно-техническая революция, давая периодические вспышки, переворачивала целые пласты человеческой жизни, установившихся понятий и традиций, но виноделие оставалось самым консервативным ремеслом-искусством. Бутылки закупоривали таким же способом, что и тысячу лет назад, иначе, как утверждали специалисты, люди будут пить не вино, а потреблять заурядный алкогольный напиток. Жаклин, натянув домашнюю блузу сунутыми в её карманы руками, посмотрела, как Орест возится с бутылкой и, позвав с собой хозяйку, чем-то опечаленная ушла на кухню готовить ужин. Командир проводил её недоумённым взглядом. В кои-то веки они разговорились с Орестом, а она недовольна.

Грусть Жаклин объяснялась просто. Её первенец, Василий, уже ушёл вслед за отцом в Космос. Ореста она считала своим, домашним. Сколько раз её душа наполнялась тихим счастьем, когда вот здесь же, в уголке у камина, он, фантазируя, вскакивал с кресла, размахивал руками, и рассказывал ей какой, рай он устроит в будущем для зверей. Стоило отцу уделить ему капельку внимания и поманить за собой, и он уже рвётся туда, в эту холодную чёрную бездну, крадущую у женщин их мужей и сыновей.

В том, что со средним сыном у него не было таких же откровенных отношений, как со старшим, Командир винил только себя. Орест больше тянулся к матери. С ней он заклеивал раны увечным воробышкам и пестовал облезлых котят, которые, вырастая, норовили переловить выздоровевших воробьёв. Командиру хотелось взять за шкуру весь этот неугомонный зверинец и сунуть в аннигилятор, но он терпел его из уважения к чужим желаниям. Жаклин же вместе с сыном нянчилась со всей наводнявшей квартиру живностью. Когда тот подросток учился в колледже, а потом в университете и перестал таскать в дом пернатых и четвероногих инвалидов во время своих приездов, по-прежнему интересовалась жизнью бессловесных воспитанников. Сообразно отношению родителей к его увлечениям, у Ореста вышло делиться мыслями с матерью, а не отцом. Зверушек он не привозил, но подолгу, со сверканием глаз и размахиванием рук, рассказывал о них матери. Жаклин делала круглые глаза, всплёскивала руками и говорила с неподдельным изумлением на лице: «О-о!» Командир посмеивался над ними, а когда хватился, было уже поздно. Общение с сыном поддерживалось на уровне шуточек и взаимного подтрунивания. Он даже ревновал его к Жаклин, когда после долгого отсутствия возвращался домой, а Орест уединялся с ней в уголке у камина. Но потом он как-то подумал, что Жаклин, наверное, также мучается из-за Василия и тут они с ней квиты.

2

С Василием у него всё складывалось по другому. В детстве Василия, шутя, даже называли папиным хвостиком. Его самозабвенная любовь и обожание отца начались ещё в раннем детстве, когда ему едва исполнилось годика полтора. Жаклин рассказывала, как, вернувшись

из Калькутты, забрала сына домой из детского городка, наигравшись с ним, ушла к себе, а он остался на нижнем этаже возиться с игрушками в гостиной.

Устроившись поудобней в кресле, с чашкой кофе в руке, она просматривала по программнику любимые пушкинские рукописи.

– Вдруг слышу – рассказывала она, счастливо и нежно улыбаясь мужу, – по лестнице: топ, топ, потом шлёп и опять топ-топ-топ. Ко мне вбегает, глазёнки светятся, за руку схватил, я даже кофе пролила, за собой тащит и кричит: «Там папа! Там папа!» Думаю всё, с тобой невеста что случилось, и по связи вызывают. Оказывается ты, – Жаклин, смеясь, прикрыла рот рукой, – с грацией тюленя красуешься на экране, смотришь куда-то вбок, зачем-то прячешь руки за спину, и над тобой подшучивает ведущий.

Это происходило вскоре после первого его полёта за пределы Ойкумены. Он всю жизнь привязывал по времени не полёты к событиям, а события к полётам. В тот день в рубрике «Молодые дарования» показывали Звёздный космодром. Командир, тогда ещё вовсе не командир, а начинающий пилот, смущённый от такого вселенского внимания, через слово, запинаясь от того что, пытался на ходу перевести профессионализмы на доступный широкой публике язык, объяснял устройство рубки звездолёта последней марки и работу пилота во время полёта. Ведущий, вплетая в его косноязычную речь свои комментарии, суть которых сводилась к тому – какой прекрасный и знающий пилот этот Джон Иванов, с улыбкой пояснил, что во время полёта он выглядит вовсе не таким недотёпой, каким кажется сейчас на экране.

Малолетний Иванов из всей передачи понял только, что его папу сильно хвалят за то, что он очень умный и сильный. Блестя вытаращенными от восторженного изумления глазёнками, он беспрестанно дёргал Жаклин за рукав блузы, и показывал пальчиком на экран: «Там папа, папа!» Потом он настолько заинтриговал детский городок рассказами о своём выдающемся папе, что Командиру под натиском настойчивых воспитательниц пришлось, почесав в затылке, вооружиться видеозаписями, и пару раз пообщаться с очень любознательным народцем, доходящим ему до колена.

Потом был необъятный – в нём могли запросто прилуниться одновременно пару планетолётов – Зал Встреч в Звёздном космопорту, наполненной то щемящими звуками Марша звездолётчиков, то Звёздной рапсодии Андреева, охапка красных пионов, пятнами крови рассыпанная по мозаичному полу плачущей от радости Жаклин, и сам Василий. Гордый от свершившегося события и одновременно смущённый иступлёнными поцелуями матери. Командир стоял рядом, и не мешал Жаклин. Когда первый взрыв радости прошёл, Василий подошёл к нему и они, не скрывая улыбок, потрясли друг друга за плечи.

– Ну, как? – спросил Командир, отпуская сына. От прищура у него собирались лучики морщин у глаз, и взгляд от этого становился много добрее.

Поцелуи матери сделали своё дело и растопили напускную сдержанность сына.

– Я видел Космос, – ответил тот кратко и взгляд его растворился во взгляде отца.

Они оба привыкли владеть собой и не позволяли эмоциям выплёскиваться наружу. Примерно такого ответа и ждал Командир от сына. Он кивнул и также кратко сказал:

– Поздравляю!

Всё же эмоции взяли верх и Василий уже не сдержанно, а безудержно и счастливо улыбнулся отцу. Он понял, с чем его поздравил отец. Это было не просто поздравление с возвращением, а поздравление с тем видением, которое открылось ему там, среди немеркнущих звёзд и теперь навсегда поселившееся в душе. При этой встрече сына после первого полёта, Командир пережил одну из самых счастливых минут своей жизни, поняв, что в сыне не только течёт его кровь, но и живёт кусочек души.

Сам Командир чувствовал Космос, как другие чувствуют музыку, природу, поэзию. Он любил долгие часы ночных вахт во время дрейфа, они не казались ему скучными. Оставаясь один в рубке, он включал все экраны, и мог часами сидеть в пилотском кресле, созерцая

открывающиеся перед ним картины. Это была не холодная чёрная бездна, коварно расставляющая человеку всевозможные ловушки, вокруг него расстилался радостный сияющий мир, предлагавший открыть свои тайны. В эти минуты душа Командира наполнялась восторгом и устремлялась туда, в горние выси, в которых свободно парил вырвавшийся из паутины монстр Человеческий дух, дух вечного познания и бесконечной любви ко всему существу.

Из всех детей наибольшее беспокойство Командиру внушала дочь. Два года назад он перевалил полувековой рубеж, но так и не мог разобраться в самом себе. Любит он её больше сыновей, или это так природой заложено, чтобы отцы больше беспокоились о дочерях, чем о сыновьях. Спрашивается, что может случиться в двадцать девятом столетии с человеческим детённышем, ежесекундно находящимся под неусыпным контролем воспитателей и специальных, сверхчутких детских роботов? Ведь даже Молодёжная армия это всего лишь игра в трудности. Они могут навкальваться до седьмого пота, проголодаться до того, что желудки слипнутся, нажарившись на солнце, высунуть языки до плеч, или, наоборот, наморозить носы, но от всяких случайностей, они застрахованы. Когда он долго не видел Марину, у Командира всегда щемило сердце. О сыновьях он тоже беспокоился, но подспудно думал, что мальчишки есть мальчишки. Ничего страшного, если лишний раз нос расшибут. О дочери он так не думал. Сейчас он ушёл в полёт, который неизвестно, сколько продлится, а Марина отправилась в Молодёжную армию, и у Командира в глубине души шевелился червячок – ни с кем никогда ничего не случается, а с твоей дочерью случится.

Последние полгода перед Молодёжкой она вдруг воспылала неугасимой любовью к диким животным. До сих пор все были уверены в её великом медицинском будущем. Она даже не заведёт собственную семью, чтобы ничто не мешало её службе страждущему человечеству. Но подошло время выбирать место молодёжных испытаний и оказалось, что дикий животный мир Земли без неё никак не обойдётся и ей прямо-таки необходимо испытать себя в общении с ним.

Она выбрала заповедник, где работал Орест, и приложила все силы, чтобы её направили именно туда. И как не без оснований предполагал Командир, вовсе не для того чтобы отсидеться под боком у старшего брата, а творить всякие безрассудства, потому, что этот балбес с самого раннего детства потакает всем её капризам. И чёрт его знает, что у них в этом заповеднике творится. Может, медведи гризли по всей территории верхом на саблезубых тиграх разъезжают, а эта бестолковая девчонка обязательно забудет где-нибудь свой отпугиватель. Уж лучше бы разводила сады на Венеры.

Глава 8

1

Командир подошёл к стоявшему навтыжку у двери Микки и, ткнув пальцем в медную бляху, строго сказал:

– Почему не чищена? Упущение по службе.

Робот заторопился выполнить команду, но он остановил его:

– Потом почистишь. Сходи-ка ты, дружок, в кают-компанию, принеси мне чашку кофе и какой-нибудь бутерброд, что-то от этих мыслей у меня аппетит разыгрался.

Отправив робота, он подошёл к столу. Всё, вечер воспоминаний закончен. Времени второй час, а он ещё ничего не решил. Старшим группы пойдёт либо Леклерк, либо, либо, а что если послать Коростылёва? Космогеолог, ему, конечно, мало спектрограмм и захочется потрогать Спутник на зуб, понюхать (в скафандре), чем пахнет пыль на нём.

Командир набрал на мониторе свой код и вызвал из памяти главного компьютера характеристики на всех членов экспедиции. Помнить-то он помнил всех, но не мешало глянуть ещё разок, за какие потрясающие способности каждого взяли в этот полёт. У них тут не команда подобралась, а компания одних феноменов, начиная с него самого.

На экране появилось худощавое лицо Олега Коростылёва с волевым очертанием твёрдого рта и подбородка. Рядом побежали строчки характеристики. Чем-то он напоминал Командиру сына Василия. Повадкой, голосом, лицом они не были схожи и Василий на пять лет моложе, а между тем что-то общее в них присутствовало, и Командир невольно внутренне симпатизировал Коростылёву, правда, тот об этом даже не догадывался.

Странно, ничего выдающегося, из-за чего же его зачислили в экспедицию? Хотя всё правильно. Умеет управлять планетолётом в нормальном режиме. Ну, если припечёт, сумеет и в ненормальном. А-а, диплом пилота любительский. Тогда с нормальным режимом всё ясно. Не захотел связываться с экзаменом по высшей категории, лишь бы к управлению допускали. Космос есть космос, такое завернёт, про дипломы и вспоминать некогда. Свободно управляет малой космической техникой, владеет всевозможными видами оружия. В этих его способностях они уже удостоверились, но это не диво. Те, кто летал в поисковые экспедиции, обучены этому так же, как любой землянин управлять авиалетками. Так, а вот этого он не знал. Интересно. По собственному желанию ему продлили срок пребывания в Молодёжной армии для прохождения специальных тренировок по выживаемости в космосе и на неосвоенных планетах в экстремальных условиях. Любого любознательного парня, если он сошёлся с экипажем, ребята от нечего делать, во время дрейфа не то, что управлять кораблём научат, фигуры высшего пилотажа, как на самолёте закладывать будет. А вот сам себе продлил срок в Молодёжке, это уже характер. Чёрт её эту молодёжь знает. Не успеют получить основное образование, в Молодёжку рвутся, в Молодёжке срок не закончился, считают дни до университета. Словно в жизни что-то изменится, если на год раньше или позже обучение закончат. А этот сам себе срок продлил, ещё неизвестно было – попадёт ли он вообще в космос. Значит, уверен был. Серьёзный парень. А тренировочки эти не мё-ёд! Ой, не мёд. Там такое закручивают, во всю жизнь потом не встретишь. Василий рассказывал, спасатели их в обязательном порядке проходят. Ну что ж, умеет выживать сам, позаботится и о других. Легко сказать, устроить засаду, парализовать пару инопланетян, взять их под белы ручки, или что там у них за конечности, и доставить на звездолёт. А если они не отключатся? А если их друзья-товарищи шарахнут ядерной ракетой по своим же?

Дверь в каюту открылась, и вошёл робот с подносом в руках, на котором дымилась чашка кофе, и лежал кусок хлеба, намазанный чем-то коричневым. Тонким голосом он доложил о выполнении команды и Командир от неожиданности вздрогнул, он уже забыл о своём желании чего-нибудь перекусить. Велел роботу поставить поднос на стол, он строго выговорил ему:

– Микки, ты у меня совсем от рук отбился. Бляха не чищена, пищишь, как трёхлетняя девчонка, слушать неприятно. Я тебе уже говорил об этом. Почему не исправил голос?

– Самостоятельно команду по исправлению голоса выполнить не могу, – пискляво доложил робот. – Инженерам некогда, я обращался. Остапчук сказал – с таким голосом я выгляжу колоритной фигурой. Велел уходить.

– Тьфу! – Командир чертыхнулся. Шутники-феномены! – Тогда стой тихо.

Командир надкусил бутерброд с массой имевший отдалённый вкус печёночного паштета и отхлебнул кофе. Остапчук, конечно, прав, сочетание фигуры атлетически сложенного мужчины и тоненького голоска несколько разнообразили обстановку, вызывая невольную усмешку.

Корабль поведёт Леклерк. Командир посмотрел на бородатое с потаённой улыбкой лицо своего заместителя. А ведь Пьер и не догадывается, что в полёт его взяли благодаря Хайнелайнену. Когда перебирали кандидатуру на должность первого, его участие в полёте вообще стояло под вопросом. В профессионализме Леклерка никто не сомневался. Но это его знаменитое на всё Звёздное управление донжуанство! Отбор проводился строгий, и на то, что не обращали внимания при обычных поисках, вдруг приобрело огромный смысл. Определённую роль, конечно, сыграл необычно громоздкий состав комиссии. Люди есть люди, всем хотелось потрудиться. Серьёзные мужи от тонких психологических наук засомневались, не повлияет ли эмоциональность Леклерка на его работу. Хайнелайнен, уже зачисленный к этому времени в члены экспедиции, принимал участие в работе комиссии. Как оказалось, серьёзные мужи очень даже прислушиваются к его мнению. В областях науки, далёких от Командира, несуразный психолог обладал достаточно весомым авторитетом и периодически непричёсанными идеями будил своих коллег, не давая впасть им в сонное состояние от повседневной рутины. В этот раз поразил своими соображениями насчёт Леклерка. Во-первых, после общения с Леклерком, и наблюдения за ним во время испытательного срока на совместимость, считает его очень уравновешенным и способным управлять своими эмоциями человеком. А, во-вторых, образ закоренелого ловеласа не совсем соответствует действительности. Что есть, то есть, но этот образ наполовину придуман самим Леклерком. Он когда-то вошёл в него и теперь бы уже и рад избавиться от своей надуманной маски, но все утвердились во мнении о его легкомыслии.

2

Всю свою жизнь, до тех пор, когда получил образование и ушёл в свой первый полёт, Пьер провёл на Земле. Почти с самого рождения он жил вначале в детском, а позже в молодёжном городке. У отца с матерью, как он понял, повзрослев, семья не сложилась. В этом отношении он был их точной копией.

Женщины воспринимали Пьера только как любовника. В любви он не скупился на чувства, и женщины дарили ему свою любовь, но создать с ним семью и иметь от него детей, ни одна не выразила желания. Обычно его романы заканчивались вынужденной разлукой. Во время полёта либо у него остывали чувства, либо она встречала другого. Случались и исключения, но они всё равно заканчивались расставанием по обоюдному согласию. К сорока годам Пьер незаметно для себя начал завидовать товарищам, которых где-то ждали жёны и дети, а не бывшие и будущие возлюбленные.

В детстве и юности Пьер едва ли не боготворил отца. На следующий день после отъезда он начинал ждать его. Жизнь в городках была насыщена и разнообразна, но приезд отца превращал её в праздник. Нельзя сказать, что он уж совсем равнодушно относился к матери, но

по ней он не скучал. Отец безвыездно жил на Земле, а мать летала в Космосе. Отец имел редкую среди мужчин тихую специальность и работал научным сотрудником в хранилище старинных книг. У матери же, наоборот, была очень распространённая среди женщин специальность программистки, дополненная тягой к перемене мест. Облик отца скорее увязывался с мужественным, не знающим преград первопроходцем или пилотом звездолёта, но никак не с тишиной старинных библиотек. Высокий, широкоплечий, с хорошо развитым торсом и перекатывающимися под кожей мышцами, он вызывал у маленького Пьера восхищение мужской красотой и гордой благородной силой. Без всякого предупреждения он появлялся в городке, забирал сына и они уходили путешествовать. С течением времени эти наезды несколько упорядочились, поскольку их приходилось согласовывать с расписанием занятий. Зимой обычно катались на лыжах, а летом улетали на Южные моря. Лыжных курортов отец не признавал. Они отправлялись в безлюдные места на Север, каждый раз на новое место. В спортивно-туристическом центре брали лыжное снаряжение, их забрасывали на авиалетке в понравившееся отцу место, помахав на прощанье пилоту, в сопровождении робота, тащившего их припасы и пожитки, уходили в многодневный поход.

Глядя на отца, Пьер тоже, поёживаясь и вздрагивая всем телом, выскакивал по утрам из палатки и, набирая полные пригоршни обжигающего снега, обтирался до красноты, только отец громко ухал и фыркал при этом, а он тоненько, по-щенячьи, повизгивал. Приняв снежные ванны, они делали пробежку вокруг палатки и, приветствуя восходящее солнце, оглашали окрестности дикими воплями. Потом, раскрасневшиеся и бодрые, выпивали в палатке по чашке горячего шоколада с хрустящими хлебцами и, встав на лыжи, пускались в дальнейший путь.

Походы их состояли не из одной однообразной ходьбы. Встретив живописный уголок с седыми кедрами, вековыми соснами на склонах распадка, забуревшими обомшелыми утёсами, они устраивали на пару дней стоянку. Днём, разбросав приманку, устанавливали съёмочные камеры, а сами прятались в укромном местечке в ожидании птиц и зверей. Потом, из объёмных снимков отец монтировал панораму со звуковым сопровождением и отдавал её в детский городок. По вечерам они сидели у настоящего костра, смотрели на огонь и слушали ночные шорохи леса.

В один из таких лыжных походов Пьер твёрдо решил стать звездолётчиком. Произошло это в ту пору, когда он в основном ещё передвигался не самостоятельно, а, притомившись, сидел в специальном тёплом кармане у робота, и наружу выглядывала только его довольная, раздумывавшаяся на морозе мордашка.

Перед сном, сидя по-турецки в прогретой палатке, они вели длинные беседы. Отец рассказывал о прекрасных смелых людях, живших когда-то на Земле. В основном это были древние греки и жители сказочной страны Атлантиды. Маленького Пьера очаровывали отцовские сказания, он внимал им, затаив дыхание и, едва отец умолкал, требовал продолжения. По прошествии многих лет, он пытался выяснить, как тому удавалось заморозить детское воображение. Были ли его рассказы плодом собственной фантазии или он пересказывал древние легенды и верования. Отец в шутку объяснял, что то был синтез трансформированных в его извилинах мифов и сказок. Пьер пенял ему на зарытый талант, говорил, что тот мог бы создать прелестные, имеющие успех, видеосюжеты, но отец пренебрежительно отмахивался от славы.

Давным-давно, кроме людей, на Земле жили ещё всякие разные существа: проказницы нимфы, могучие титаны, чудища, в борьбе, с которыми герои ради людей совершали свои подвиги. Моря, реки, леса и горы населяли всевозможные боги и полубоги. А самое главное, на Земле обитали мудрые красавцы кентавры. Кентавры больше всего нравились Пьеру. Но потом, все они куда-то незаметно исчезли.

Отец разводил руками и грустно говорил:

– Люди испортились, стали злы, наверное, чем-то обидели кентавров и те ускакали.

– Но куда? Куда? – спрашивал нетерпеливо Пьер.

– Наверное, туда, на какую-нибудь звезду, – показывал отец рукой на куполообразный верх палатки.

– Но они вернуться?

– Наверяд ли, они же не знают, что люди с тех пор изменились, – говорил серьёзно отец. Пьер помолчал, сердито сдвинув бровки, и сказал твёрдо:

– Я вырасту, стану звездолётчиком и найду их. Я им скажу, что можно возвращаться. Они вернуться, и будут жить с нами. Ведь теперь на Земле нет плохих людей? – посмотрел он на отца пытливым взглядом.

– Конечно. Теперь на Земле живут только добрые люди, – подтвердил отец.

Обрадованный найденным решением, Пьер довольно засопел.

С тех пор кентавры стали их своеобразным паролем. Возвращаясь из полёта, Пьер выходил на связь из космопорта, и поседевший отец спрашивал первым делом:

– Ну, как, нашёл?

– Пока нет, – серьёзно отвечал Пьер, – но я их обязательно найду.

Они заговорщически подмигивали и смеялись, довольные друг другом.

На море бывало по-другому. Если зимой их общество разделял только робот, летом они присоединялись к какой-нибудь компании, отец встречал друзей, и время проходило в нескончаемых играх и веселье. Когда постоянное многолюдье прискучивало, они катались на лыжах и салазках. Заплыв подальше в море, резвились с дельфинами. Или же надев маски, уходили на мелководье и, распластавшись на мягких волнах, чуть шевеля руками и лапами, следили за проворными крабами и солнечными зайчиками, снующими по морскому дну, неспешно проплывающими фиолетово-сиреневыми медузами, стайками рыбок, испуганно сверкающих серебристыми телами. Здесь, на море, отец преподавал ему уроки смелости и ловкости, от которых у Пьера захватывало дух, азартно разгорались глаза, и, благодаря которым, в нём поселилась уверенность в себе и уважение к собственному телу. Встав на салазки, они мчались на заворачивающихся гребнях двухметровых волн, в месиве брызг и солёного ветра делали сальто, и перескакивали на следующие, несущиеся один за другим островерхие валы.

Пьер подрастал и отец всё чаще оставлял его со своими сверстниками, а сам уходил к взрослым. К этому времени Пьер общался с морем не хуже дельфинов, да и спасательная служба, в которой к взаимному удовольствию люди сотрудничали с теми же дельфинами, исключала всякие недоразумения.

В пятнадцать лет Пьер во всём походил на отца, даже на верхней губе у него чернел пушок, обещая в скором времени превратиться в шикарные усики. В чём ему никак не удавалось стать похожим на отца, так это в непринуждённом общении с представительницами противоположного пола. Пьер поражался, как отец может так запросто заговорить с совершенно незнакомой женщиной. Причём, как он, взрослея, стал понимать, женщинам нравилось, когда отец заговаривал и шутил с ними. Сам он ни за что не мог заговорить первым с незнакомой девушкой, отец даже подтрунивал над ним по этому поводу.

Пьер попросту боялся девушек. В свои пятнадцать лет он, как любой его сверстник или сверстница, прекрасно знал всё о взаимоотношении полов, но уроки общения и развития воспринимались абстрактно, и никак не накладывались на знакомых девушек. Это знание не помогало, а даже мешало общению. Ему представлялось, что девушки подумают о нём невесть что, едва он заговорит с ними. Подумав так, они испытают к нему гадливое чувство, и отвернутся от него. С одноклассницами он вёл себя иначе, но с ними он рос с детства и воспринимал их, как сестрёнок, которых дёргал за косички и получал от них щипки. Рядом с незнакомками краснел, мямлил и терялся. Это были божественные существа, не чета ему, человеку приземлённому. Избавиться от неуверенности, зажатости помогла девушка по имени Ола.

Ола была уже почти взрослой и нынче уходила в Молодёжку, а Пьеру предстояло ещё два года учиться в колледже. Ему становилось немного не по себе и сладко замирало сердце, когда он увидел, что Ола отличает его от других, а ведь здесь хватало парней одного с ней возраста. Она подтрунивала над ним, а он краснел и стеснялся.

В играх в мяч, гонках на катамаранах, борьбе с морским змеем, они всё чаще оказывались в одной паре, но инициатива принадлежала Оле, а Пьер в основном хлопал глазами.

– Если бы сама не видела, ни за что бы не поверила, что ты так шикарно гоняешь на салазках. Из-за тебя мы всё время проигрываем, – выговаривала она ему, но в пару становилась именно с ним.

Однажды они ловили медуз. Медузу надо было подстеречь на гребне волны и ловко ухватить за плотную шляпку, иначе она больно жалилась студенистыми щупальцами. Они всё шли и шли по колено в воде, пляж остался за широкой полосой скальных нагромождений, спустившихся к самой кромке прибоя, медузы исчезли и они гонялись за крабами, смешно разбегавшимися при появлении их босых ступней и пытавшимися спрятаться между разноцветной галькой. За крабами нужно было наклоняться, и они исподтишка толкали друг дружку в набегавшие волны, падали, смеясь, поднимались и продолжали весёлую толкотню. Поднимаясь после очередного падения, они оказались лицом к лицу. Он ощутил её дыхание, и под его действием, зажмурив глаза, поцеловал её. Поцелуй пришёлся в уголок губ и явился полной неожиданностью для него самого. Ола посмотрела широко открытыми изумлёнными глазами, кончиками пальцев прикоснулась к месту поцелуя, прошептала: «Ты что?» и побрела по мокрому песку на пляж. Он стоял, не двигаясь, и обалдело смотрел ей вслед. Вкус первого поцелуя был солёным и пах морем.

Вечером он был угрюм и неразговорчив. Отец пытался растормошить его, но он только вздыхал в ответ. Кое-как поужинав, закрылся в своей комнате и до глубокой ночи смотрел фантастику о паукообразных инопланетянах. Отец два раза заглядывал к нему, но он сделал вид, что увлечён разворачивающимся на экране сюжетом. Спозаранку он примчался на пляж, вся их компания уже собралась, а она всё не приходила.

Он занял наблюдательный пункт на возвышении и, томясь в ожидании, поглядывал в сторону гостиницы, в которой она жила с друзьями, но она не появлялась. Он немного не рассчитал и устроился на самом солнцепёке. Полыхающий невидимым пламенем диск поднимался к зениту. Пьер поджарил на солнце спину, один бок, потом второй – ожидание было тщётным. Ему хотелось выкупаться, спрятаться в тень, он проголодался и изнывал от жажды, но боялся покинуть свой пост и пропустить её приход. На него упала тень, он поднял голову, над ним стояла одна из её насмешливых подруг в шляпе с огромными полями. В руках она держала пакет полный холодного апельсинового сока, от которого прямо веяло прохладой, и Пьер невольно сглотнул. Девушка запустила в пакет другую руку и, вынув из него прозрачную упаковку, протянула ему.

– На, попей, а то совсем засохнешь. Если Олу ждёшь, то зря. Её сегодня не будет.

– Она что, уехала? – спросил он, изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал как можно равнодушной. Покрывшаяся на жаре обильной испариной пирамидка приятно холодила ладони, он запрокинул голову, выливая в пересохшее горло сок.

– Мммм, – ответила девушка, глядя на него сверху вниз сквозь зеркальные очки. – Приболела. Завтра явится. Это она тебе сок послала, так что не переживай. Вас вчера что, ядовитый краб искусал? – спросила насмешливо. – Между прочим, специально в гостиницу бегала, чтобы о твоих страданиях сообщить. Ты теперь мой должник. Хватит тебе печального рыцаря изображать, идём к нам.

Пьер отрицательно покачал головой и девушка, бросив ему:

– Ну, как хочешь. Страдай, если тебе так нравится, – и убежала к нетерпеливо зовущим друзьям.

Пьер свистнул уборщику, отдал пустую упаковку и распираемый радостью, ушёл в свою гостиницу. Войдя в прохладный холл, он с удивлением увидел отца в обществе пышноволосяй смуглянки с миндалевидными глазами развлекавшихся игрой в лабиринт на компьютере. Они ели мороженое из большой заиндевевшей вазы и, смеясь, отбирали друг у друга ход.

– Как дела, сынок? Что так рано? – спросил отец, положив ладонь на плечо смуглянке и повернув к нему голову.

– Всё прекрасно! – ответил Пьер весело и помахал высоко поднятой рукой. – Есть хочу, помираю.

Направляясь в экспресс-столовую, он вприпрыжку пересёк холл и не видел, как смуглянка проводила его долгим взглядом и, склонившись к отцу, что-то прошептала тому на ухо. Отец в ответ улыбнулся.

Ола пришла утром, ещё до наступления жары, весёлая и смешливая. Он подошёл к ней, загребая ступнями песок и заглядывая в глаза ищущим взглядом. Девушка тронула пальцем его кончик носа, засмеялась и побежала по мелководью, на ходу обернувшись, крикнула: «Догоняй!»

Они нашли в скалах расщелину наподобие грота, натаскали туда высохших водорослей, лёгкого, прожаренного солнцем плавника, и устроили в ней своё первобытное обиталище. А потом Ола сказала, что подошло время уезжать. В свой последний день они остались на ночь в скалах. Пьер разжёг костер, и они просидели полночи, глядя на скачущее пламя, ярко блещущие в чёрном небе звёзды. Таинственным шёпотом Пьер поведал о благородных существах, населявших когда-то Землю, и открыл свою тайну. Также шёпотом Ола взяла с него клятву первой на Земле познакомить её с кентаврами.

Рассвет они встречали, взявшись за руки и забредя по колени в воду. Тёплые ласковые волны омывали их ноги, лёгкий утренний ветерок шевелил волосы. Насколько хватало глаз, перед ними раскинулось бескрайнее море, впереди яркими лоскутками по нему скользили паруса, вставало свежеемытое солнце, нежа их первыми лучами.

Расставание наполнило их сердца грустью, но горечи не было. Мир, полный любви, раскрывал свои объятия.

Свой дом Леклерк устроил в шумном курортном городе на Апеннинском полуострове. Самоуправляемая территория, на которой размещался город, по традиции называлась республикой Италией. В такие подробности Леклерк не вникал, его общение с управленческим аппаратом ограничивалось сообщением о своём прибытии-убытии в городской статистический центр. После долгих месяцев, проведённых в замкнутом мирке, ему хотелось общения, музыки, громких разговоров, весёлого смеха и бесшабашного веселья. Он даже ловил себя на желании, уподобившись десятилетнему мальчишке, бегать, прыгать и во всё горло орать что-нибудь несуразное. Выплеснув излишек энергии в шумных пирушках с друзьями, он начинал вести более-менее размеренную жизнь. Дни свои он заполнял занятием парусным спортом, конструированием и строительством замысловатых яхт. Однажды соблазнился морскими приключениями и отправился в Америку под парусами в качестве палубного матроса на трёхмачтовом бриге. Мореплавателям крупно не повезло. В Атлантике бриг попал в недельную полосу шторма, а потом его изрядно потрепали налетевшие штормы. Чтобы попасть к сроку на Луну пришлось обращаться к помощи Морских спасателей и, не заглядывая, домой, добираться до Североамериканского космопорта на их летательной посудине.

Вечерами он смотрел видео, выбирая сюжеты с интеллектуальными загадками, и слушал пение. Пение предпочитал живое, а не записанное, отправляясь для этого в какой-нибудь старый город в оперу, или, удобно устроившись в гондоле с черноокой красавицей и бутылкой красного вина, внимал уличным напевам, дополненным шелестом волн и блеском звёзд на чёрно-бархатном небосводе.

Два-три раза в неделю Пьер посещал вечера очаровательной Джильды, где всегда бывал желанным гостем. Вечера представляли собой своеобразный вид искусства общения. Устраивали их пережившие первую молодость дамы, которых называли почему-то миледи и окружали всеобщим уважением. Стать миледи могла далеко не каждая женщина, для этого требовался особый дар от природы. Во-первых, она должна была иметь приятную привлекательную внешность, врождённый такт, достаточный опыт и обладать многочисленными талантами. Во-вторых, тонко разбираться в искусствах, эротике, уметь непринуждённо общаться, на ходу импровизировать и при этом блистать остроумием и обвораживать гостей обаянием. На вечерах у миледи собирались в основном вольноопределяющиеся мужчины и женщины с одинаковой целью: приятно, со вкусом провести время, наслаждаясь искусствами, остроумной беседой, тонкими винами и выбрать себе возлюбленную или возлюбленного для утончённых любовных утех. Всё происходило непринуждённо, переплетаясь между собой. За игривыми стихами звучала музыка, возвышенная поэзия, за которой мог последовать спор на философские темы, а за тем со вкусом исполненные томно-пластические или искромётно-возбуждающие эротические танцы. От миледи требовалось направлять всё это по плавному руслу, используя дар импровизации и такта. Она должна была обладать многими талантами, чтобы устраивать приятные вечера и услаждать своих гостей, но и гости должны были в свою очередь поддерживать дух её вечеров и откликаться на завуалированные намёки.

Никаких двусмысленностей не допускалось. На вечерах существовало неписаное правило, чтобы не происходило после вечера, на мужчину или женщину никаких обязательств это не накладывало. Свою возлюбленную или возлюбленного надо было завоёвывать вновь. Появление на вечере совсем не обязывало откликаться на чей-то призыв. Интимная близость, когда человек, безразлично мужчина или женщина, в полной незащитности раскрывается перед другим, очень тонкая сфера и любой неверный жест или слово могут спугнуть наметившееся сближение.

Отец Леклерка перебрался на работу и жительство в Ватикан и изучал католические манускрипты и теологические труды. Пять лет назад он поразил сына, в свои шестьдесят лет, без памяти влюбившись в молоденькую двадцатипятилетнюю сотрудницу. Как Пьер понял, та отвечала ему тем же и он, посмеиваясь, наблюдал их любовное воркованье. Никакими особыми женскими статями – он отметил это чисто автоматически, даже не задумываясь – Ирэн не отличалась. Ни высокого полного бюста, ни крутых бёдер, ни зовущих чувственных губ она не имела. Правда, насчёт бюста он не мог быть точно уверен, девушка одевалась в просторную бесформенную блузу, закрывавшую тело до шеи. Зато внизу всё было достаточно открыто: коротенькие шортики едва выглядывали из-под краёв блузы. Тонкие в лодыжках ноги отличались стройностью, ходила она обычно босиком. Всё это он отметил в свой первый приезд к ним, бросив на неё заинтересованный взгляд. К нему она относилась непринуждённо, с детской непосредственностью. Натурой она была весьма и весьма одарённой. С тем весёлым беспорядком, который она устроила в квартире отца, не могла справиться даже прилежная хозяйка. Наученный горьким опытом, Пьер, проводывая их, вначале заходил в продуктовый центр. Для того чтобы в современном мире оставаться вечером без крошки съестного, нужно было обладать поистине великим даром.

Католицизм наскучил отцу, и он решил вернуться к Древней Греции. В прошлом году Ирэн, сидя по-турецки на диване отца – она любила занимать такую позу, а широкий диван в переполненном книгами кабинете отца стал её любимым местом – поведала Пьеру об их ближайших планах.

– Мы поедem на Олимп и с помощью Проекций найдём трон Зевса, – из лексикона отца и его возлюбленной жены исчезло местоимение «я», они говорили только «мы». – Мы уже ведём переговоры с Римским бюро Проекций, следующим летом надеемся начать работы. Уж слишком громоздкое у них оборудование.

– Католический бог, – рассуждал отец, расхаживая по кабинету, обходя груды и стопы книг, – бог рабства и ханжества. То ли дело эллинские боги. Они, конечно, ещё те боги. Но при всей своей взбалмошности, вспышках жестокости и сластолюбия, они – боги свободных людей. Богини дарили свою любовь смертным мужчинам, а боги приходили к женщинам, и от этой любви рождались герои. Герои! А что мы видим у христиан? Жена да убоится мужа своего! Да почему ж она должна его бояться? Она должна его любить. А если не любит, не хочет его и вообще он ей противен, почему она должна ложиться с ним в постель и отдавать своё тело для наслаждений? Ф-фу! Какая мерзость, даже говорить об этом противно. Природа дала человеку в дар великую радость, которая вместе с разумом возвысила его над животным состоянием, а христианская религия превратила эту радость в гнусное паскудство. Нет, нет, это не для меня, я сыт этим по горло. Мон ами, – обратился он к Ирэн, – принесла бы ты нам чего-нибудь промочить горло.

Ирэн резво соскочила на ноги, Пьер уже давно заметил, как они оба с готовностью исполняют малейшие желания друг друга, впрочем, в большей степени это относилось к его молодой родственнице. Через пять минут она вернулась с бутылкой охлаждённого белого вермута. Бокалов не нашлось, и вино пили из широких серебряных чаш, удерживая их обеими руками.

– Конечно, – продолжал старший Леклерк, сидя в кресле и, поставив чашу себе на колени, Пьер сидел на диване рядом с Ирэн, приняв свою излюбленную позу и потягивающую вино через соломинку. – Это упрощённый взгляд, но как подумаю, что в конечном итоге все философские труды христиан утверждают рабство духа и направлены на превращение человека в червя, у меня к их религии появляется чувство глубочайшего отвращения. Эллины меня больше притягивают.

– Но ведь на Олимпе уже находили какой-то булыжник, – брякнул Пьер и, спохватившись, поперхнулся вином, но было уже поздно.

– Смейся, смейся, – отец погрозил ему пальцем. – Что-то ведь должно быть и почему нам не найти это? В девятнадцатом столетии Шлиман, руководствуясь одной «Илиадой» раскопал Трою, в существование которой тоже не верили. Тот булыжник, о котором ты говоришь, я видел, это скорей всего мистификация. Наши пра-пра любили развлекаться подобными шуточками. Его ещё надо проверить, – он засмеялся. – Возможно, мы с Ирэн будем первыми смертными, усевшимися на трон, на который Громовержец не пускал даже Геру.

Пьер недоверчиво покачал головой.

– Но ведь ты же не археолог.

– Ну и что? Шлиман тоже не был профессионалом. А представь себе такой вариант. Четыре-пять тысячелетий тому назад Землю посетили представители чужой цивилизации и устроили свою базу на Олимпе. Потом они по непонятным причинам то ли погибли, то ли покинули Землю, – отец закинул руки за голову и смотрел на сына смеющимися глазами. – А мы всё это установим доподлинно. А?

– Ты всё такой же мечтатель, как и тридцать лет назад, – Пьер с улыбкой смотрел на отца, с удовольствием чувствуя в себе тёплую привязанность к нему. – Так, а что с Проекциями? Они не хотят искать Зевса? – он говорил шутливым тоном, но отцу он не был неприятен.

– Видишь ли, Проекция интересная штука, но в их достоверность пока ещё мало кто верит. Оборудование у них громоздкое, сеансы требуют больших затрат энергии и большого объёма компьютерной подготовки. Бюро посылает передвигной отряд в Палестину искать Иисуса. Ты может не в курсе, но сейчас с материальной достоверностью установлено, что человек, которого люди позднее назвали Иисусом, существовал в действительности. Он обладал уникальными экстрасенсорными способностями и гипнозом. Но почему нужно начинать с него? Почему не с Зевса? Вот об этом и идут переговоры. А установок наводящих Проекция, пока что мало, – отец развёл руками.

Бутылка опустела, и Пьер засобирался домой, но отец остановил его.

– Кстати! – воскликнул он, хлопнув себя рукой по лбу. – Тебе же привет от матери. Я с этими Зевсами и Иисусами совсем забыл. Мон ами, – обратился он к Ирэн, и та опять проворно вскочила с дивана, порылась в грудe книг, кубиков, сложенных в углу, нашла нужный и вставила его в программник. На экране появилось несколько постаревшее с тех пор, как он в последний раз видел, но ещё довольно привлекательное лицо матери. Она говорила Пьеру о своей любви к нему и просила при случае навестить её, через минуту рядом с ней появились два мальчугана примерно шести – и семилетнего возраста. «Это твои братишки, Пьер!» – проговорила мать, обнимая мальчуганов за плечи и привлекая к себе.

– Прелестные мальчики! – проворковала Ирэн с милой непосредственностью. – У нас будут такие же, только позже, после Олимпа.

Пьер сглотнул комок и вопросительно посмотрел на отца.

– Где она сейчас? О том, что завела новую семью, она сообщала лет пять назад, но про мальчиков ни слова, и вообще, как в воду канула. Я после каждого полёта посылал ей приветы через Лунный ретранслятор, но она или не отвечала, или посылала два слова – привет, жива, здорова. Подписывалась кодом и никакого адреса.

– А ты не мог выяснить на ретрансляторе, куда идут твои приветы, и доходят ли они вообще до адресата? – спросил отец, вызвав на лице Пьера краску смущения. – У неё был сильный стресс. Во время прыжка она впала в кому, и её высадили на планете Грѐз в системе Сиреновой Туманности. Врачи запретили ей летать на звездолѐтах. Она очень переживала, долго не могла придти в себя. У неё не всё ладилось с наземной работой, случались нервные срывы.

– Да, полѐты – это на всю жизнь, – пробормотал Пьер.

– В трудную минуту рядом нашѐлся человек, который помог ей преодолеть себя. Она вышла замуж, по-видимому, на этот раз удачно, ну результат ты видел. Жизнь её выровнялась, но не сразу. Замужество, дети помогли ей. Сейчас она полностью адаптировалась к новой обстановке и работает в диспетчерской службе Центра Управления полѐтами планетной системы, – отец кашлянул. – Землю она не увидит до конца своих дней. Это, наверное, действует на нервы – когда нельзя. Ты постарайся навестить её, сынок.

– Конечно, при первой возможности. Завтра же пошлю ей сообщение, – проговорил Пьер виновато.

– Принеси-ка нам ещё бутылочку винца и спой под гитару, – попросил отец Ирэн.

Они пили вермут, заедая его тоненькими копчеными колбасками, а Ирэн не сильным, но приятным голосом с лёгкой грубоватостью и грассирующим «р» пела про кентавров, парней, уходящих в дальний поиск и остающихся дома возлюбленных.

После вина и песен Пьер несколько обмяк, и говорил Ирэн, вышедшей проводить его на выложенную брусчаткой площадь:

– Ты люби отца. Видишь, какой он у нас хороший.

Ирэн, обхватив себя руками от вечерней прохлады, отвечала шѐпотом:

– Я его очень люблю. И тебя тоже, – она подняла руки, притянула его за плечи и поцеловала в лоб. – Ты проведай мать, Пьер.

– Конечно, проводаю, – ответил он и сжал её руки в своих. – Ну, беги!

Но он так и не проведаль ни мать, и не виделся больше с отцом и Ирэн. Подошѐл срок штатной переподготовки, а потом началась подготовка к полѐту и сам полѐт.

Начальство относилось к Леклерку примерно также как и женщины. Почти до сорока лет он летал рядовым пилотом, хотя и считался хорошим профессионалом. Это был его второй полѐт в качестве первого. Главное же, он считал себя способным на большее. Всему виной была укрепившаяся за ним слава легкомысленного человека, на которого опасно возлагать большую ответственность. После нынешнего полѐта, в котором он участвовал не просто в качестве пер-

вого, а ещё и в качестве заместителя начальника экспедиции, что являлось средним между первым пилотом и командиром звездолёта, причём заместителем не кого-нибудь, а самого Джона Иванова, он считал, что путь к назначению командиром поискового звездолёта для него будет открыт.

Командира Леклерк увидел впервые пятнадцать лет назад в вестибюле Звёздного космопорта. Они, группка однокашников, сгрудившись, стояли и делились незабываемыми впечатлениями первых полётов. Командир, насупившись, скорым шагом пересекал обширный зал. Он уже тогда превращался в человека-легенду и вызывал уважение у своих бывалых товарищей, а уж они, зелёные новички, взирали на него с благоговейным трепетом. Но молодости присуща ирония во все времена и в любом месте. «Предполётные размышления» – со скрытой усмешкой сказал кто-то, но он ошибался. Именно в эту минуту мысли Командира были далеки от космоса, и ближнего, и дальнего, по той простой причине, что он переживал очередную ссору с Жаклин.

Глава 9

1

Командир смотрел на обрамлённое каштановыми волосами лицо Клэр Стентон с сияющими доверчивыми глазами и размышлял, отправлять Клэр в поиск или не отправлять. То, что Хайнелайнен останется в звездолёте, он решил сразу. Хайнелайнен академик, он будет хорош, когда пленных доставят сюда. Придётся посылать Стентон. Первый раз в звездолёте. Как она вообще в экспедицию попала? Хотя причём здесь первый полёт, если никаких контактов ещё не было. Молодых и надо посылать. Что у неё выдающегося? Дешифровка старых секретных кодов, забытых языков, оператор компьютеров. Прекрасно, только вот дешифровка переговоров инопланетян, пока ни с места. Если дождя не будет, то будет ясно, а, если пойдёт дождь, то будет пасмурно. Хотя девчонка старалась. Какие у неё ещё таланты? Первая медицинская помощь, это пригодится, хотя первую помощь оказать многие могут. А вот что не заложили в компьютер, так это данные об упрямом характере. Командир усмехнулся и покачал головой. Тоже немаловажное качество. Душа у него не лежала посылать Стентон, но не драться же ей придётся. Блокпост посещают двое-трое инопланетян, от неё потребуется только подстраховка. А вот позже может возникнуть ситуация, когда потребуется её опыт и умение по дешифровке. Во всяком случае, если завтра он уловит у неё хоть тень нерешительности, оставит на звездолёте, а вместо неё пошлёт кого-нибудь из штурманов.

Кого же определить в пару с Коростылёвым? Командир перебрал весь состав экспедиции и остановился на Джозе Феллини. Прекрасные физические данные, хорошая реакция и специальность подходящая. Им без всяких штучек никак не обойтись. Феллини производит подготовку захвата, так сказать, инженерное обеспечение, сам захват осуществляют он и Коростылёв. Стентон боится. Четвёртым должен быть водитель-ас, инженер и вообще на все руки мастер. Можно Мартынова, можно Остапчука или Богданова. Нет, Богданов не подойдёт, недостаточно решителен. Пожалуй, всё-таки лучше Остапчук. Трое молодых и один постарше, будет вроде противовеса.

Командир взгляделся в крупное, с хитроватым прищуром серых глаз, лицо Остапчука. Этот не подведёт, за ним, как за каменной стеной. Со стороны посмотришь, как работает – увальень увальнем, а в итоге получается побыстрей, чем у иных торопыг.

В буквальном смысле слова, Остапчук не был землянином. Он родился и большую часть жизни провёл на Венере. Правда, на своей родной планете он получил основное образование, на Венере это так и называлось – основная школа, на Земле говорили по-старинному – колледж. Молодёжную закалку получил на Земле, в лесах Амазонии, университет закончил тоже земной. В венерианских университетах преобладали гуманитарные науки и кибернетика, той специальности, которую он хотел получить, в них ещё не было. А вот его Джоан почти всю жизнь провела на Венере. Она выросла в семье потомственных венерианских садоводов и даже Молодёжку провела в тех же самых садах, где трудились её родители, только жила не с ними, а со своей молодёжной группой. Пройдя все испытания, поступила в институт садоводства Первого Венерианского университета.

Джоан и сама выглядела, как наливное яблочко, правда, друзья шутили, что она не яблочко, а хорошее яблоко, но Рэму, при его комплекции, как раз такая жена и требовалась.

После свадьбы они улетели на планету-прародительницу и провели на ней почти год. Основными их занятиями были купание на земных пляжах, знакомство со старинными городами и всякими доисторическими диковинками, от которых гордецы-земляне задирали нос, а у истых венериан они вызывали ироничную усмешку.

Начали они со средиземноморья. Кроме общения с солнцем и морем, они поглощали в достаточных количествах фрукты и виноградные вина. Земные плоды вызывали у Джоан иронию. Фрукты на Венере не сравнить с земными, венерианские сочнее и в них больше солнца. Рэм, меланхолично разглаживая ногтём большого пальца пшеничного цвета усы – в молодости он любил украшать лицо растительностью – заметил, что да, дорогая, ведь на Венере выращиваешь их ты. И тут же получил подушкой по голове. В другой раз к нему были приняты более суровые меры. Критика Джоан не ограничивалась иронизированием над плодами земных садов. Однажды вечером, готовя постель ко сну и отбиваясь от Рэма, понемногу приходящего в игривое настроение от вида её почти обнажённого тела, она сказала с ехидной насмешливостью:

– Не понимаю, почему на пляже мужчины на землянок тарашатся. По сравнению с венерианками, они как воблы засушенные.

Рэм, лаская жену, ответил невпопад:

– Ну, уж так бы я не сказал, грудь у них, к примеру...

Какая именно грудь у жительниц Земли сказать он не успел, потому что кубарем слетел с ложа и на эту ночь был лишён любовных утех. Правда, утром, после первого купания, они наверстали упущенное.

В Риме они побывали в Колизее. Посещение древнего игрища оставило неприятный осадок. Они получили последний инструктаж и, войдя внутрь Колизея, оказались в другом мире.

Шумная, пёстро одетая толпа заполняла амфитеатр. Рэму хотелось потрогать живого римлянина, но их предупредили, что лучше этого не делать. Язык, на котором разговаривали вокруг, был им чужд, но Рэму, между тем, казалось, что он понимает смысл разговоров. Пока он разглядывал толпу, на арене показались гладиаторы, и Рэм вздрогнул от неожиданности, когда из тысяч глоток одновременно исторгся рёв нетерпения. Выражение лиц сменилось. Все с непонятым вожделением смотрели на арену и, показывая руками, обсуждали достоинства воинов. Здесь были чёрные и белокожие, курчавые и длинноволосые, гиганты, коренастые крепыши и гибкие юноши, поседевшие ветераны и совсем молодые. Одни с немим презрением оглядывали трибуны, во взглядах других сквозила предсмертная тоска. Гладиаторы подошли к ложе находившейся справа от Рэма и Джоан и, подняв вверх правые кулаки, что-то прокричали. Рэм понял, что они скоро умрут и кого-то приветствуют. Это было ему абсолютно непонятно. Как можно в угоду кому-то, ради чьего-то извращённого развлечения, добровольно убивать друг друга? События между тем развивались. Большая часть гладиаторов покинула арену, а оставшиеся разделились на две группы и набросились друг на друга. Вначале это выглядело как красивое зрелище. Мускулистые воины нападали и ловко отражали удары. Сверкали лезвия мечей и жала копий, сопровождавшиеся лязгом скрежываемых клинков и глухими ударами о щиты. Рэм с удовольствием наблюдал за развернувшимся перед ним боем. Но вот хлынула первая кровь, и ему стало не по себе. Он шептал Джоан, что это не по-настоящему, это всего лишь искусная имитация, и никто не умирает. Но кровь выглядела до того всамделишной, что казалось, дымится. Вот упал ещё один гладиатор, затем ещё и у Рэма у самого не выдержали нервы. На арене лежал, корчась и орошая песок струившейся из груди кровью, молодой боец, его победитель, наступив на грудь и подняв вверх меч, смотрел на зрителей. Колизей опять наполнился рёвом. Люди с горящими от вида крови глазами, вскакивали на ноги со своих мест, и, что-то крича, показывали большими пальцами вниз. Даже молодая римлянка, сидевшая неподалёку в роскошной ложе, и, на которую Рэм бросал отнюдь не невинные взоры, вскочила с некрасиво раскрытым в крике ртом и требовала смерти абсолютно незнакомого ей человека.

Они с Джоан тоже вскочили и, не разбирая дороги, ступая по чьим-то ногам и выслушивая проклятья, бросились к выходу. Впопыхах они забыли обо всех наставлениях и правилах выхода из Проекций и тыкались в глухую каменную стену. Выхода не было.

Проекция Прошлого были тогда ещё новинкой. Можно было съездить в Пелопоннес на древнегреческие Олимпийские игры или отправиться в Лондон в шекспировский «Глобус». Но они находились в Риме. Лондон планировали посетить позже, на Олимпийских играх возникали затруднения из-за обычая древних греков не допускать на спортивные состязания женщин. Вокруг только и говорили о Проекциях, и они решили сходить в Колизей.

Рэм пытался разобраться в сути Проекций, но тонул в научных выкладках и многословных объяснениях, как нерадивый школяр в конспектах перед экзаменом. Отправляя недовольно ворчавшую Джоан в одиночестве бродить по улицам Вечного города, он два дня игрался видеокубиками на программнике.

Землю, подобно озоновому слою, окружала трепещущая информационная сфера, сотканная из отражённых электромагнитных волн. В момент излучения, на них тончайшим узором, как на матрицу, накладывались биополя живших в то время людей. Задача состояла в том, чтобы выудить из этого месива конкретные биополя соответственно строго определённому времени и пространству. При воссоздании конкретной Проекции, на слабые сгустки энергии, которым придавали облик людей и начиняли информационным квантом с вполне определёнными сведениями об индивидууме, накладывали соответствующее биополе. Прочитанные биополя предварительно закладывали в компьютер и с помощью моделирования к ним подбирались воссозданные знаниями, фантазией авторов и скрупулёзной работой компьютерных схем и кристаллов, соответствующие образы. Самым простым в создании Проекций было придание бесформенным сгусткам энергии человеческого облика. Изюминка заключалась в том, что сами авторы и постановщики не знали, как будет протекать и чем закончится воссозданное ими очередное действие. В этом они видели одно из доказательств истинности Проекций.

На первых порах путались времена, католические священники кричали пронзительными голосами кровожадных варваров, галантные кавалеры и дамы разговаривали на латыни, но постепенно настойчивый труд дал свои результаты.

На экране о Проекциях высказывали прямо противоположные мнения. На одном канале информационную сферу называли плодом больного воображения, разбивали в пух и прах теорию об отражённых электромагнитных волнах с наложенными на них биополями, с чем Рэм внутренне соглашался, а самих проектантов называли великими иллюзионистами и имитаторами. Сами же Проекции в глазах оппонентов выглядели, как буйно фантастические компьютерные представления.

На другом канале проектантов превозносили до небес. Их сравнивали с Эйнштейном и Поповым. Проекция называли величайшим открытием двадцать девятого столетия и пророчили им большое будущее. Энтузиасты Проекций с восторгом уверяли, что теперь история человечества это открытая книга. В недалёком будущем, выловив биополя исторических личностей, можно будет размотать клубки противоречий и исторических загадок.

Молодожёны записались на сеанс в Колизее и почти месяц осматривали Рим, ожидая своей очереди. Ещё при регистрации очереди с ними битый час беседовал психиатр, а перед самым сеансом служительницы объяснили правила поведения и входа-выхода из Проекций. И вот теперь Джоан почти, что билась в истерике, а Рэм начисто забыл о коробочке, спрятанной в складках туники. Он хорошо запомнил место, где они появились, но перед ними высилась только глухая, мало похожая на имитацию, стена. Рэм на миг даже почудилось, что всё это взаврадашнее, и его самого сейчас схватят, сунут в руки меч или копьё и отправят на арену. В гневе он постучал по стене кулаком. Никакого намёка на дверь. Таковую стену только бластером и возмёшь. И тут совсем рядом с ними стена начала как бы размываться, в ней показалась тут же распахнувшаяся дверь и, ныряя в неё вместе с Джоан, Рэм вспомнил о коробочке.

Они пулей влетели в полутёмную после солнечного дня, комнату. Строгая женщина в коричневом брючном костюме и синим значком на груди, укоризненно сказала:

– Я же предупреждала, как надо выходить. Всегда одно и то же.

Джоан гневно выпалила ей в лицо, будто женщина придумала всё это:

– Какая мерзость! И после этого нам говорят, что античный мир это колыбель цивилизации!

Служительница подала стакан с розовой жидкостью и Джоан, стуча зубами о край, выпила половину. Рэм отрицательно покачал головой и служительница, теперь уже не укоризненным, а доверительным тоном сказала:

– Со всеми одно и то же, мы еле успеваем подготовить выход. Надо прекращать эти побоища, они никому не доставляют удовольствия.

Пока первая занималась с ними, её напарница, дежурившая у входа, быстро нажала на кнопки пульта и в холле, оказалось, сразу пять человек.

После Рима следующим пунктом их программы значился Париж. Рэм заикнулся, что неплохо бы продолжить морские купания и всё то, чем они сопровождаются. Джоан возразила. Они и так позагорали больше двух месяцев, и чрезмерные морские купания с такими же чрезмерными дозами любви, вредно отразятся на его организме. Поскольку, как мужчина, он её устраивает, ей хотелось бы продлить их полноценную совместную жизнь как можно дольше. Поэтому они делают перерыв в развлечениях и займутся культурой.

В Париж они отправились через Довиль на тихоходе более подходившим для отдыха, чем для передвижения. В хорошую погоду, по желанию публики, двигатели стопорили, и пару дней он безмятежно скользил под парусами. Но как бы тихо не передвигалось, выбранное ими плавсредство, до Довиля они всё-таки добрались. В море продолжался так понравившийся Рэму вид отдыха и, как он заметил, Джоан, несмотря на её серьёзное заявление, он тоже не внушал отвращения.

В Париже, с упорством провинциалов, они занялись изучением Лувра, Тюильри, посещением театров и всевозможных вернисажей. Театры были достопримечательностью Земли, на Венере в ходу было только современное искусство. Земные же театры, после многочисленных превращений, новых слов и гениальных новаций, если не считать современное оснащение сцены, вернулись едва ли не к шекспировским временам. Впрочем, здесь хватало места всем цветам. Рядом с классикой девятнадцатого столетия мирно уживался модерн двадцать второго, уже ставший архаикой, феерические хроники двадцать пятого, звёздные рапсодии двадцать шестого и современный новейший модерн. Вначале земное сценическое искусство не понравилось Джоан.

– Не понимаю, как древние находили в этом удовольствие. Смотришь с одной точки и даже не видишь глаз артиста. И никакого ощущения, что ты в этом тоже участвуешь, – говорила она, пожимая своими роскошными, золотистого загара, плечами.

Посетив десяток спектаклей, она вошла во вкус, и сказала задумчиво, что в этом что-то есть. Но на первом спектакле они опростоволосились.

В театр, оказывается, ходили в старинной одежде, а они, как дремучая деревенщина, заявили в современной. Можно было бы, конечно, если не обращать внимания на осеннюю прохладу, заявиться и в пляжном одеянии, никто бы им ничего не сказал, но в антрактах на них оборачивались и они выглядели, как белые вороны.

Заканчивалось очередное действие, и жизнь пьесы переносилась в фойе, смотровые залы, буфетные. Пьеса игралась на языке автора и на этом же языке между собой общались зрители. В первый раз Джоан восприняла всё это: костюмы, манеру поведения, язык за известное всей Ойкумене выдрючивание коренных землян, и вернулась домой с оттопыренной нижней губкой. Но, повращавшись среди заядлых театралов, она в очередной раз сказала: «В этом что-то есть» и уже с удовольствием представляла из себя то сентиментальную тургеневскую барышню, то погрязшую в практицизме деловую женщину, то не знающую страха энергичную покорительницу Вселенной, с восторгом кладущую свою жизнь на алтарь служения Человечеству.

На следующее утро после выхода в свет, Джоан связалась с ближайшим центром обслуживания. Рэм, ещё не проснувшись, как следует, сидел на постели, кое-как прикрывшись простынёй, и поочерёдно поглощал бодрящий тоник и утренний кофе, доставленные в номер гостиничным роботом. Вполуха он слушал переговоры Джоан, долетавшие в спальню через полуоткрытую дверь из гостиной. В центре обслуживания Джоан связали с Домом одежды. Рэму страсть как не хотелось никуда идти и таскаться по примерочным. Когда женский голос начал объяснять, как добраться до их Дома и сколько времени может занять выбор костюма и примерка, Рэм заорал, что никуда не пойдёт. Джоан, занятая беседой, не обратила на крики мужа внимания и он, как был с чашкой кофе в руке, выскочил в гостиную. По дороге он за что-то зацепился, простынь, представлявшая на нём тунику, размоталась и свалилась на пол. Молодая женщина на экране, смеясь так, что у неё подрагивали плечи, прикрываясь изящной узкой ладонью, сказала, что не надо ни о чём беспокоиться и через четверть часа мастер будет у них.

Мастером оказалась стильная, коротко стриженная девица. Сняв перехваченный в поясе узким ремешком длинный тёплый плащ с высокими плечами, она осталась в белоснежной приталенной майке-платье, едва прикрывающим трусики и древнеримских сандалиях с ремешками до колен. С Рэмом справились быстро. Оказалось, что ему очень идёт длиннополый пиджак с разрезами по бокам, расклешенные брюки и, невообразимый нормальным человеком, какой-то бантик на шее. Подсоединив свой миникомпьютер к экрану связи, девица передала задание в Дом одежды, и занялась Джоан. Этого Рэм выдержать не смог и пошёл в ближайшее кафе продолжить знакомство с земными винами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.